

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVIII.

1885.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкина. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ

ПРАВІТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 1

В. Г. Васильевскій. Обозначеніе болгарскаго патриаршества при царѣ
Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1235 году. 1

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Э. Л. Радловъ. О направленіяхъ въ психофизиологию 57

А. М. Позднѣевъ. Очеркъ путешествія въ Монголію. М. Пашкова. 1883. 87

Н. А. Осюкинъ. Н. П. Смирновъ. Отношенія Венеціи къ городскимъ
общинамъ Далмаціи. 1884. 125

О. М. Истоминъ. Законы стиха русскаго народнаго и нашего лите-
ратурнаго. П. Д. Голоухастова. 1883. 135

Н. П. Филиевичъ. Памятники русской старины въ знаменитыхъ гу-
берніяхъ. Издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н.
Батюшковскимъ. Вып. VI. Холмская Русь. 1885. 150

Н. Н. Луныгинъ. Реформа преподаванія древнихъ языковъ въ австрій-
скихъ гимназіяхъ 1

— Наша учебная литература (разборъ пяти книгъ) 23

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

И. В. Номяловскій. Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ
1884 г. (окончаніе). 1

— Императорское Русское Географическое Общество въ 1884 г. 56

— Императорское Русское Историческое Общество въ 1884 г. 70

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 83

— Некрологъ. I. Н. А. Оверцовъ 93

II. К. К. Зейдицъ 94

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

О. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ отлiahъ въ древней
аттической комедіи. 129

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 6-го марта).

ОБНОВЛЕНІЕ ВОЛГАРСКАГО ПАТРІАРШЕСТВА ПРИ ЦАРѢ ІОАННѢ АСѢНѢ II ВЪ 1235 ГОДУ.

I.

Задача настоящей статьи будетъ заключаться въ сопоставленіи и разъясненіи нѣсколькихъ документовъ, отчасти изданныхъ, отчасти не изданныхъ, относящихся къ церковной, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и политической исторіи Греціи и Болгаріи въ первой половинѣ XIII столѣтія — въ періодъ Латинской имперіи въ Константинополѣ и Греческой въ Никеѣ. Не изданные документы заимствуются нами изъ греческаго рукописнаго сборника XIII или XIV вѣка, принадлежавшаго некогда монастырю св. Екатерины на горѣ Синаѣ и недавно приобретеннаго Императорскою Публичною Библіотекой, въ числѣ другихъ сокровищъ, отъ преосвященнаго Порфирія (Успенскаго). Въ первой своей части сборникъ этотъ содержитъ переписку одного виднаго въ свое время іерарха Греческой церкви, Іоанна Апокавка, бывшаго митрополитомъ въ городѣ Навиактѣ (теперь Лепанто) при деспотахъ Эпирскихъ Михайлѣ (1204—1214 гг.), Теодорѣ (1214—1230 гг.) и Мануилѣ (1230—1240 гг.); между письмами самаго Іоанна въ перемежку помѣщаются разнаго рода акты, преимущественно постановленія мѣстныхъ соборовъ, патріаршіи и царскія грамоты, касающіяся не только частныхъ дѣлъ данной митрополіи, но и общихъ церковныхъ вопросовъ той эпохи, а также посланія къ нему его друзей и знакомыхъ изъ среды высшаго духовенства. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть возможность ближе познакомить читателей нашихъ статей, какъ съ содержаніемъ означенной перописки, несомнѣнно весьма любопытной и важной въ историческомъ отношеніи, такъ равно и

часть осхххviii, отд. 2. 1

съ содержаніемъ вообще всего Порфиріевскаго сборника, ибо въ немъ находится и еще многое другое, пока совсѣмъ неизвѣстное ученому міру, но не лишенное значенія и цѣнности; при содѣйствіи одного изъ нашихъ университетскихъ слушателей (студента Х. М. Лопарева) мы успѣли почти все пужное списать и отчасти изучить. Точкою отправленія для настоящаго нашего разслѣдованія послужилъ документъ, помѣщенный между письмами Іоанна Апокавка и озаглавленный просто „Къ царю“ (*πρὸς τὸν βασιλέα*) безъ дальнѣйшаго обозначенія имени царствующаго лица или же парода, ему подвластнаго; изъ содержанія документа однако видно, что письмо было писано не митрополитомъ города Навпакта, Іоанномъ Апокавкомъ ¹⁾, а пришедшимъ въ Европейскую Грецію съ Востока уполномоченнымъ или экзархомъ православнаго Константинопольскаго патріарха, пребывавшаго въ Никей, и предназначалось оно (это письмо) не какому-либо другому властителю, а именно царю Загорскому, то-есть, Болгарскому. Не трудно было разгадать, что подъ лицомъ, которое именуетъ себя патріаршимъ мѣстоблюстителемъ и экзархомъ, отправленнымъ на западъ для устройства церковныхъ дѣлъ, намъ слѣдуетъ разумѣть митрополита Акирскаго (Ангорскаго), Христофора, получившаго свои полномочія отъ патріарха Германа II и его синода (мѣстнаго собора) въ 1232 году, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ соборное дѣяніе, изданное въ сборникѣ Миклошича (*Acta graeca*, t. III, 65). Сообразно съ тѣмъ, подъ Болгарскимъ царемъ приходилось разумѣть знаменитаго Іоанна Асѣна II (1218—1241 гг.); а такъ какъ въ посланіи къ нему говорится о примиреніи Болгарской церкви съ православнымъ патріаршимъ престоломъ, объ отреченіи бывшаго Терновскаго архіепископа отъ своего престола и о способѣ избранія и посвященія будущаго его преемника, то само собою бросалась въ глаза чрезвычайная важность документа, оставившагося до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, для разъясненія нѣкоторыхъ весьма существенныхъ вопросовъ о церковныхъ и политическихъ отношеніяхъ Болгарскаго царства въ данную эпоху. Къ сожалѣнію, документъ нашъ не имѣетъ даты, въ немъ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній, къ какому именно году мы должны относить его; между тѣмъ знать это было бы весьма нужно для полнаго уразумѣнія его смысла и значенія.

Сущность проблемы заключается въ слѣдующемъ: какъ извѣстно,

¹⁾ Хотя и есть нѣсколько его писемъ съ такимъ же точно надписаніемъ, при чемъ подъ царемъ разумѣется Феодоръ Комнинъ Шпрскій.

въ 1235 году (по другимъ — въ 1234) совершилось важное въ судьбахъ Болгарскаго народа событіе, обозначаемое выраженіемъ „обновленіе Болгарскаго патриаршества“, заимствованнымъ изъ одного стариннаго памятника болгарской письменности. Смысль событія заключался въ томъ, что основанная помимо всякаго соглашенія съ Константинопольскимъ патриархомъ отдѣльная Болгарская церковь, съ архіепископомъ Терновскимъ во главѣ, вступившая потомъ въ унію съ римско-католическою церковью и признавшая власть папскаго престола, при чемъ архіепископъ Терновскій получилъ отъ папы званіе примаса, теперь — въ 1235 году — признапа была и со стороны православныхъ восточныхъ патриарховъ не только законно существующею, но въ извѣстной степени самостоятельною, въ знакъ чего архіепископъ Терновскій получилъ титулъ патриарха. Точный объемъ правъ, признанныхъ за Терновскимъ патриархомъ, оставался и остается довольно спорнымъ и неяснымъ, такъ что по этому вопросу сейчасъ же начались препирательства и раздоры между тогдашними Греками и Болгарами, находящіе себѣ отраженіе и въ современной историографіи. Еслибы нашъ документъ по своему происхожденію относился либо къ этому самому 1235 году, либо къ одному изъ ближайшихъ послѣдующихъ годовъ, то онъ ясно доказывалъ бы, что съ дарованіемъ Терновскому іерарху патриаршаго титула Греки съ самаго начала вовсе не соединяли представленія о полной самостоятельности и независимости Болгарской церкви; споръ рѣшался бы въ смыслѣ большей правоты Грековъ. Съ перваго взгляда намъ такъ и казалось; мы думали, что посланіе Анкирскаго митрополита и патриаршаго эвзарха находится въ непосредственной и тѣснѣйшей связи съ обновленіемъ Болгарскаго патриаршества въ 1235 году. Однако при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи явилась возможность и другаго предположенія, именно — что нашъ документъ относится къ годамъ, нѣсколько болѣе раннимъ, и что въ немъ идетъ рѣчь пока только о возстановленіи іерархическаго союза и подчиненія Болгарской церкви во владѣніяхъ Асѣна по отношенію къ православному патриарху въ Никей: получался новый историческій фактъ, совсѣмъ не отмѣченный въ лѣтописяхъ греческихъ и вообще въ доселѣ извѣстныхъ источникахъ. Ясное дѣло, что могутъ быть различаемы двѣ вещи: признаніе власти Константинопольскаго патриарха со стороны Болгарскаго царя и духовенства, что равнялось бы формальному разрыву латинской уніи и связей съ папскимъ престоломъ, а затѣмъ болѣе или менѣе полная отмѣна власти Константинополь-

скаго патріарха въ 1235 году, когда и самъ Терновскій архіепископъ получилъ титулъ патріарха, приравнивающій его къ высшимъ представителямъ православной іерархіи. При второмъ толкованіи нашего документа, изъ него вытекалъ бы болѣе опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о времени, когда именно прекратился союзъ Болгарской церкви съ Римскимъ престоломъ, основанный при папѣ Иннокентіи III и царѣ Калоянѣ, о чемъ также существуютъ различныя мнѣнія.

Для болѣе вѣрнаго рѣшенія означенной проблемы и вообще для правильнаго пониманія и оцѣнки издаваемого нами документа, необходимо имѣть сколь возможно точныя представленія о ходѣ церковныхъ и тѣсно съ ними связанныхъ политическихъ дѣлъ Болгаріи отъ заключенія латинской уніи до 1235 года, до возстановленія православнаго патріаршества въ Терновѣ. Для этой цѣли могутъ служить сочиненія С. Н. Палаузова ¹⁾, Е. Е. Голубинскаго ²⁾, В. В. Макушева ³⁾, М. С. Дрипова ⁴⁾, К. І. Иречка ⁵⁾ и Ф. И. Успенскаго ⁶⁾, которыми мы и воспользовались съ надлежащею провѣркою достигнутыхъ названными изслѣдователями результатовъ; мы даже позволили себѣ привести въ началѣ слѣдующей главы двѣ страницы изъ сочиненія Е. Е. Голубинскаго, такъ какъ въ нихъ заключается наиболѣе сжатое и въ то же время отчетливое изложеніе исторіи происхожденія Терновскаго патріаршества и латинской болгарской уніи XIII столѣтія: нужней для насъ исходный пунктъ. Съ другой стороны, для рѣшенія вопроса о годѣ, къ которому слѣдуетъ относить посланіе патріаршаго экзарха къ Асівию, необходимо было внимательно огнестись къ даннымъ объ отравленіи этого лица на западъ, то-есть, въ европейскую Грецію, о его тамъ пребываніи и дѣйствіяхъ. По счастью, въ томъ же самомъ (Спайскомъ) Порфирьевскомъ сборникѣ Месо-

¹⁾ Грамота патріарха Каллиста, какъ новый источникъ исторіи Болгарской церкви: *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности* 1859 г., стр. 149 и сл.

²⁾ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской, и Румынской. Москва. 1871.

³⁾ Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка: *Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1872 г., № 3.

⁴⁾ Исторически прегледъ на Българска-та църква. 1869.

⁵⁾ Исторія Болгаръ. Сочиненіе д-ра Кост. Иос. Иречка. Переводъ Бруна и Палаузова. Одесса. 1873.

⁶⁾ Образованіе второго Болгарскаго царства. Одесса. 1879.

потому оказалось нѣсколько новыхъ актовъ, относящихся къ посольству митрополита Анкирского; они, прежде всего, могутъ служить прекраснымъ дополненіемъ и разъясненіемъ къ тому, что уже было напечатано Мяклошичемъ (въ Acta Graeca), а для насъ они получали тѣмъ большую важность, что, какъ оказывалось, самыя задачи, предстоявшія экзарху въ греческихъ областяхъ, были аналогичны съ тѣми, какія онъ преслѣдовалъ по отношенію къ Болгаріи. Наконецъ, документы, имѣющіе связь съ миссіей митрополита Анкирскаго, довольно страннымъ и неожиданнымъ образомъ нашлись въ XIX томѣ „Церковныхъ Лѣтописей“ Баронія, посвященномъ періоду отъ 1147 по 1198 г. Оказалось, что Керкирскій митрополитъ Георгій, обращающійся съ своими посланцами къ царю Мануилу, къ (западному) императору Фридриху, совершившій поѣздку въ Италію для переговоровъ съ папою, состоявшій въ перепискѣ съ восточными православными патриархами, названными у Баронія по именамъ, жилъ не въ семидесятихъ и восьмидесятихъ годахъ XII столѣтія, какъ полагалъ Бароній, а именно въ первой половинѣ XIII, что это — известный Георгій Варданъ, ученикъ знаменитаго Михаила Акомината, митрополита Лонискаго, что подъ царемъ Мануиломъ слѣдуетъ разумѣть не Мануила Комнина, а Мануила, деспота Эпирскаго, подъ императоромъ Фридрихомъ не Барбароссу, а Фридриха, II и т. д.

II.

Обращаемся къ сочиненію г. Голубинскаго (Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 78):

„Основатели втораго Болгарскаго царства, братья Петръ и Асень, позаботились объ устройствѣ самостоятельнаго церковнаго управленія въ своей странѣ немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ превозглашена была ея государственная независимость.

„Такъ какъ Ахрида, съ находившимся въ ней престоломъ прежняго болгарскаго архіепископа, осталась во власти грековъ, то поставленъ былъ новый архіепископъ въ столичномъ городѣ новаго царства Терповѣ, которому и подчинены были всѣ болгарскіе епископы (находящіеся предъ этимъ—одни въ завѣдываніи подчиненнаго патриарху Константинопольскому митрополита Доростольскаго, другіе—подъ властію архіепископа Ахридскаго). Это было или въ 1185 или 1186 году. Только что отложившись отъ грековъ и находясь еще крайне во враждебныхъ отношеніяхъ съ ними, государя Болгарскіе, имѣтъ со-

мѣнія, дѣйствовали при учрежденіи своей архіепископіи безъ всякаго спроса у этихъ послѣднихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны согласія.

„Въ минуту отпаденія болгаръ отъ имперіи, епископскія епархіи отпадевшей части прежняго царства, болѣе чѣмъ вѣроятно, всѣ замѣщены были греками. Какимъ образомъ эти епископы-греки рѣшились поставить отдѣльнаго болгарскаго архіепископа и тѣмъ посягнуть на права своихъ греческихъ — патріарха Константинопольскаго и архіепископа Ахридскаго, при отсутствіи всякихъ рѣчей объ этомъ у лѣтописцевъ, остается совершенно неизвѣстнымъ; но несомнѣнно, что архіепископъ былъ поставленъ, и слѣдовательно, такъ или иначе, но епископы были преклонены это сдѣлать.

„Послѣ сего, прежде чѣмъ возстановленъ былъ церковный миръ съ греками, имѣлъ мѣсто эпизодъ подчиненія болгаръ власти папы. Извѣстный своимъ ревностными стараніями о привлеченіи славянскихъ народовъ подъ кровъ св. сѣдалища, папа Инокентій III (1198—1216 гг.) всего менѣе могъ оставить между этими народами безъ своего вниманія недавно возвратившихъ себѣ независимость болгаръ и претупить воспользоваться тѣми политическими обстоятельствами, въ которыхъ они находились. Сверхъ того греческое, новыя государи болгарскіе eo ipso стали дѣйствительными и законными государами своей страны: но мало было того, что таковыми признавали они себя сами и были признаваемы отъ своихъ подданныхъ; тогда, также какъ и въ настоящее время, важны были отношенія международныя, и необходимо было, чтобы признавали ихъ не простыми бунтовщиками противъ императора Греческаго, а дѣйствительными государами, ихъ сосѣди. Но достигнуть этого послѣдняго по отношенію къ сосѣдямъ западнымъ, между которыми весьма важны были непосредственныя сосѣди венгры или мадьяры, возможно было не иначе какъ черезъ посредство папы, то-есть, не иначе какъ получивъ признаніе и утвержденіе въ своемъ достоинствѣ отъ этого послѣдняго, потому что по тогдашнимъ понятіямъ католическихъ народовъ только папа могъ творить дѣйствительныхъ и законныхъ государей. Зная эту нужду въ себѣ, Инокентій III и не преминулъ обратиться къ болгарамъ; въ концѣ 1199 или въ 1200 году онъ отправилъ къ тогдашнему государю болгарскому Калояну своего посла, съ которымъ, выражая государю свое Благоволеніе за его будто бы приверженность къ апостольскому сѣдалищу, предлагалъ ему вступить съ Римскимъ престоломъ въ тѣснѣйшія сношенія. Калоянъ принялъ сдѣланное предложеніе именно такъ, какъ разчитывалъ папа, то-есть, съ величайшею

готовностью, и такимъ образомъ и состоялось кратковременное подчиненіе болгаръ Римской церкви. Послѣ недолго веденныхъ переговоровъ, папа прислалъ въ Болгарію своего легата, который въ началѣ королевскимъ вѣдомомъ Калояна и возвелъ въ званіе примаса Терновскаго архіепископа (въ ноябрѣ 1204 года), а болгары, съ своей стороны, дали торжественное обѣщаніе признавать папу своимъ верховнымъ главой и неизмѣнно пребывать въ его подчиненіи. Нисколько не думая на самомъ дѣлѣ присоединиться къ Римской церкви, а водимые единственно указанными нуждами политическими, болгары, хотя формальнымъ образомъ не тотчасъ же разорвали съ папой свой союзъ, какъ дали ему свое торжественное обѣщаніе, но въ дѣйствительности считали его прекращавшимся именно тамъ, гдѣ папа видѣлъ его начинавшимся, то-есть, именно съ той самой минуты, какъ получили отъ него все, что желали получить въ видахъ государственныхъ. За сямъ слѣдуетъ небольшой промежутокъ времени, въ продолженіе котораго дѣла болгарской церкви остаются для насъ въ совершенной неизвѣстности. Скоро прекративъ сношенія съ папою, болгары, какъ кажется, не возобновляли и тѣснаго общенія съ греками, а пребывая въ православіи, остались одни сами съ собою¹⁾.

Отъ себя мы можемъ прибавить къ этому слѣдующее: Фактическому разъясненію отношеній самостоятельной Болгарской церкви къ Римской и Греческой могли бы содѣйствовать два документа, находящіеся въ собраніи трудовъ знаменитаго греческаго іерарха и канониста XIII столѣтія Орхидскаго архіепископа Димитрія Хоматина. Къ сожалѣнію, они остаются до сихъ поръ не изданными и намъ извѣстны только по оглавленію въ списаніи греческихъ рукописей Мюнхенской королевской бібліотеки. Въ кодексѣ, числящемся по каталогу Гардта за № LXII (Hardt, Catalogus codicum manuscriptorum, graecae bibliothecae regiae Bavaricae, I, 338) находится, во первыхъ, письмо Димитрія къ митрополиту Керкирскому Недіадиту о священникахъ, рукоположенныхъ болгарскими епископами, пришедшими изъ Зигоры²⁾ и, во вторыхъ, соборное дѣяніе относительно рукоположенія іереевъ и діаконовъ, совершеннаго вышедшими изъ

¹⁾ Въѣе подробное и документальное изложеніе переговоровъ Калояна съ папою Иннокентіемъ находится у самого *И. Е. Голубинскаго* въ примѣчаніяхъ (стр. 264—276) и въ вышеозначенномъ сочиненіи *Ф. И. Успенскаго*.

²⁾ *Επιστολή προς τὸν χρηματίσαντα μητροπολ. κερκίρας τὸν πεδὰδ. (sic) περί τὸν χειροτονηθέντων παρὰ τὸν βουλγαροεπισκόπων τὸν ἀπὸ τῆς Ζαγορᾶς ἐξελθόντων.*

Загорн болгарскими епископами, и о томъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ склоняться къ снисхожденію, и что церковь принимаетъ рукоположенныхъ неканоническими архіереями ¹⁾). Нужно замѣтить, что первый документъ писанъ нѣсколько ранѣе 1219 года, когда былъ избранъ и посвященъ на Керкирскую кафедру преемникъ Василія Педіадита Георгій Вардацъ, питомецъ и ученикъ Михаила Акомината Аѳинскаго и одинъ изъ самыхъ усердныхъ почитателей и корреспондентовъ Іоанна Навпактскаго ²⁾). Къ тому же приблизительно времени должно относиться и соборное дѣяніе. Изъ того, что намъ известно объ его содержаніи, явствуется, что, съ одной стороны, высшая іерархія болгарская не признавалась греками въ данный моментъ законною, слѣдовательно, никакъ не возстановлены были правильныя каноническія отношенія къ Константинопольскому патриарху, по что, съ другой стороны, священники и діаконы, посвященные неканоническими болгарскими епископами, не отвергались безусловно, но могли быть допущены къ исполненію церковныхъ таинствъ и богослуженія. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что и по отношенію къ латинской церкви Димитрій Хоматинъ держался болѣе мягкаго и примирительнаго взгляда, такъ что допускалъ извѣстное церковное общеніе и съ католиками, а по отношенію къ рукоположенію священниковъ ссылался на отеческое преданіе, по которому признавалась дѣйствительность даже еретическаго рукоположенія ³⁾).

Въ сочиненіи другаго русскаго ученаго, именно Ѳ. И. Успенскаго, проводится та же мысль объ ефемерномъ, мимоѣдномъ значеніи уніи 1204 года.

„Политическія обстоятельства побудили царя Іоанна искать сближенія съ Римомъ, но когда миновала въ томъ надобность, послѣ завоеванія латинянами Константинополя, натурально, Болгарскому царю представились высшіе планы и задачи не въ уніи съ Римомъ, но въ защитѣ православія противъ латинства. Носителемъ

¹⁾ Πράξις συνοδική γενομένη ἐπὶ τῆ χειροτονίᾳ τῶν ἱερέων καὶ τῶν διακόνων τῆ γενομένη ἀπο τῆς Ζαγοράς ἐξελλόντων βουλγαροεπισκόπων καὶ ὅτι ἐν τοῖς ἀμφεβόλοις δεῖ νεύειν πρὸς τὸν φιλόνηρον καὶ ὅτι τοὺς χειροτονηθέντας παρ' ἀκανονιστῶν ἀρχιερέων ἢ ἐκκλησίαι δεχεται.

²⁾ О Георгіѣ Варданѣ рѣчь будетъ и здѣсь ниже, а подробности впоследствии. Годъ его посвященія опредѣляется нами на основаніи не издавнаго документа въ Поронріевскомъ сборникѣ № 35.

³⁾ Rally, Σύσταμα V, 433.

такихъ задачъ, въ качествѣ императора болгаръ и грековъ, Юанитъ является въ послѣдніе годы своей жизни (1205—1207).

Тотчасъ послѣ основанія Латинской имперіи и утвержденія франковъ въ Константинополь поднялось противъ нихъ народное движеніе во Фракіи и Македоніи; оно было подготовлено тайными сношеніями мѣстныхъ жителей, грековъ и болгаръ, съ царемъ Юанномъ; оно дало поводъ царю Болгарскому выступить защитникомъ православія, общихъ интересовъ греко-славянскаго міра противъ католическаго преобладанія; Калоянъ Болгарскій вѣдѣтъ съ тѣмъ принялъ на себя задачу оживленія оскудѣвшаго въ Византіи императорства¹⁾.

Битвой при Адрианополь (15-го апрѣля 1205 года) нанесенъ былъ Латинской имперіи такой ударъ, который уже въ самомъ началѣ подкосилъ ея будущность; императоръ Балдуинъ былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ болгарскимъ узникомъ... Однако, не смотря на этотъ успѣхъ, Калоянъ, подобно своимъ предшественникамъ болгарскимъ и преемникамъ сербскимъ, оказался несостоятельнымъ предъ задачею, ему предстоявшею, какъ это видно отчасти изъ той же книги Ф. И. Успенскаго. Міродержавная императорская роль представителя греко-славянскаго міра не давалась славянскимъ государямъ. Попытка Юанна основать греко-болгарское царство на Балканскомъ полуостровѣ, со столицей въ Константинополь, осталась въ области мечтаній. Виною тому было или нежеланіе или неумѣнье Калояна сдержать или обуздать племенную народную ненависть болгаръ къ грекамъ. „Болгарскій царь, уступая вѣкамъ наклонявшейся ненависти славянъ къ грекамъ, далъ полную волю чувству мести, обращая въ развалины города и селенія между Адрианополемъ и Константинополемъ“ (стр. 253). Война въ Македоніи и Фракіи, предпринятая въ интересахъ православнаго міра, приняла ужасный и истребительный характеръ, направляясь не противъ латинцевъ, а противъ грековъ. Царь Калоянъ, по греческому преданію, умеръ какъ врагъ православной церкви, чудеснымъ образомъ пораженный десницею великомученика Димитрія Солунскаго; сказаніе о томъ внесено было въ сказанія о чудесахъ великомученика, одинаково почитаемаго какъ греками, такъ и болгарами²⁾.

¹⁾ Образованіе второго Болгарскаго царства, стр. 219, 215, 246.

²⁾ По гречески оно напечатано въ комментаріяхъ *Даллація* къ исторіи Акрополиты, по славянски — въ Минеихъ митрополита Макарія, а также вошло въ составъ русскихъ хронографовъ.

Въ сущности, Калоянъ не былъ даже совершенно искреннимъ борцемъ за православіе и православную церковь; его дѣйствія во Фракіи и Македоніи не повели къ прямому разрыву съ папскимъ престоломъ и латинствомъ. Болгарскій царь и самъ папа Иннокентій III не чужды были сознанія, что политическіе союзы и вражды не всегда могутъ совпадать съ религіозными и церковными, и что католическіе, вѣрные Римскому престолу, государи могутъ воевать между собою, не отрекаясь отъ своей вѣры, не переставая быть сынами Римской церкви, хотя предполагалось, конечно, что они обязаны слушаться примирительнаго голоса, когда онъ раздается съ высоты каедръ св. Петра. Калоянъ предупреждалъ Иннокентія III о возможности столкновенія своего съ франками, если онъ увидитъ въ ихъ образѣ дѣйствій какой-нибудь себѣ вызовъ; въ такомъ случаѣ онъ предоставлялъ себѣ полную свободу дѣйствія, не желая однако возбуждать какихъ-либо подозрѣній противъ себя въ римскомъ первосвященникѣ — *sed sint universa libera* ¹⁾. Съ своей стороны, Иннокентій III, и послѣ Адрианополюской, роковой для латинянъ, битвы не считалъ царя Іоанна вышедшимъ изъ-подъ послушанія Римской церкви; онъ обращался къ нему съ совѣтами, цѣль которыхъ состояла въ водвореніи мира между чадами Римскаго престола, онъ обращался и къ противной сторонѣ, совѣтуя Константинопольскому регенту искать все-таки дружбы и союза съ Болгарскимъ царемъ ²⁾.

Пресмникомъ Калояна былъ его племянникъ по сестрѣ, Борилъ, устранившій другаго претендента, права котораго на престолъ были даже выше его собственныхъ, ибо та былъ сынъ старшаго брата Калоянова, Асѣнъ. Борилъ (1207—1218 гг.) продолжалъ борьбу съ франками, но не столь удачно, какъ его предшественникъ, потому что въ самомъ началѣ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Латинскаго императора Генриха; онъ вмѣшивался во внутреннія распри феодальной державы, по западному обычаю раздѣлившейся на нѣсколько большихъ и малыхъ, почти независимыхъ, государствъ; при этомъ одинъ разъ произошелъ такой знаменательный эпизодъ, что Болгарскій царь былъ призванъ на помощь латинянами-ломбардцами, основавшими Солунское королевство, но совсѣмъ не намѣлъ сочувствія въ поработенныхъ этими латинянами православныхъ грекахъ;

¹⁾ См. *Успенскаго*, Образованіе втораго Болгарскаго царства, стр. 244.

²⁾ Тамъ же, стр. 261.

жители города Сереса предпочли впустить къ себѣ внутрь стѣнъ отрядъ латинскаго императора ¹⁾. Несомнѣнно, что царь Бориль обнаружилъ горячую ревность по вѣрѣ преслѣдованіемъ богомильской ереси, ради чего былъ собранъ въ Терновѣ большой соборъ въ февралѣ 1211 года ²⁾. Нѣтъ нужды предполагать, что въ этомъ частномъ случаѣ царь непремѣнно дѣйствовалъ по внушенію и указанію Иннокентія III, хотя и вѣрно то, что именно въ соотвѣтствующій періодъ времени Римская церковь подняла истребительную борьбу на западѣ противъ подобныхъ же еретиковъ дуалистическаго толка (альбигойцевъ), борьбу, перенесенную затѣмъ въ Боснію и вообще всюду, куда достигалъ папскій авторитетъ. Богомиловъ преслѣдовали и въ Византійской имперіи въ началѣ XII вѣка и послѣ; способъ, которымъ были уловлены и посрамлены сѣятии нечестія въ Болгаріи, по видимому, имѣлъ большое сходство съ описаннымъ Анною Комниною приѣмомъ ея отца, Алексѣя I Комнина (1081—1118 гг.), при обличеніи богомиловъ Филиппопольскихъ: болгарское сказаніе о соборѣ славитъ великую хитрость царя, обѣщавшаго ересеучителямъ полную безопасность, чтобы склонить ихъ къ открытому исповѣданію своего злославнаго мудрорачія. Послѣ того какъ упорствованіе пораженны были изгнашею и другими еще тяжѣйшими казнями, царь Бориль, предсѣдательствовавшій въ императорскомъ пурпурѣ (свѣтлой багряницѣ) среди архіереевъ, священниковъ, иноковъ и свѣтскихъ бояръ, велѣлъ перевести съ греческаго на свой болгарскій языкъ сборникъ, то-есть, послѣдованіе, читаемое въ недѣлю православія и сопровождаемое анаематствованіями прежде бывшихъ ересей, какъ это установлено было дѣлать съ 842 года, со времени возстановленія иконопочитанія при царицѣ

¹⁾ Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 327.

²⁾ Относительно года нужно замѣтить, что одни относятъ Терновскій соборъ къ 1210 году, другіе—къ 1211. Поводъ къ недоразумѣнію подастъ самый источникъ, то-есть, такъ-называемый Сводикъ царя Бориса. Въ немъ отицень годъ отъ сотворенія міра (6718), индиктъ (14), число солнечнаго и луннаго круга (лунн 11-е лѣто, солнечнаго круга 15-е лѣто), число мѣсяца (11-е февраль) и день недѣли (пятница на сыропустной недѣлѣ); но индиктъ не совпадаетъ съ годомъ, такъ какъ февраль 6718 (1210) принадлежитъ 13-му индикту, а кругъ лунный не совпадаетъ съ солнечнымъ (15-е лѣто солнечнаго круга = 1210, но кругъ луны будетъ 14-й). Наиболее надежное указаніе даетъ день недѣли въ соединеніи съ числомъ мѣсяца; 11-е февраль падало на пятницу масленицы именно въ 1211 году.

Феодорѣ; къ одной статьѣ перевода онъ повелѣлъ приписать и дѣяніе своего собственнаго собора, чтобы все вмѣстѣ могло быть прочтѣваемо въ первое воскресенье великаго поста съ провозглашеніемъ церковнаго проклятiя на ряду съ другими врагами вѣры также и Богомилу съ его славянскими продолжателями. До сихъ поръ обнаружена только одна послѣдняя часть Синодика или Соборника, то есть, собственно болгарское дополненіе, да и то не въ цѣлости, такъ какъ вслѣдствіе утраты листовъ въ срединѣ рукописи, сохранившей намъ этотъ болгарскій памятникъ, не достаетъ начала повѣствованiя ¹⁾. Очень важно было бы точнѣе знать, что собственно было передано съ греческаго: ясно только то, что это былъ чипъ православiя, въ которомъ была анаемиатствованiя и многолѣтiя; но,

¹⁾ Рукопись, отысканная въ Терновѣ, была писана въ XIV или XV вѣкѣ; она принадлежала С. Н. Палаузову, который и напечаталъ изъ нея болѣе важныя части съ своимъ предисловіемъ во *Временникъ Московскаго Общества исторiи и древностей* за 1835 г., книга XI; затѣмъ сказаніе о Терновскомъ соборѣ съ дѣлѣйшими статьями перепечатаны Раковскимъ въ сочиненiи объ Асвнѣ, Бѣградѣ 1860. Данное рукописи названіе «Синодикъ царя Борнса» собственно принадлежитъ только одной этой статьѣ о Терновскомъ соборѣ 1211 года съ анаемиатствованiями и многолѣтiями; затѣмъ слѣдуютъ позднѣйшія приложенiя—сказанiе объ обновленiи Болгарскаго патриаршества, списки царей, патриарховъ и епископовъ болгарскихъ. Статья о Терновскомъ соборѣ начинается на 35-мъ изъ сохранившихся листовъ манускрипта: «Недостатокъ первыхъ страницъ рукописи, пишетъ Палаузовъ, лишаетъ насъ возможности узнать полное ея заглавіе; отъ 1-го до 25-го листа съ перерывами въ разныхъ мѣстахъ идетъ рядъ отдѣльныхъ вѣрованiй и ученiй прокламируемыхъ православною церковью; здѣсь рядомъ съ богохульнымъ ученiемъ манихейцевъ, встрѣчаемъ нѣкоторые вѣрованiя ипоселiанъ и богомилонъ; рядомъ съ именами безумныхъ святелей иже ученiя встрѣчаютъ имена поборниковъ православiя, царей и царицъ Византійскихъ и благочестивыхъ пастырей церкви, слиявшихся очистить истинное Христово ученiе отъ ложныхъ толкованiй»... Болѣе точныя указанiя см. въ статьѣ *Т. Д. Флоринскаго*: «Къ вопросу о Богомилахъ», въ Сборникѣ по славяновѣдѣнiю, изд. учениками В. И. Ламанскаго (см. о ней Прилож. 3-е къ нашей статьѣ). *Иречекъ* (Исторiя Богаръ, 329), имѣлъ совершенно неправильное представленiе о дѣлѣ; онъ полагалъ, что царь велѣлъ перевести съ греческаго на славянскiй языкъ *книгу законовъ* (сборникъ) *противъ богомилонъ* (ein Gesetzbuch wider die Bogomilen). Нѣтъ причины сомнѣваться, что помѣщенное въ рукописи сказаніе о соборѣ Терновскомъ есть именно та самая статья, которая была составлена по повелѣнiю царя Борнса на этомъ же соборѣ; точно также наши разсужденiя въ текстѣ выходятъ изъ того предположенiя, что не изданныя и плохо описанныя первые 24 листа заключали въ себѣ именно переводъ греческаго Синодика, сдѣланный по призыванiю Борнса.

какъ извѣстно, редакція статей, входящихъ въ составъ чина, уже въ Византійской имперіи подвергалась большимъ измѣненіямъ и дополненіямъ ¹⁾. По видимому, синодикъ или чинъ православія, переведенный при Борисѣ, заключалъ въ себѣ болѣе подробное и специальное перечисленіе ересей, чѣмъ послѣдующія редакціи, а также нѣсколько болѣе распространенное противъ обикновеннаго, по полное изложеніе дѣяній соборовъ, подобное тому, какое встрѣчается и въ позднѣйшихъ русскихъ изводахъ; въ этой послѣдней части собственно и присоединено было, по нашему представленію, соответствующее повѣствованіе о Терновскомъ соборѣ.

Во всякомъ случаѣ, переведенная съ греческаго статья не заключала въ себѣ ничего неправославнаго, — въ ней, конечно, не было мѣста признаваемому только латинами восьмому вселенскому собору (на Фотія). Соборъ Терновскій, по выраженію нашего памятника, былъ вписанъ въ православные соборы; и самый Терновскій соборъ названъ православнымъ, „прѣжде бо царства его никто же инъ (разумѣется — изъ государей болгарскихъ) сътвори православни съи съборъ“; самъ царь Борисъ тоже названъ православнымъ. Въ извѣстной степени правы тѣ новѣе ученые, и въ частности патріотически настроенные мѣстные изслѣдователи, когда они въ синодикѣ цари Бориса находятъ доказательство неглубокаго мимолетнаго запечія Калояновой униі, полнаго ея забвенія уже при первомъ преемникѣ царя Юанна. Но съ другой стороны въ актѣ, вѣроятно, не было также ничего противокатолическаго, и выраженіе „православный“, въ немъ употребленное нѣсколько разъ, могло вовсе не имѣть specialнаго смысла, выражающаго противоположеніе католическому и римскому, тѣмъ болѣе что и по условіямъ заключенной униі Болгарская церковь не обязывалась ни къ какимъ догматическимъ или даже обрядовымъ поповведеніямъ. ²⁾ Сколько мы знаемъ, въ сферѣ соб-

¹⁾ См. объ этомъ въ слѣдующемъ сочиненіи: „Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю Великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія“. Свщ. *Константина Никольскаго*. С.-Петербургъ, 1879, а также въ обширной рецензій на это сочиненіе свщ. *М. Горчакова* въ Отчетъ о двадцати-третьемъ присужденіи награды графа Уварова (Приложеніе къ XXXIX-му тому *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*).

²⁾ Въ русской редакціи Синодика, напечатанной Повиковымъ (*Древняя Россійская Визіювика 1775 г.*, томъ VIII), читается такая статья (стр. 9): „Вся, яко на святыхъ патриархи, Германа, Тарасія, Никонора и Меводія, *Никатія, Фотія*—испанная или реченная, да будеть прокляты“. Достаточно было опустить имя *Фотія*, чтобъ уничтожить противокатолическій характеръ статьи.

ственно церковной все ограничилось тѣмъ, что высшій предстоятель Болгарской церкви, Терновскій архіепископъ Василій, далъ папѣ присягу, какую давали подчиненные Римскому престолу епископы, по формѣ своей напоминавшую присягу Англо-Сакса Бонифація папѣ Григорію II; въ этой присягѣ шла только рѣчь о преданности лицу Римскаго первосвященника, объ обязанности вездѣ и во всемъ защищать его жизнь, честь, его интересы, объ обязанности являться къ „порогу апостольскому“, оказывать папѣ повиновеніе и то же самое внушать имѣющему быть помазаннымъ на царство (королевство) государю. Самая существенная сторона дѣла заключалась въ томъ, что Болгарская церковь въ лицѣ своего примаса и другихъ епископовъ, получившихъ палиумъ изъ Рима, разрывала іерархическую и каноническую связь съ Константинопольскимъ патріархомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ восточнымъ православнымъ міромъ; хотя она при этомъ и не отрекалась отъ болѣе внутренняго единства ученія, отъ своихъ преданій и обрядовъ, все-таки въ будущемъ это могло повести къ полной имѣннѣ—какъ этимъ преданіямъ, такъ и самымъ глубокимъ, основнымъ интересамъ славянства. Странно, что въ синодикѣ царя Бориса совсѣмъ не упоминается о Терновскомъ примасѣ; такъ какъ, по римской теоріи, высказанной Иннокентіемъ III, званіе примаса равнялось патріаршеству, то ясное дѣло, что, еслибъ онъ участвовалъ въ соборѣ, то и занималъ бы на немъ выдающееся первенствующее положеніе и, вѣроятно, былъ бы наименованъ въ актѣ патріархомъ.

Объясненіе можетъ быть двоякое: либо въ данный моментъ времени каедра Терновскаго примаса-патріарха была вакантною вслѣдствіе кончины Василія, либо мы должны видѣть въ сказаніи о Терновскомъ соборѣ, какъ оно передано въ Синодикѣ, позднѣйшую редакцію, составленную послѣ возвращенія къ союзу съ Константинопольскимъ патріархомъ, послѣ отреченія отъ уніи. Въ дальнѣйшей части той же самой рукописи, какъ бы въ видѣ продолженія, находятся списки прежнихъ и послѣдующихъ болгарскихъ патріарховъ; замѣчательно, что въ числѣ ихъ не поименовано ни Василія Терновскаго, ни ближайшихъ его преемниковъ, которыхъ слѣдуетъ предполагать для такого значительнаго промежутка времени, какой оказывается между началомъ уніи и формальнымъ ея разрывомъ (около 1235 года). Мы останавливаемся на первомъ предположеніи, такъ какъ думаемъ, что запись о соборѣ составлена при царѣ Боригѣ. Тѣмъ не менѣе во всей своей силѣ остается тотъ фактъ, что позднѣйшая Болгарская церковь отрекалась отъ представителей сво-

ихъ, удостоенныхъ папою званія примаса. Когда вновь учреждено было православное Болгарское патриаршество въ Терновѣ (1235 г.), то это понималось не какъ признаніе порядка вещей, введеннаго во время уніи съ папскимъ престоломъ, а какъ возвращеніе ко временамъ стараго Болгарскаго царства при Симеонѣ и его преемникахъ; Терновскіе патриархи наслѣдовали Прѣславскимъ, обновлялось Болгарское патриаршество, а не Терновское. Что касается самаго царя Бориса, то послѣ Терновскаго собора онъ не только не порвалъ дружественныхъ отношеній къ латинскому міру, но напротивъ еще болѣе ихъ скрѣплялъ, хотя это послѣдовало и не тотчасъ въ 1211 году; былъ еще кратковременный эпизодъ враждебныхъ столкновеній съ франками изъ за стремленія Болгаръ къ Солуню. У сосѣднихъ славянъ Бориль оставилъ послѣ себя дурную память, какъ это видно изъ отзыва о немъ царя Стефана Сербскаго въ жизнеописаніи Шѣмани; напротивъ, все, что зналъ о немъ, по слухамъ, доходившимъ во Францію, западный современный лѣтописецъ, имѣло благопріятный оттѣнокъ, выражающійся и въ тонѣ рѣчи: „Объ Іоанницѣ (Калоянѣ) король Болгарскомъ мы слышали, что когда онъ пошелъ на Солунь, то былъ умерщвленъ святымъ Димитріемъ. Ему наслѣдовалъ въ Терновѣ родственникъ его по имени Бориль, и названъ былъ императоромъ; къ нему былъ посланъ папою одинъ кардиналъ, и онъ выдалъ дочь свою за Константинопольскаго императора Генриха; такимъ образомъ они держали между собою миръ“¹⁾. Мы не

¹⁾ Chronicon Albrici Trium Fontium: *Pertz* SS. XXIII, 886. Ad a. 1206. De Iohannicio rege Bulgarie audivimus quod, cum iret contra Thessalonicam a beato Demetrio fuit interfectus. Cui successit apud Ternovam cognatus eius nomine Burillus, et imperator est appellatus, et quidam cardinalis a domno papa ad eum fuit transmissus, filiamque suam dedit Constantinopolitano imperatori Henrico et ita pacem habuerunt. Альберикъ, аббатъ монастыря „Трехъ Источниковъ“ (Trois-Fontaines) въ Шампани (не далеко отъ Шалона, въ департаментѣ Марны), писалъ свою хронику современно событіямъ съ 1232 по 1241 годъ, но и о предшествовавшихъ времени онъ зналъ по воспоминаніямъ или же изъ самыхъ прямыхъ источниковъ; сочиненіе его дошло до насъ во второй редакціи, дополненной неизвестнымъ по имени монахомъ монастыря *Нуу* между Лютикомъ и Намюркомъ, гдѣ ради сосѣдства слѣдили съ большимъ участіемъ за судьбами Фландрскихъ графовъ, возведенныхъ въ санъ императоровъ Восточною имперіею. Что касается папскаго кардинала, то конечно, нѣсколько странно его обозначеніе вмѣсто имени выраженіемъ *quidam*. Сверхъ того нужно замѣтить, что въ августѣ 1213 года отправленъ былъ въ Грецію епископъ Албанскій

имѣемъ другихъ свѣдѣній о посылкѣ къ Борилу кардинала, а изъ сообщеній Алберика вовсе не слѣдуетъ, чтобы кардиналъ былъ посланъ послѣ заключенія союза съ Латинскимъ императоромъ Генрихомъ; а скорѣе напротивъ.

Самый же бракъ императора Константинопольскаго Генриха на дочери Борила, Маріи, относится приблизительно къ 1213 году, такъ что посольство изъ Рима, по видимому, будетъ приходиться въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ Терновскимъ соборомъ и почти совпадать съ моментомъ непріязненныхъ столкновеній Борила съ будущимъ его зятемъ. Бракъ гордаго и рыцарственнаго франка съ болгаркою имѣлъ важное значеніе для обѣихъ сторонъ; союзъ съ Генрихомъ былъ основаніемъ всей послѣдующей политики Борила; онъ опирался на него въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ, двоюроднымъ братомъ Іоанномъ, и пока былъ живъ Генрихъ, не смотря на свою непопулярность, Борилъ еще могъ держаться; смерть императора Генриха, по видимому, рѣшила его судьбу: послѣ долгой осады въ столицѣ своей, Терновѣ, онъ попалъ въ руки врага и былъ ослѣпленъ (1218 г.). На престолъ вступилъ Іоаннъ Асѣвъ II.

III.

Мы старались показать, что политика первыхъ Асѣвичей, заключавшаяся въ стремленіи искать себѣ признанія, защиты и опоры въ папскомъ престолѣ, была болѣе постоянною и послѣдовательною, чѣмъ это кажется новымъ ученымъ; но мы не думаемъ утверждать, чтобы она успѣла оказать глубокое вліяніе на религиозное сознаніе и даже церковный бытъ народа, вызвать въ немъ какоснибудь тяготѣніе въ сторону латинства. Чѣмъ, однако, устойчивѣе и послѣдовательнѣе была такая политика, тѣмъ она была вреднѣе для будущности новаго государства, для осуществленія высокой задлчи, которая, по видимому, выпадала на долю царей Болгарскихъ. Стать во главѣ общаго движенія православныхъ населеній Балкан

Леландъ, легатъ в Іатре, и былъ рекомендованъ тогда Константинопольскому императору, всѣмъ епископамъ и духовнымъ лицамъ въ имперіи, специально Ахейскому князю Гауериду: не былъ ли онъ также и въ Болгаріи? Приглашеніе, полученное въ 1213 году Болгарами на предложенный черезъ два года Латеранскій соборъ, специальною цѣлью котораго также были истребленіе ересей, не имѣетъ особенно важнаго значенія, такъ какъ такія приглашенія были разосланы почти всюду, какъ къ Армянамъ, такъ и къ Грекамъ (*Pothast, Regesta Pontif. №№—4706 (pag. 408), 4802, 4803, 4804*).

скаго полуострова противъ пришлаго и враждебнаго господства франковъ, ради общихъ высшихъ интересовъ заставить умолкнуть старое соперничество, племенную вражду и злобу, въ особенности же примирить грековъ съ преобладаніемъ и господствомъ славянской стихіи и славянской династіи,—вотъ къ чему слѣдовало стремиться царю Калояну и его преемникамъ.

Пока греки Македоніи и Фракіи не имѣли своего національнаго центра въ Европѣ, пока они были отрѣзаны отъ Никейской имперіи, роль которой притомъ не вдругъ для нихъ выяснилась, тогда былъ моментъ наиболѣе благопріятный для осуществленія означенной задачи. Какъ мы видѣли выше, сами событія громко говорили въ этомъ смыслѣ; со стороны самихъ грековъ послѣдовало призывъ къ соглашенію, примиренію, общему дружному дѣйствію; заявлена была готовность видѣть въ царѣ Болгарскомъ общаго защитника православія, освободителя и вождя, своего признаннаго императора. Помимо главной причины, накопившагося вѣками раздраженія и злобы—въ чемъ, конечно, повинны были болѣе всего сами же греки—роковая ошибка объясняется личностію Калояна, въ которой, по всѣмъ даннымъ, не смотря на высокую даровитость, было слишкомъ много дикой и необузданной страстности. Другимъ характеромъ отличался и другую по себѣ память оставилъ преемникъ Калояна, Юаннъ Асѣнь II. Греческій историкъ, произнося общій приговоръ всему его царствованію, замѣчаетъ, что, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, онъ не любилъ прибѣгать къ топору и сѣкирѣ въ отношеніи къ своимъ родичамъ и не запятналъ себя какою-либо рѣзною ромеевъ (грековъ); въ слѣдствіе чего онъ былъ любимъ не только болгарами, но и греками, а также и другими народами ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, когда Асѣнь II вступилъ на престолъ, сдѣланной ошибки уже нельзя было поправить; на оборотъ съ близкимъ прошлымъ, была на лицо способная для примирительной и вмѣстѣ съ тѣмъ строительной роли личность, но не могла быть вновь возвращена пропущенная благопріятная историческая минута. Греческое населеніе Эпіра, Фессаліи, отчасти Македоніи и Фракіи уже нашло себѣ другой центръ тяготѣнія; оно обратило свои симпатіи и свои надежды въ другую сторону. Это была пока не Никейская имперія и ея государи—Ласкарисъ и Вататци, а Эпірскіе деспоты, Михаилъ Ангелъ и въ особенности его сводный братъ, Феодоръ Комнинъ (Ангелъ). Смыслъ и важное значеніе движенія, руко-

¹⁾ Aegerollt. ed. Bonn., pag. 48.
часть ССХХХVIII, отд. 2.

водимого этими Эпирскими деспотами, еще не достаточно разъяснены историками. Основные факты, правда, известны, и они уже дают намъ понять, какую большую конкуренцію представляли никейцамъ эти способные, энергичные и не передъ чѣмъ не останавливавшіеся эпиры. Но свѣдѣнія, сообщаемыя намъ двумя византійскими хрониками (Акрополита и Григора), хотя одна изъ нихъ принадлежитъ почти современнику, какъ всегда, скудны; онѣ совсѣмъ не передаютъ ни настроенія народной массы, среди которой совершалось движеніе, ни даже идей и стремленій руководящихъ классовъ, — тѣмъ болѣе что близкій по времени писатель принадлежалъ по своимъ сочувствіямъ и мѣсту своего воспитанія Никей (Акрополита); а другой относится уже къ позднѣйшему времени (Григора жилъ въ XIV в.). Нѣсколько свѣдѣній въ западныхъ хроникахъ, нѣсколько греческихъ документовъ, изданныхъ въ мало доступномъ сборникѣ Мустоксиди ¹⁾, недостаточно восполняли скудость непосредственныхъ болѣе интимныхъ источниковъ. Этотъ недостатокъ въ настоящее время отчасти устраняется драгоценнымъ сборникомъ писемъ митрополита Навпактскаго Іоанна, находившагося въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Теодоромъ Комниномъ. Отсюда мы въ первый разъ узнаемъ, какое живое участіе въ эпирскомъ движеніи принимало греческое духовенство и въ особенности греческіе епископы. Провозглашеніе Теодора Комнина Эпирскаго императоромъ ромеевъ понималось весьма серьезно; Солунь, которая перешла въ его руки, противопоставлялась Никей; ему прямо указывали на Константинополь, какъ на ближайшую цѣль его честолюбія и вѣрную его добычу; говорили, думали и писали, что ему предстоитъ войти въ Святую Софію и занять здѣсь мѣсто православныхъ Римскихъ императоровъ, на которомъ беззаконно воссѣдали пришлые латины. Осуществленіе такихъ мечтаній вовсе не лежало

¹⁾ Въ книгѣ Мустоксиди (*Delle cose Corciresi*), именно въ собраніи документовъ, составляющихъ приложение, помѣщено между прочимъ очень длинное и очень важное по содержанию посланіе Георгія Вардана, митрополита Керкирскаго, къ Константинопольскому патриарху. Рѣдкость изданія и невозможность пріобрѣтенія его какими бы то ни было путями заставила насъ обратиться въ Аены, гдѣ была напечатана книга (впрочемъ, говорятъ, не вышедшая въ продажу), къ одному изъ членовъ нашей возникающей и уже столь блистательно себя зарекомендовавшей Аенской школы, Александру Васильевичу Никитскому, который и сдѣлалъ для насъ нужныя извлеченія, даже списавъ собственноручно посланіе Вардана цѣликомъ. Позволяемъ себѣ публично выразить здѣсь нашу величайшую благодарность молодому ученому.

внѣ предѣловъ возможнаго; овладѣть Константинополемъ изъ Солуни было даже легче, чѣмъ изъ Никеи... Но въ Никею было перенесено патриаршество, тотчасъ послѣ латинскаго взятія; патриархъ, продолжавшій себя именовать Константинопольскимъ, помазывалъ на царство никейскихъ властителей и тѣмъ придавалъ видъ большей законности ихъ императорскому титулу. Патриархъ вступался за права своего помазанника, не хотѣлъ признавать въ такомъ же санѣ солунскаго избранника, провозглашеннаго именно греческими епископами, и мы видимъ, какъ горячо вступаются западные, то-есть, европейскіе греки за своего собственнаго героя; представителемъ національныхъ упований и стремлений былъ для нихъ не отдаленный Дука Вататци, а Феодоръ Комнинъ Дука Ангелъ (онъ соединялъ всѣ эти династическіе титулы); они указывали на его блестящіе успѣхи въ борьбѣ съ латинами, какъ на явное доказательство, что именно онъ есть тотъ избранникъ Божій, которому предопредѣлено возстановить древнюю честь имперіи и славу греческаго имени; во всякомъ случаѣ состязаніе между двумя соискателями высокаго сана должно рѣшиться въ Константинополѣ; тотъ, кому будетъ принадлежать исконная и единственно законная столица православныхъ царей, кто изъ нихъ скорѣе вступитъ въ Константинополь и Св. Софію, тотъ и будетъ имѣть права на всеобщее признание: для той партіи, органомъ которой были нашъ Іоаннъ Навпактскій и Георгій Варданъ, митрополитъ Керкирскій, не было никакого сомнѣнія, что ихъ избранникъ предупредитъ никейскаго помазанника. Политическій мотивъ неизбѣжнымъ образомъ переносился и на церковную почву. Эпирскій деспотъ, сдѣлавшись императоромъ, не хотѣлъ принимать въ своихъ владѣніяхъ такихъ епископовъ, которые въ своей епархіи стали бы провозглашать въ молитвахъ не только своего патриарха, ихъ рукоположившаго, но и своего царя, признаваемаго этимъ патриархомъ; онъ вообще отказывался принимать архіереевъ восточнаго происхожденія, то-есть, поставляемыхъ въ Никеѣ изъ среды малоазійскаго духовенства; дошло до того, что вновь открывающіяся свободныя мѣста митрополитовъ и архіепископовъ, вопреки каноническимъ правиламъ, онъ сталъ замѣщать безъ содѣйствія патриарха, ссылаясь на его отдаленность и трудность путей; это онъ дѣлалъ при соучастіи мѣстной греческой іерархіи, такъ какъ епископы болѣе или менѣе охотно исполняли его требованія о рукоположеніи его избранниковъ. Патриархъ обращался со своими протестами къ западнымъ митрополитамъ, ему канонически подчиненнымъ, и получалъ иногда довольно суровую и рѣзкую отвѣдь: отъ него

требовали, чтобъ онъ призналъ царскій титулъ Θεодора (Эпирскаго), чтобы самъ лично посѣщалъ пренебреженный имъ греческій западъ (спронеискія греческія области), то-есть, отказался бы отъ исключительнаго пребыванія въ предѣлахъ Никейской имперіи, отъ исключительнаго союза съ Никейскимъ императоромъ. Ему писали: нашъ царь—разумѣется Солунскій—не можетъ подарить другому то, что приобрѣтено его собственнымъ долгимъ трудомъ; многочисленные города, ради которыхъ пролито было не мало военнаго пота, потрачено было много денегъ и положено много военной силы, не могутъ быть поручаемы лицамъ неизвѣстнымъ, вѣрность коихъ въ отношеніи къ государю ни чѣмъ не доказана и ни чѣмъ не обезпечена: при этомъ разумѣются именно епископы, приходящіе изъ Малой Азіи. Въ концѣ концовъ дѣло принимало видъ полнаго политическаго и церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ, между мало-азіатскими греками и европейскими; такое положеніе вещей прямо называлось схизмою, окончательнымъ раздѣленіемъ; оно хорошо обозначено замѣчаніемъ одного славянскаго памятника, что „царство греческое на двое разсѣчеша“¹⁾. Однако, этотъ внутренній раздоръ между греками весьма мало имѣлъ вліянія на отношеніе ихъ къ царю Болгарскому, весьма мало ослаблялъ положеніе деспотовъ—царей Эпирскихъ по отношенію къ Иоанну Асѣнью II-му. Если греческіе епископы предпочитали своего Солунскаго героя и избранника даже Никейскому императору, тѣмъ менѣе могли они принести его въ жертву Болгарскимъ Асѣневичамъ. Греческое духовенство и народная масса, послушная его внушеніямъ и руководству, не имѣли теперь никакого основанія обращаться съ своими упованіями и сочувствіями къ царю Загорскому, какъ они именовали царей Болгарскихъ. Въ борьбѣ съ непамятными латинами Эпирскіе деспоты покрыли себя не меньшею славою, чѣмъ царь Болгарскій Калоянъ. Михаилъ Ангелъ (1204—1214), первый основатель величія фамиліи, началъ тѣмъ, что изъ доставшейся ему отдаленной и не занятой франками Никополь-

¹⁾ Въ краткомъ Житіи Св. Савы Сербскаго: *Дамичичи*, Жизнь Святого Саве (въ Винограду 1860) стр. 176; а также *Леонида*, Путешествія Святаго Савы (Изданіе Палестинскаго Общества V), стр. 5.—Письма Іоанна Навпатскаго къ Θεодору Комнину и другіе документы, на основаніи которыхъ мы характеризовали отношенія между двумя половинами разсѣкшагося на двое царства, заслуживаютъ, конечно, самаго тщательнаго и подробнаго изученія, что мы и на-
деемся сдѣлать въ отдѣльной статьѣ.

ской теми (старый Эпиръ, Акарнація и Этолія) устремился вперед и сейчас же обратилъ въ ничто пресловутый Агтъ раздѣла, отнявши именно у венеціанцевъ, главныхъ виновниковъ его, земли по Адриатическому морю, такъ называемый дукать Диррахійскій; при его братѣ достался грекамъ и самый городъ Драчъ, представлявшій по своему положенію ключъ къ господству въ восточной странѣ полуострова, а также вырвана была у тѣхъ же венеціанцевъ изъ—подъ рукъ Коркира (Корфу); послѣдовали завоеванія Михаила въ другомъ направленіи, именно въ полу-славянской Македоніи, въ греческой и валахской Тессаліи; Михаилу достались Охрида, Прилѣпъ, Пелагонія; латинское королевство Бонифація Монферратскаго было ослаблено. Вездѣ, гдѣ появлялся Михаилъ Эпирскій, латинское духовенство было прогоняемо; Михаилъ не щадилъ папство, онъ рубилъ головы простымъ латинскимъ священникамъ и такимъ же способомъ расправился съ однимъ епископомъ; съ одного свѣтскаго лица, приближеннаго къ латинскому императору, содрана была съ живаго кожа. Папа Иннокентій грозилъ анаемой тому, кто вступитъ въ какую-нибудь дружбу или союзъ съ цѣвѣрнымъ и безчеловѣчнымъ врагомъ католической церкви. О дѣяніяхъ Михаила громко говорили и поближе къ мѣсту его подвиговъ; популярность его среди населенія, копецло, не страдала отъ слуховъ о жестокости и безчеловѣчій совершаемаго имъ возмездія надъ ненавидимыми франками-пришлецами. Преемникъ Михаила Теодоръ (1214—1230 гг.), если не отличался такою ненавистію и злобою въ борьбѣ съ латинами, то умѣлъ наносить имъ еще болѣе жестокіе и разчитанные удары; онъ не стыдился поступать съ ними самымъ вѣроломнымъ образомъ; онъ не боялся вступать въ переговоры съ папою, обѣщать ему послушаніе и покорность, но при этомъ онъ пренебрегалъ папскимъ заступничествомъ, какъ скоро оно становилось ему ненужнымъ, и также смѣло насмѣхался надъ папскими проклятіями, какъ мало дорожилъ его благословеніями. Въ 1217 году Теодоръ Комнинъ Дука покрылъ себя славой, совершивъ подвигъ совершенно въ греческомъ византійскомъ вкусѣ; хитростію и обманомъ онъ захватилъ подъ Драчемъ въ плѣнъ Петра Куртене, вновь избраннаго Константинопольскаго латинскаго императора, пробиравшагося въ столицу изъ Италіи отъ папы съ рыцарскимъ военнымъ ополченіемъ. Петръ Куртене точно также умеръ въ плѣну греческомъ, какъ нѣкогда первый императоръ Латинской имперіи, Балдуинъ, въ плѣну болгарскомъ. Теодоръ Комнинъ затмилъ славу Калояна, тѣмъ болѣе что послѣдній ослабилъ впечатлѣніе

своего торжества надъ латинами послѣдующимъ угодничествомъ предъ Римскимъ первосвященникомъ. Правда, что и Теодоръ Греческій, боясь всеобщаго негодованія и раздраженія, вызванныхъ его поступкомъ на западѣ, тотчасъ же вслѣдъ за своимъ торжествомъ объявилъ себя покорнымъ сыномъ Римской церкви; но пока папа научалъ его, какъ загладить преступленіе и доказать искренность своего обращенія посредствомъ примиренія съ императоромъ Латинскимъ Робертомъ, преемникомъ несчастнаго Петра, Теодоръ собрался съ силами и въ 1222 году овладѣлъ Солунью, а это былъ—второй городъ имперіи и столица Солунскаго королевства, перваго лена латинской феодальной монархіи. Послѣ этого онъ счелъ себя въ правѣ короноваться императорскимъ вѣнцомъ. Но не къ папѣ обратился онъ за короною, а къ своимъ епископамъ. Солунскій митрополитъ, Константинъ Месопотамитъ, побоялся исполнить его требованіе, потому что онъ такимъ образомъ нарушилъ бы права Константинопольскаго патріарха и ипаго уже вѣнчаннаго послѣднимъ царя.

Другой іерархъ, вслѣдствіе своего особаго положенія не обязанный въ такой степени стѣсняться отношеніями къ православному патріарху въ Никеѣ, совершилъ желаемый обрядъ. Это былъ автокефальный (независимый) архіепископъ города Охрида (Ахриды) и всей Болгаріи, знаменитый Димитрій Хоматинъ. Невольно приходитъ на мысль, что было бы вполне естественно, еслибы епископъ, носящій такой титулъ, короновалъ именно Болгарскаго царя, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Калоянъ смотрѣлъ вмѣсто Рима въ эту сторону, то возможное для Теодора Комнина сдѣлалось бы возможнымъ еще ранѣе для Болгарскаго царя; Охридъ и въ данный періодъ времени бывалъ въ рукахъ болгарскихъ; вѣроятно, къ такому именно моменту относится примирительное настроеніе сейчасъ поименованнаго авторитетнаго канониста къ болгарскимъ священникамъ его епархіи, поставляемымъ епископами, приходившими изъ Загоры, то-есть, изъ владѣній независимой Болгаріи и, конечно, болѣе близкимъ къ туземному славянскому населенію. Задача Асѣнвичей, съ одной стороны, состояла въ воссоединеніи всей массы болгаръ, разсѣянныхъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ значительномъ количествѣ жившихъ именно въ греческихъ епархіяхъ, подчиненныхъ Охридской архіепископіи, а съ другой стороны—въ примиреніи со своимъ господствомъ также и греческаго племени, обитавшаго внутри предѣловъ вновь слагавшагося славянскаго государства, какъ они опредѣлялись тогда-

шимъ положеніемъ вещей. Развѣ не соответствовало бы такой задачѣ коронованіе греческимъ архіепископомъ всей Болгаріи царя всѣхъ болгаръ, а также и грековъ? Какъ бы то дѣло ни было, провозглашеніе Θεодора Комнина императоромъ и вѣнчаніе его въ Солуни имѣло теперь враждебный смыслъ и по отношенію къ болгарскимъ стремленіямъ. Уже ранѣе нѣкоторые города, принадлежавшіе прежде Болгарскимъ государямъ, въ числѣ ихъ Охридъ и Пригѣвъ, попали въ руки Эпирскаго деспота; на счетъ болгаръ шло и дальнѣйшее распространеніе Солунскаго царства—по направленію къ Адрианополю и Филипполю. Къ сожалѣнію, подробности намъ неизвѣстны; необходимо предполагать, что при этомъ не обошлось безъ непріязненныхъ, насильственныхъ поступковъ со стороны Θεодора. Но, по видимому, достигнувъ означенныхъ предѣловъ и питая замыслы противъ Адрианополя, онъ не могъ наконецъ дѣйствовать такъ смѣло вдали отъ центра своихъ владѣній, не заручившись согласіемъ или дружбою Іоанна Асѣна; такъ какъ иначе послѣдній легко могъ бы напасть на него съзади и отрѣзать ему всякій путь ко спасенію. Слѣдуетъ думать, что именно къ этому моменту относятся дружественныя отношенія Θεодора Комнина къ Асѣну, скрѣпленныя женитьбой его брата Мануила на побочной дочери Болгарскаго государя¹⁾. Однако союзъ двухъ соперничающихъ императоровъ, славянскаго и греческаго, не могъ быть прочнымъ; можетъ быть, онъ и вызванъ былъ только неожиданнымъ и весьма для обоихъ непріятнымъ появленіемъ на сценѣ ихъ ближайшаго дѣйствія третьяго конкурента, Іоанна Дуки Вататци, Никейскаго императора. Выросла, значить, и третья сила, съ которою придется считаться, какъ болгарамъ, такъ и грекамъ. Если солунскій центръ національнаго греческаго притяженія утратить свою силу, то теперь не Терновъ займетъ его мѣсто, а всецѣло и нераздѣльно—Никея. Въ 1224 году войска Вататци переправились черезъ Геллеспонтъ и овладѣли Адрианополемъ; здѣсь въ первый разъ открыто столкнулись притязанія двухъ греческихъ императоровъ; Θεодоръ Комнинъ, болѣе искусственный въ интригѣ и всякой военной хитрости, успѣлъ вытѣснить и спровести восвоися своихъ малоазіатскихъ соплеменниковъ; Адрианополь остался въ его рукахъ. Онъ приблизился еще болѣе къ той цѣли, которая его манила; послѣ взятія предмѣстій города Визин, войска его проникли до самыхъ стѣнъ Константинополя, наведя большой страхъ на латинявъ. Но прежде чѣмъ надежды и пожеланія,

¹⁾ Aegopolit. ed. Bonn., pag. 44.

которыми напутствовали его греческіе епископы Эпира и Фессалии, осуществившись, Теодору пришлось обратить свои взоры въ другую сторону, на сѣверъ. Въ 1228 году Теодоръ Комнинъ заключилъ перемиріе на одинъ годъ съ намѣстникомъ Латинскаго императора въ Константинополѣ; помимо другихъ обстоятельствъ, къ этому побуждала его мысль о необходимости расправиться прежде съ царемъ Болгарскимъ, который точно также не опускалъ изъ виду Цариграда, а въ настоящее время уже мечталъ сдѣлаться полнымъ въ немъ господиномъ подъ видомъ друга, родственника и протектора юнаго Латинскаго императора. Асѣнь стоялъ на дорогѣ Теодору. Впрочемъ, и въ 1229 году поведение Эпирскаго деспота по отношенію къ Латинской имперіи считалось на западѣ враждебнымъ. Лѣтомъ или осенью этого года папа Григорій IX за одно и подъ рядъ съ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ предалъ отлученію и анаемѣ Теодора Комнина и всѣхъ, кто оказываетъ ему помощь и содѣйствіе хотя бы совѣтами, всѣхъ кто доставляетъ ему оружіе или вообще средства вредять латинянамъ ¹⁾. Здѣсь можно находить нѣкоторый намекъ не только на дружелюбныя отношенія Теодора съ Фридрихомъ, но даже на матеріальную помощь, получаемую первымъ изъ южной Италіи отъ Западнаго Римскаго императора въ моментъ одной изъ самыхъ яркихъ вспышекъ борьбы послѣдняго съ папствомъ. Въ этомъ же отношеніи не лишены значенія извѣстія о двухъ посольствахъ, отправленныхъ въ Италію изъ Греціи весной и осенью 1229 года; во главѣ перваго стоялъ зять (по сестрѣ) Эпирскаго деспота, человекъ западнаго происхожденія—графъ Маттео Занте, второе—произвело впечатлѣніе преимущественно богатствомъ подарковъ, предназначенныхъ въ даръ Фридриху, и въ особенности роскошнымъ убранствомъ коней, привезенныхъ съ того берега ²⁾. Все-таки нельзя говорить съ увѣренностью,

¹⁾ Item excommunicamus et anathematizamus Theodorum dictum Cominiano et omnes, qui praestant auxilium, consilium vel favorem, et qui ei equos, arma, ferrum vel lignamina portant, *quibus impugnat Latinos*: Epistolae saeculi XIII selectae (Monumenta Germaniae), I, 320; также *Raynaldi* Annales ecclesiae. ad ann. 1229 § 41.

²⁾ Rycardi de S. Germano Chronic. *Perts* SS., XIX, 356. Tunc quidam comes de Maio de Romania cum nonnullis Grecis militibus de Romania ex parte Cominiano ad imperatorem cum magnis muneribus nuntius venit.

Ibid. pag. 357. De Romania quidam Graeci cum dextrariis in sellis et frenis aureis et cum pannis sericis auro textis et cum innumeris aureis nummis, que ipsi imperatori representant, pridie ante exitum mensis Novembris ad ipsum impe-

что Теодоръ Комнинъ получалъ отъ Фридриха Гогенштауфена вспомогательный отрядъ для своего Болгарскаго похода ¹⁾. По замѣчанію Акрополиты, войско его состояло изъ грековъ и италіанцевъ; но подъ италіанцами у этого писателя часто разумѣются латины, которые уже утвердились на Балканскомъ полуостровѣ — съ венеціанцами и ломбардцами во главѣ. Въ апрѣлѣ 1230 года произошла битва, рѣшившая судьбу одного изъ соперниковъ. Нѣсколько подробный разказъ о ней мы находимъ у вышеупомянутаго византійскаго писателя, Георгія Акрополиты ²⁾. Отсюда видно, что нападающимъ былъ Теодоръ Комнинъ, что онъ дѣйствовалъ вѣроломно, нарушивъ недавно заключенный союзный договоръ. Оставивъ позади себя Адрианополь, Теодоръ направился вверхъ по Марицѣ и встрѣтился съ Асвнемъ при мѣстечкѣ, называемомъ Клокотницю (Семидже, между Адрианополемъ и Филиппополемъ); превосходство силъ на сторонѣ приготовившагося къ борьбѣ Теодора было столь

gatoget venegunt. Что касается грава Маттео (Madio, Maio), владѣтеля острова Занта и Кеэаллини, то см. о немъ: *Hoff, Gesch. Griechentl.* pag. 257. Въ Порфирьевскомъ Сборникѣ, среди корреспонденціи митрополита Навпактскаго, находится одинъ весьма любопытный документъ, имѣющій отношеніе къ этой не лишеной значенія исторической личности, именно—актъ вассальной присяги къ нему со стороны латинскаго епископа Кеэаллини, писанный по гречески.

¹⁾ Такое предположеніе мы находимъ у Муралята: *Essai de chronographie Byzantine II*, 342: «mais celui-ci (Théodore), soutenu par des troupes allemandes que Frédéric lui avait envoyées». Въ источникахъ, на которые за тѣмъ сдѣлана ссылка, совсѣмъ этого нѣтъ.

²⁾ *Acropolit.*, ed. Bonn. pag. 45. Сверхъ того краткія извѣстія о Клокотницкой битвѣ находятся въ двухъ западныхъ хроникахъ. *Rycardi de S. Germ.* (*Pertz SS. XIX*, 352) sub anno 1230: «Eodem mense Aprilis in Grecorum imperio factum est prelium inter Grecos, in quo Comniano captus est et utroque lumine orbatus.

Chronie. Albrici Trium Fontium (*Pertz SS. XXIII*, 928): *Alvanus rex Bulgariae, frater Alexandri, successorem Michaelis videlicet ducem Duracbi Theodorum, cepit et excecavit, qui quondam comitem Petrum Antislodorensem captivaverat.* Въ русскихъ хронографахъ, гдѣ Асвнъ II сраживается между прочимъ съ Калояномъ, сообщается также и о Клокотницкой битвѣ: „и поиде подъ нныя грады Греческія, царь же Теодоръ Ласкаръ (читай: Комнинъ) нмде противу ему на брань, его же Асвнъ побѣди, и узваченъ бысть Ласкаръ (то-есть, Комнинъ) на брань, и повелъ его Асвнъ ослабити“: *А. Погода*, Обзоръ хронографовъ Русской Редаціи I, 191, 191 и Изборникъ, стр. 34, 145. Свидѣнія въ хронографахъ заимствованы изъ Житія Саввы Сербскаго, но не много перепутаны.

значительно, что онъ не ожидалъ серьезнаго сопротивленія, но Асѣнь, смѣло устремился въ битву, приказавъ нести впереди на знамени мирный договоръ, скрѣпленный клятвеннымъ обѣщаніемъ противника и его подписью. Сраженіе кончилось полнымъ пораженіемъ грековъ; вѣроятно, тутъ не мало помогла болгарамъ половецкая конница, хотя она, по замѣчанію Акрополиты, и не была многочисленна: дерзкій налетъ степныхъ набѣдниковъ уже не въ первый разъ разстраивалъ ряды правильно устроенныхъ византійскихъ и западныхъ рыцарскихъ ополченій. Самъ царь Теодоръ попался въ плѣнъ и здѣсь впоследствии испыталъ большія превратности: Асѣнь съ самаго начала обходился съ нимъ почтительно; затѣмъ, когда крайне необрѣтательный на интригу, неугомовный грекъ затѣялъ что-то опасное въ собственной семьѣ Болгарскаго царя, онъ его ослѣпилъ, а черезъ десять лѣтъ Асѣнь женился на дочери Теодора и содѣйствовалъ возстановленію его власти въ прежнихъ его владѣніяхъ.

Вообще Асѣнь довольно умно воспользовался непосредственными плодами побѣды. Не только съ царемъ, но еще болѣе съ прочими плѣнниками онъ поступалъ человѣколюбно; этимъ онъ доказалъ, что племенная ненависть болгаръ къ грекамъ либо уже смягчилась и утихла, либо не была вообще столь свирѣпа, чтобы ее нельзя было сдержать. Если при этомъ Асѣнь слѣдовалъ политическому разчету, то это нисколько не умалаетъ его чести. Простыхъ, неважныхъ воиновъ онъ прямо отпускалъ на волю—именно съ тою цѣлю, чтобы приготовить себѣ лучшей приѣмъ среди населеній, надъ которыми хотѣлъ властвовать. По замѣчанію Акрополиты, Болгарскій царь достигъ своей цѣли; когда онъ двинулся впередъ, то города и села, куда уже достигла вѣсть объ его торжествѣ, а также и объ его кротости, покорялись ему безъ пролитія крови; такъ онъ овладѣлъ Адрианополемъ, Димотикою, Сѣромъ (Сересъ), Пелагоніей, Прилѣпомъ, прошелъ по Великой Влахиі въ Тессалію, побывалъ въ Албаніи, гдѣ овладѣлъ укрѣпленнымъ важнымъ пунктомъ, сообщившимъ названіе странѣ: мы разумѣемъ Елбанонъ (тобъ 'Ελβάνου), нынѣшній Ельбасанъ. По прямому замѣчанію Акрополиты, не всѣ владѣнія Эпирскаго деспота были непосредственно присоединены къ Болгарской державѣ; Асѣнь довольствовался тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ поставилъ свои гарнизоны, оставивъ на мѣстѣ туземныхъ династовъ. Въ двухъ національных болгарскихъ памятникахъ увѣковѣчена память о высокомъ блестящемъ положеніи, которое досталось на долю Асѣня послѣ Клокотницкой побѣды. Одинъ изъ нихъ есть знаменитая надпись въ

Терновскомъ соборѣ, имъ тогда выстроеномъ и послѣ обращенномъ турками въ мечеть¹⁾. Здѣсь говорится о томъ, какъ въ двѣнадцатый годъ своего царствованія, когда вновь основанный храмъ Сорока мучениковъ былъ еще украшаемъ живописью, Асѣнь, благовѣрный царь и самодержецъ болгарь, пошелъ войною на Романію, разбилъ греческое войско и взялъ въ плѣнъ самаго царя киръ Тодора Комнина со всѣми его боярами. „Я принялъ“, говоритъ о себѣ вповникъ надписи, — „сю землю отъ Одрина и до Драча (отъ Адрианополя до Диррахія — Дураццо), греческую, арбанасскую и сербскую“. Къ этому же времени относится, по всѣмъ признакамъ, весьма важный актъ въ національно-церковной жизни Болгарскаго народа, то-есть, перенесеніе мощей святой Параскевѣи или Петки изъ окрестностей Царьграда въ городъ Терновъ; при описаніи этого событія позднѣйшій и послѣдній патріархъ Болгарскій Евемій (въ XIV в.), пользуясь подлинными грамотами Асѣня²⁾, данными имъ Аѳонскимъ монастырямъ, точно также говоритъ о покореніи Македонской области, Сѣра (Сереса) со всею Аѳонскою или Святою горою, и Арванитской державы до Драча. Сверхъ того, вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, Евемій приписываетъ славному Болгарскому государю власть надъ тривалами, то-есть, сербами, тогда какъ въ подлинныхъ документахъ, какъ и въ Терновской надписи, шла, вѣроятно, рѣчь объ одной части Сербскихъ земель на пространствѣ между Одриномъ и Драчемъ. Или же мы должны предположить, что въ самомъ дѣлѣ Асѣнь II имѣлъ и заявлялъ притязанія на нѣкотораго рода протекторатъ надъ Сербскимъ королевствомъ, во главѣ котораго стоялъ тогда Стефанъ Владиславъ, женатый на его дочери? Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы такое же объясненіе приложить и къ словамъ Евеміа относительно Солуни со всею Фессаліей, будто бы поступившими подъ власть Асѣня. Въ современныхъ источникахъ и въ дальнѣйшихъ историческихъ фактахъ нѣтъ ясныхъ указаній на то, чтобы Асѣнь сдѣлалъ попытку утвердиться въ Солуни, къ которой обнаруживали стремленіе его предшественники; въ грамотѣ Асѣня, данной Дубровчанамъ, правда, открывается изъ

¹⁾ Въ подлинникѣ она приведена въ статьѣ *Макушева* и у *Срежескаго* въ выше указанномъ собраніи, въ видѣ снимка въ книгѣ *Раковскаго* и въ переводѣ въ *Исторіи Иречка*.

²⁾ На нихъ прямо ссылается Евемій; см. *Житіе преподобнаго Параскевѣи въ Великихъ Мачвахъ-Четьвахъ Макарія* (издан. Археогр. комиссіи. С.-Петербург. 1874) Октябрь, стр. 1032.

купцамъ вольный путь, какъ въ землю Албанскую, такъ и въ Солунь ¹⁾; но это еще не говорить о прямомъ подчиненіи Асѣню и самаго пункта, къ которому проѣздъ лежалъ по владѣніямъ Болгарскаго царя. Въ Солуни сохранилъ свою власть братъ плѣнннаго Теодора Комнина, Мануилъ, удержавшійся отчасти благодаря своему родству съ Асѣнемъ; выше было упомянуто, что за нимъ тоже была дочь Болгарскаго царя. Однако, положеніе Мануила было теперь совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе Теодора. Онъ уже не могъ предаваться гордымъ и заносчивымъ мечтамъ овозстановленія Греческой имперіи, оступленія въ Цареградъ, о соперничествѣ съ Никейскими императорами; суда по тому, что въ позднѣйшихъ грамотахъ Мануилъ просто подписывался деспотомъ ²⁾, можно думать, что онъ даже отрекся отъ царскаго титула; ниже мы встрѣтимся съ его словами, что, ради согласія и единства, онъ отступился отъ многихъ своихъ правъ, хотя, конечно, не въ пользу Асѣни; наконецъ, и Акрополита замѣчаетъ, что Мануилъ въ Солуни именовался деспотомъ, но, конечно, удерживалъ за собою нѣкоторыя преимущества царской чести, напримѣръ, подписывалъ свои грамоты красными чернилами, почему и приложенъ былъ къ нему однимъ остроумнымъ по своему византійцемъ стихъ изъ псалма, гдѣ рядомъ поставлены слова царя и господя, то-есть, по гречески: василевса и деспота. Солунскій деспотъ не только на дѣлѣ очутился въ отношеніи къ Асѣню въ подчиненномъ положеніи, но и могъ признать формально его высшую власть, не унижая своего званія и титула: родственныя отношенія и здѣсь служили выраженіемъ и прикрытіемъ политической зависимости. Очень вѣроятно, что Мануилъ тяготился такимъ своимъ униженіемъ предъ варваромъ; онъ обращалъ свои взоры на западъ, желая тамъ отыскать себѣ покровительство и опору. Въ началѣ 1232 года онъ получилъ отвѣтъ изъ Рима на свои предложенія и искательства; папа Григорій IX писалъ ему, что его намѣреніе вступить въ лоно католической церкви и отдаться подъ власть святаго престола въ качествѣ леннаго владѣльца будетъ приято благосклонно и милостиво, если только оно

¹⁾ Грамота Асѣни была вновь издана *И. И. Срезневскимъ* въ Свиданіяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LXXXI (Приложеніе къ XXXIV тому *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*).

²⁾ См. грамоту, данную Дубровчанамъ въ 1234 году: *Miklosich, Acta graeca medii aevi*, III, 67.

будеть на самомъ дѣлѣ приведено въ исполненіе ¹⁾). Но какъ мы увидимъ ниже, именно въ 1232 году Мануилъ долженъ былъ вступить на путь совершенно другой политики. Онъ оказался участникомъ коалиціи, направленной противъ Латинской имперіи въ Константинополѣ, искалъ примиренія и сближенія съ греческимъ православнымъ патриархомъ и Никейскимъ императоромъ, однимъ словомъ очутился въ лагерѣ прямыхъ враговъ папскаго престола, на которыхъ изъ Рима сыпались потомъ военные угрозы и церковныя проклятія. Что особенно для насъ важно, онъ, очевидно, увлеченъ былъ на такой путь не кѣмъ другимъ, какъ именно царемъ Болгарскимъ, Асѣнемъ.

Асѣнь съ 1232 года стоялъ во главѣ союза, поставившаго себѣ задачею уничтоженіе господства франковъ въ Константинополѣ; что касается Греческаго императора Іоанна Вататци, третьяго участника коалиціи, то онъ вовсе не игралъ въ ней главной роли и не былъ ея виновникомъ. Напротивъ, въ соответствующій моментъ времени въ Никей страннѣмъ образомъ тоже обнаруживалась склонность къ переговорамъ съ папой о воссоединеніи церквей, о соглашеніи и примиреніи; самъ патриархъ Германъ II, извѣстный своею ревностію къ вѣрѣ, писалъ дружелюбныя посланія и къ Римскому первосвященнику, и къ кардиналамъ Римской церкви; два раза собирався соборъ подъ предсѣдательствомъ императора для разсужденія о возможныхъ условіяхъ уніи. Все это въ концѣ концовъ, правда, не привело ни къ чему; какъ много разъ прежде и еще больше разъ послѣ—оказалось, что примиреніе на религиозной почвѣ представля-

¹⁾ Къ сожалѣнію, папская грамота остается доселѣ неизданною; содержаніе ея извѣстно намъ изъ *Baronius—Raynaldus: Annales ecclesiast. XXI, ann. 1232 § 55. Dum Graeci Asiatici de colundo cum Romana ecclesia foedere agitent, Manuel Comnenus, qui despôtam atque etiam regem Thessalonicae agebat, non modo haerendi in sinu ecclesiae, verum etiam suam illi dittonem fiduciaro jure addicendi consilium prae se tulit. Cui rescripsit Gregorius plim consilium sedi apostolicae gratum acceptumque fore, si illud in opus perduxisset. Cp. Du Cange, Histoire de l'empire de Constantinople, II, 93, Paris, 1657—Historia Constantinopolit. I, 210). Lambecii, Biblioth. Caesar. lib. V, 107. № CCXLI. Что отвѣтъ папы относится не далье какъ къ марту 1232 года, это видно изъ пѣста, которое онъ занимаетъ въ *Регистрѣ*: третье письмо шестой книги, при чемъ каждая книга соответствуетъ году папства, начавшагося 19-го марта 1227 года; цитата эта указана Райнальдомъ, и она устраняетъ всякія сопоставленія поступка Мануила, относящагося очевидно, еще къ 1231 году, съ посольствомъ Христофора Англійскаго, а равно и съ разсужденіями объ уніи, происходившими въ 1232 и 1234 годахъ. Cp. *Muralet, Essai de chronogr. Byzantine, II, 346.**

лось желательнымъ и возможнымъ только до тѣхъ поръ, пока къ тому побуждали политическіе разчеты. Такъ какъ исторія Никейскаго и Нимфейскаго соборовъ, разсуждавшихъ о соединеніи всей Восточной церкви съ Западною, хорошо извѣстна ¹⁾, и такъ какъ всѣ эти переговоры не имѣли прямого вліянія на ходъ дѣлъ собственно на Балканскомъ полуостровѣ, даже обращеніе Мануила Солунскаго къ папѣ въ 1231 году, стоитъ отъ нихъ, по видимому, изолированно, — то мы совершенно оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Для насъ важно только то, что именно въ это самое время прежній другъ уни и почитатель папскаго авторитета, царь Болгарскій, не только не участвовалъ въ этихъ переговорахъ, но выставлялъ себя самымъ рѣшительнымъ и открытымъ врагомъ латинства; онъ содѣйствовалъ этимъ переговорамъ развѣ только косвенно, угрожая латинскому господству въ Цариградѣ и возбуждая тѣмъ самымъ какъ будто какую-то уступчивость въ Римской куріи. Главная же наша задача заключается въ томъ, чтобы объяснить, чѣмъ былъ вызванъ такой многознаменательный поворотъ въ политикѣ царя Асѣня, поворотъ — при данной обстановкѣ, нужно сказать, несомнѣнъ благоприятный для болгарскихъ интересовъ, такъ какъ именно Асѣнь, душа коалиціи, ради ея составленія содѣйствовалъ сближенію Мануила Солунскаго съ Никейскимъ императоромъ, европейскихъ грековъ съ мало-азійскими, открывалъ путь вліянію никейскаго помазанника въ прежней Солунской имперіи и даже въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Возстановленіе православной Восточной имперіи въ пользу Никейскаго императора отчасти рѣшено было этимъ сближеніемъ... Мы должны обратиться не много назадъ.

До Клокотницкой битвы не встрѣчается никакихъ признаковъ недружелюбнаго отношенія со стороны Болгарскаго царя къ Латинской имперіи и къ Римскому престолу. Асѣнь II отличался большимъ усердіемъ къ вѣрѣ; онъ строилъ монастыри и украшалъ ихъ золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, одарялъ церкви Божіи многочисленными подарками и проявлялъ относительно ихъ большую щедрость; всякій чинъ духовный, архіереи, іереи и діаконы,

¹⁾ Документы, сюда относящіеся, находятся между прочимъ въ Большой Хроникѣ Матеѣ Парижскаго (см. новое изданіе: *Matthaei Parisiensis chronica majora* ed. *Leard*. London 1876. t. III, въ *Scriptores rerum Britannicarum medii aevi*), собраны также у *Maasi* въ *Concilia* tom. XXIII, 365 sqq. Новѣйшая ихъ обработка у *Циллера* въ *Geschichte der kirchlichen Trennung* I, 324.

осищаемы были почестями ¹⁾; особенно онъ много сдѣлалъ для возвеличенія своей любимой столицы на рѣкѣ Янтрѣ, города Тернова; память, отчасти даже остатки монастырей и церквей имъ здѣсь основанныхъ сохраняются доселѣ ²⁾. Набожные Болгары прославляли и любили своего царя, считая его, конечно, настоящимъ православнымъ государемъ и вовсе не сирвалясь о томъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ Римскому папѣ и къ патриарху въ Никейѣ. Несомнѣнно, что унія, заключенная при царѣ Калоянѣ, не потеряла своей силы и при царѣ Иоаннѣ II. Проклиная Теодора Комнина, какъ врага Латинской имперіи и католической церкви, папа Григорій IX не упоминалъ на раду съ нимъ царя Асѣна (въ 1229 г.). Асѣнъ былъ въ дружбѣ съ Венгерскимъ королемъ Андреемъ II и былъ женатъ на его дочери Маріи. На престолѣ Константинопольскомъ сидѣлъ Робертъ II, состоявшій въ свою очередь въ свойствѣ съ королемъ Венгерскимъ, а чрезъ него и съ Болгарскимъ; за Андреемъ II была сестра Роберта, Иоланта Куртене. Родственные связи государей имѣли тогда величайшее политическое значеніе; всякая важная и новая политическая комбинація непременно искала себѣ закрѣпленія и выраженія въ брачныхъ союзахъ. Въ данномъ случаѣ Асѣнъ держался преданій, унаслѣдованныхъ отъ Калояна и Борила. Онъ сдѣлалъ попытку еще ближе скрѣпить свои родственныя отношенія къ латинскому императорскому дому и точь въ точь возстановить ихъ въ томъ видѣ, какъ они были въ концѣ правленія царя Борила. Впрочемъ, онъ соединялъ съ этимъ планы политическаго господства, идущіе гораздо далѣе, чѣмъ какія-либо мечты его предшественниковъ. Въ 1228 году кончилъ свою безславную жизнь императоръ Робертъ; онъ умеръ въ Ахайи на возвратномъ пути изъ Рима, куда ѣздилъ жаловаться на своихъ бароновъ, которые такъ неблагоусклонно относились къ его любовнымъ похождениямъ и такъ жестоко поступили съ его послѣднею возлюбленною, не смотря на то, что онъ даже съ нею былъ тайно обвѣнчанъ. Они ворвались въ царскія комнаты, гдѣ проводилъ въ жалкой празднои изнѣженности свое время императоръ, схватили его даму вмѣстѣ съ ея матерью, утопили

¹⁾ Занимательно эти черты изъ записи при синодикѣ царя Бориса, приведенной также у *Раковскаго*, объ Асѣнѣ стр. 50, 54.

²⁾ См. Описаніе Тернова при Асѣняхъ, составляющее нѣсколько наилучше названныхъ страницъ въ книгѣ *Иречка*, *Исторія Болгарь*, стр. 332—343.

последнюю, изувѣчили первую, отрѣзавъ ей носъ. Мѣсто Роберта вступилъ братъ его, Балдуинъ II, послѣдній Латинскій императоръ (1228—1261 гг.). Новому императору было только одиннадцатъ лѣтъ; между тѣмъ критическое положеніе имперіи, особенно въ виду успѣховъ Θεодора Эпирскаго, болѣе чѣмъ когда-нибудь требовало твердой руки и полной энергіи мужа. Въ средѣ вліятельныхъ бароновъ возникла мысль искать опоры въ царѣ Болгарскомъ, такъ какъ этотъ наиболѣе могущественный сосѣдь и безъ того стоялъ близко къ фамиліи Куртене (по своей венгерской женѣ, дочери Голанти Куртене). Предложено было обрученіе малолѣтняго императора съ дочерью Болгарскаго царя, точно также не вышедшею изъ дѣтскаго возраста ¹⁾. Асѣнь съ величайшею готовностію ухватился за такой планъ; для него это значило—господство въ Константинополѣ, достиженіе самыхъ завѣтныхъ цѣлей честолюбія, во всякомъ случаѣ полное удовлетвореніе тщеславія, котораго онъ вовсе не былъ чуждъ. Онъ обѣщаль латинамъ свою помощь для возвращенія утраченныхъ ими земель; на свои издержки, своимъ войскомъ онъ обязывался обратно отвоевать всю землю, которую потеряли предшественники Балдуина на западѣ: имѣлись въ виду прежде всего завоеванія Θεодора Комнина Эпирскаго. Брачный договоръ былъ уже скрѣпленъ обоюдною клятвою; но между тѣмъ дѣло затянулось, съ одной стороны — потому, что возрастъ жениха и невѣсты позволялъ ждать, а съ другой — потому, что возникли сомнѣнія и препятствія со стороны франковъ. Латинскіе бароны и рыцари, особенно тѣ изъ нихъ, которые виновны были въ оскорбленіи Роберта, стали бояться, что если Балдуинъ укрѣпитъ свою власть при помощи царя Болгарскаго, то это непріятно отзовется на ихъ собственномъ положеніи. Хотя этого не сказано прямо въ нашихъ источникахъ, главные противники предполагаемаго союза находились, конечно, въ средѣ духовенства; во всякомъ случаѣ дѣло не

¹⁾ О сватовствѣ дочери Асѣни и соединенныхъ съ нимъ планахъ говорится довольно подробно у Маріно Сануто Младшаго, пользовавшагося вполнѣ ему доступными современными венеціанскими документами: *Marini Sammiti Torselli Secreta fidelium ergucta* lib. II cap. 18; въ изданіи *Bongars, Gesta Dei per Francos*, t. II pag. 78. Все сюда относящееся почти вполнѣ приведено у Макушева. Дядюло нѣсколько младшій писатель, чѣмъ Сануто, очевидно, пользовался сочиненіемъ своего предшественника: *Muratori Scriptor. rer. Italic. XII, 346*. Изъ новѣйшихъ историковъ лучше всего держаться *Голфа*, повѣряя имъ Макушева.

могло быть окончательно рѣшено безъ соизволенія папы, и оно было перенесено въ Римъ. Въ Римѣ дѣло было устроено совершенно въ другомъ смыслѣ; нужно думать, что самъ папа выдвинулъ впередъ другаго кандидата, которымъ рѣшено было замѣнить Асѣня. Это былъ знаменитый тогда экс-король Иерусалимскій, Иоаннъ де-Бриеннъ, уступившій свою корону зятю своему, Фридриху II Гогенштауфену, затѣмъ сдѣлавшійся его смертельнымъ врагомъ и предводительствовавшій пресловутыми папскими ключеносцами, которые именно въ 1229 году вели кампанію противъ Гогенштауфена въ южной Италіи. Не смотря на свою старость, Бриеннъ считался самымъ рыцарственнымъ человѣкомъ во всемъ тогдашнемъ мірѣ и потому способнымъ вновь одушевить упавшее мужество латинянъ на греческомъ востокѣ ¹⁾. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ присутствіи папы, въ Перуджѣ заключенъ былъ договоръ уполномоченныхъ отъ константинопольскаго регентства съ экс-королемъ Иоанномъ. Прежде всего предполагенъ былъ бракъ Валдуина съ дочерью Иоанна, Маріей Бриеннъ, какъ скоро женихъ достигнетъ надлежащаго возраста. Въ продолженіе малолѣтства Валдуина, Бриеннъ долженъ былъ управлять имперіей, даже носить, послѣ предварительнаго коронованія, титулъ императора, который онъ сохранить пожизненно, хотя бы его дочь или зять умерли раньше его. За это Иоаннъ обязывался держать Валдуина сообразно съ его достоинствомъ до двадцатилѣтняго возраста; а когда эти лѣта ему исполнятся, Валдуинъ долженъ былъ получить во владѣніе королевство Никейское и всѣ земли, которыя когда-либо принадлежали латинамъ по ту сторону пролива, за исключеніемъ Никомидійскаго герцогства. Предполагалось, что при такомъ вождѣ, каковъ былъ экс-король Иерусалимскій, все это не трудно будетъ вновь отнять у грековъ. Распоряжались точно также свободно и греческими землями въ Европѣ. Такъ какъ Бриеннъ могъ имѣть собственныхъ наследниковъ помимо зятя, то онъ имѣлъ право и ихъ обезпечить удѣломъ: онъ могъ для этого выбрать либо тѣ же самыя мало-азійскія земли, либо всю ту землю, которую держитъ (Теодоръ) Комнинъ до Димотики и Адрианополя (включительно?), съ герцогствомъ Филиппольскимъ, кому бы оно не принадлежало, съ бывшими владѣніями Слава и Стрѣза; только въ пользу Асѣня сдѣлана была внимательная оговорка и обезпечивалась цѣлость его владѣній, по Солунское

¹⁾ Ср. *Hopf*, *Geschichte Griechenlandes im Mittelalter* (въ *Энциклопедіи Брота и Грубера*), pag. 252.

королевство предполагалось возстановить въ пользу дома Монферратскаго ¹⁾).

Таковъ былъ подарокъ, который латины приготовили въ Перуджѣ своимъ друзьямъ и недругамъ. Несчастіе ихъ заключалось только въ томъ, что для осуществленія такихъ широкихъ плановъ они не располагали достаточными наличными силами на мѣстѣ дѣйствія. Бюновъ назначенный императоръ оставался долго въ Европѣ, чтобы приготовить эти средства, велъ переговоры съ Венеціей, просилъ у нея денегъ, людей и судовъ. Только въ апрѣлѣ 1231 года сдѣлка съ Венеціей была заключена; въ августъ того же года онъ прибылъ въ Константинополь, съ восторгомъ былъ встрѣченъ латинскимъ населеніемъ и коронованъ рукою латинскаго патріарха въ императоръ ²⁾).

Нужно думать, что трактатъ, заключенный подъ папскими auspiciis въ Перуджѣ, долго оставался неизвѣстнымъ для царя Болгарскаго. Даже послѣ Клокотницкой битвы въ знаменитой своей надписи въ Терновскомъ храмѣ Сорока мучениковъ онъ величался тѣмъ, что фрязи покорились десницѣ его царства, что у нихъ нѣтъ другого царя, кромѣ его, что они живутъ подъ его властію и его милостію. Совершенно въ такомъ же духѣ представляютъ положеніе дѣлъ въ 1231 году національныя болгарскія сказанія о перенесеніи мощей св. Петки въ Терновъ. Латины Цареграда только потому выдали Болгарамъ эту святыню, что находились въ очень стѣсненномъ положеніи; они уступили ее вмѣсто тяжелой дани, которую имъ приходилось вносить царю Асѣню ³⁾); патріархъ Евемій, вѣроятно, изъ тѣхъ же самыхъ свѣтлыхъ хрисовуловъ Асѣня Аѳонской лаврѣ и Протату, на которыхъ онъ ссылается, вычиталъ представленіе о томъ, какъ его герой все покорилъ крѣпко и мужественно до самаго

¹⁾ Договоръ былъ напечатанъ нѣсколько разъ—у *Раймалда* въ *Annales ecclesiastici ad ann. 1229—tom. XX*; въ собраніи венеціанскихъ документовъ *Табелла: Fontes rerum Austriac. XIII, 265*; у *Бюшона* въ *Recherches et matériaux*; наконецъ, у *Макушева* по подлинному списку Венеціанскаго архива, такъ какъ онъ считалъ документъ еще неизданнымъ: въ текстѣ статьи Макушева не все, однако, точно передано.

²⁾ *Hopf, Gesch. Griechenl. pag. 253.*

³⁾ О разнаго рода сказаніяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ перенесеніе мощей св. Петки, см. статью *П. А. Сырку*: Замѣтки о двухъ пронзеденіяхъ патріарха Евемія, въ юбилейномъ сборникѣ В. И. Ламанскаго. Вѣсть съ нимъ мы принимаемъ, что древнѣйшій видъ сказанія отчасти сохранился въ краткомъ продолжномъ житіи: см. стр. 384, 385 означенной статьи г. *Сырку*.

царствующаго града, все пообладалъ, и самый тотъ царственный градъ повоевалъ и покорилъ, а держащихъ тамъ фруговъ (франковъ) превратилъ въ данниковъ. Когда поэтому онъ потребовалъ у нихъ мощей св. Параскевiи, то франки съ готовностію исполнили его требованіе ¹⁾. Въ сущности Асѣнь пока ничего не покорилъ у франковъ; онъ только отобралъ у Θεодора Комнина его завоеванія, которыя, согласно съ прежними его обѣщаніями, слѣдовало бы возвратитъ латинамъ; но конечно, онъ все еще думалъ посадить на константинопольскомъ престолѣ свою дочь.

Велико было его разочарованіе и его досада, когда, послѣ прибитія Бриспиа, всѣ его расчеты и тщеславныя надежды разлетѣлись прахомъ. Онъ чувствовалъ себя обманутымъ; онъ былъ раздраженъ и круто повернулъ въ другую сторону. Онъ легко нашелъ себѣ другаго союзника и другаго жениха для своей дочери Елены, отвергнутой невѣсты Валдуина: это былъ сынъ и наследникъ Никейскаго императора Юанна Вататци. Отсюда логически вытекалъ разрывъ съ Римомъ, формальная отмѣна уніи, соглашеніе съ Константинопольскимъ патриархомъ. Этимъ духомъ и проникнута была коалиція, лозунгомъ которой сдѣлалось изгнаніе латинянъ изъ Цареграда, и къ которой волею или неволею присталъ деспотъ Мануилъ Солунскій. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ документовъ, которые прямо относились бы къ сношеніямъ Асѣни съ Греческимъ царемъ и Никейскимъ патриархомъ; только издаваемое нами посланіе патриаршаго экзарха отъ 1233 года бросаетъ неожиданно яркій, но въ то же время и загадочный свѣтъ на его настроеніе и на смыслъ происходившихъ въ самомъ дѣлѣ переговоровъ. Нѣкоторымъ указаніемъ или же намекомъ служить еще переписка именно деспота Мануила Солунскаго съ патриархомъ Германомъ, начавшаяся, по видимому, одновременно съ обнаружившимся переворотомъ въ политикѣ Асѣни. Такъ какъ она важна для насъ и въ другихъ отношеніяхъ, то мы теперь и обращаемся къ ней, а вслѣдъ затѣмъ и къ посланію, адресованному уже на имя царя Загорскаго.

IV.

Въ 1232 году деспотъ Мануилъ обратился къ патриарху Герману II съ просьбою, чтобы онъ содѣйствовалъ соглашенію его съ царемъ

¹⁾ Житіе св. Параскевiи патриарха Евѣмiи: Октябрскіи Минеи Макарія, стр. 1032.

Іоанномъ Дукою Вататци и скрѣпленію ихъ дружбы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступилъ съ опредѣленными и очень важными предложеніями относительно устройства церковныхъ дѣлъ ¹⁾).

Посланіе Мануила начинается весьма риторическимъ и паинщеннымъ обращеніемъ къ патриарху; патриархъ сравнивается съ солнцемъ, и на его сторонѣ оказывается то преимущество, что онъ свѣтитъ непрерывно: великая и свѣтоносная планета ночью исчезаетъ и скрывается отъ нашихъ взоровъ, пламенную и огнеобразную колесницу объемлетъ темнота и помраченіе, а противу кроткихъ лучей нашего христіанскаго солнца и сладкаго его блеска безсильны, какъ тучи облаковъ, то-есть, смятенія мірскія, такъ и самая глубокая ночь, то-есть, нашествіе вражескихъ народовъ. Назиданія патриарха, его къ Богу молитвы за всѣхъ христіанъ не знали ни прерыва, ни отдыха и не оставались безъ дѣйствія, такъ какъ подъ ихъ животворнымъ возбужденіемъ родилось и получило завершеніе то дѣло, о которомъ будетъ рѣчь.

„Твоя святость уже прежде обращалась къ намъ съ отеческими вразумленіями, стараясь привлечь насъ въ пристань мира, убѣдить и вынудить своими настояніями къ союзу единенія. И вотъ мы повинемся; мы попросимъ и ни во что вмѣняемъ многія изъ принадлежащихъ намъ правъ, считаемыхъ обыкновенно столь драгоценными, что отъ нихъ отказываются развѣ только по необходимости. Ради того мы поискали дружбы царя Ромейскаго, господина Іоанна Дуки; ради того мы повергли подъ ноги многое, касающееся нашей славы, что и приличествовало, и было прирожденно нашему величію. И вотъ совершилось, что во дни твои Господь призрѣлъ еже отнати поношеніе раздѣленія изъ среды насъ ромеевъ; совершилось дѣло, котораго уже многіе желали прежде твоей святости. Итакъ, дерзай, верховнѣйшій изъ отцевъ, возвеличи Господа и прослави, ибо ты глаголалъ во уши отверстыя и ведущія къ мозгу, ты оросилъ не бесплодную и не каменную землю, ты отъялъ поношеніе отъ сыновъ твоихъ, ты сростилъ и изцѣлилъ рану нашего разрыва. Съ нашей стороны отпни въ нѣтъ препятствія. Остается, чтобы ты привелъ и царя Іоанна Дуку къ такому же образу дѣйствій и положилъ между нами глубокой и неразрывный миръ“.

Затѣмъ отъ мирскихъ дѣлъ деспотъ Мануиль переходитъ къ церковнымъ:

¹⁾ Miklosich, Acta graeca medii aevi III, 59 (№ XIII).

„Ты же, вселенскій свѣтильникъ, живородный свѣтъ нашихъ душъ, чего медлишь? Зачѣмъ отъ насъ закатился и скрываешься? До коихъ поръ ты не будешь одинаково освѣщать и наши страны? Внимая вышнимъ, ты тамъ утверждаешь престолъ твой и проходишь мимо насъ, оставляя насъ не озаренными солнцемъ. Остави убо прочее; выслушай наше моленіе, не какую-либо просьбу неблагочестивую или выходящую изъ границъ приличнаго. Удостоверься, что не возможно кому бы то ни было приходить отсюда моремъ въ тамошнюю восточную землю, дабы быть поставленнымъ въ архіереи для здѣшнихъ западныхъ церквей. Рѣшиться презрѣть находящіяся при этомъ посреднѣхъ путевыя опасности—все одно, что прямо направиться въ Ахеронтъ“.

При семъ приводится примѣръ, доказывающій небезопасность пути—вслѣдствіе господствовавшаго на Архипелагѣ морскаго разбоя, примѣръ, тѣмъ болѣе любопытный, что онъ касается одного изъ членовъ знаменитой литературной фамиліи Акомипатовъ, лица, избраннаго на епископскую митрополищю каедрю въ Паннактѣ и на пути въ Грецію захваченнаго пиратами, которымъ пришлось потомъ заплатить тяжкій денежный выкупъ.

„Итакъ, если ты заботишься о здѣшнихъ христіанскихъ душахъ“, обращается къ патриарху властитель Солуни и Эпира,—„то прими во вниманіе требованія времени и обстоятельствъ и сдѣлай одно изъ двухъ: 1) либо одному изъ здѣшнихъ западныхъ архіереевъ, какой будетъ сочтенъ годнымъ для такового служенія, соборне дай полномочіе, поручи ему избраніе и поставленіе (*προβολάς*) епископовъ, должствующихъ замѣщать вдовствующія здѣсь каедры; 2) либо, если это будетъ не угодно, пусть твоя святость изберетъ одного изъ тамошнихъ (восточныхъ) архіереевъ, и пусть онъ прибудетъ сюда—исполнять необходимую службу Христову“.

Въ сущности деспотъ Мануилъ предлагаетъ патриарху назначить для западныхъ греческихъ областей особаго экзарха или же мѣстоблюстителя съ передачею ему всѣхъ патриаршескихъ полномочій. Свое предложеніе онъ считаетъ необходимымъ еще разъ извинить или оправдать условіями времени:

„Развѣ мы говоримъ что-либо странное, просимъ чего-нибудь не соотвѣтствующаго разуму? Если бы дѣла ромскаго паходились въ прежнемъ своемъ положеніи, если бы блистало царство на тронѣ Константинополя, если бы тамъ воссѣдалъ патриархъ на своемъ престолѣ, если бы не расширялись по срединѣ опасныя мрежи для от-

плывающихъ ради архіерейства, то язвою и мужемъ погибели, прямымъ нарушителемъ церковныхъ законовъ долженъ былъ бы считаться человекъ, который попытался бы поколебать строгую законность существующаго порядка* (акривію).

Итакъ, отдаленность царя и патриарха и происходящая отсюда затруднительность прямыхъ сношеній выставляются главнымъ основаниемъ для предоставления западу нѣкоторой самостоятельности или самобытности по церковному управленію. Само собою разумѣется, что если патриархъ согласится на эту просьбу и рѣшится назначить для западныхъ областей Греціи мѣстоблюстителя или экзарха, то онъ изберетъ его скорѣе среди болѣе близкихъ къ нему восточныхъ іерарховъ, чѣмъ изъ среды подчиненныхъ Мануилу епископовъ Солунской и Эпирской области. Въ посланіи деспота Мануила и въ самомъ отвѣтѣ патриарха оставляется не разъясненнымъ вопросъ—будетъ ли отправленіе или же назначеніе на западъ экзарха мѣрою временною и преходящею, или же постоянною. По смыслу документа, содержаніе котораго мы изложили, слѣдовало бы, что, пока будутъ оставаться существующія условія, то-есть, пока патриаршій престолъ изъ Никеи не возвратится въ Царьградъ, до тѣхъ поръ и власть патриарха на западѣ будетъ нуждаться для своего проявленія въ посредствующемъ органѣ. Въ отвѣтномъ новомъ посланіи патриарха предполагается, что экзархатъ долженъ существовать, пока не представится возможности для самаго патриарха отправиться на западъ.

Отвѣтъ патриарха Германа на посланіе деспота Мануила начинается патетическимъ заявленіемъ, что онъ, патриархъ, признаетъ себя побѣжденнымъ¹⁾:

„Мы побѣждены, клянусь твоими доблестями, мы побѣждены, все-благополучиѣйшій государь, и понесли поражение столь неожиданное, что такое и на умъ не могло бы намъ придти, прежде чѣмъ оно совершилось“. Патриархъ указываетъ на то, что въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ западнымъ областямъ (Греція) онъ опирался на весьма положительныхъ, твердыхъ и ясныхъ правахъ, на ностановленіяхъ святыхъ отцевъ и церковныхъ соборовъ, на законахъ благочестивыхъ царей. „Поддерживаемые такою помощію, мы, восточные, старались привлечь къ себѣ твой западъ, хотѣли привести къ тому, чтобы,

¹⁾ Miklosich, Acta graeca medii aevi III, 62: 'Ηττήμεθα, νή τὰς εἰς ἁριστίας, ἡττήμεθα.

подобно брачущимся (женику и невѣстѣ), они (то-есть, востокъ и западъ) вмѣстѣ подклонились подъ нашими руками". Страхъ отъ морскихъ разбойниковъ, а равно и всякія препятствія на сушѣ, патриархъ считаетъ пустыми и неумѣстными отговорками или, лучше сказать, предлогомъ для схизмы, потому что пираты не теперь только появились, а всегда были на морѣ. „Когда они воздерживались отъ того, чтобы бичевать морскую поверхность (буквально: спину моря)? Когда лицо моря оставляли не обограннымъ и не окрашеннымъ кровію пловцовъ? Даже въ самые блаженные и золотые прежніе дни морской разбой не утихалъ; многіе изъ путешественниковъ или утопали въ пучинѣ, какъ свинецъ въ быстрой водѣ, или же выкупались на свободу многовѣснымъ золотомъ. Однако, въ прежнее время этимъ не пресѣкалось благочестивое усердіе; не тяготились переѣздомъ по морю тѣ, которымъ вручались бразды церковнаго управленія". Затѣмъ патриархъ указываетъ, что не всякій путешественникъ подвергается опасности; примѣру, приведенному въ посланіи деспота Эпирскаго, онъ противопоставляетъ другіе, когда переѣздъ по морю избранныхъ на западныхъ епископскія каѳедры совершился благополучно... „Притомъ развѣ опасность угрожаетъ только тѣмъ, кто переплываетъ съ запада на востокъ; развѣ отъ нея свободны тѣ, которые на оборотъ отправляются съ востока на западъ? Зло—общее, и стоитъ оно въ промежуткѣ между Азіею и Европою на подобіе пѣкостей Сциллы и Харибды, одинаковымъ образомъ угрожая переплывающимъ отсюда туда и оттуда сюда. А потому обѣимъ сторонамъ одинаково приходится или избѣгать вреда или же пренебрегать опасностію"...

Изъ всего этого слѣдовало бы, что патриархъ хочетъ настаивать на своемъ правѣ, не дѣлая никакихъ уступокъ и снисхожденій, но не туда клонится его отвѣтъ.

„Какъ скоро я узналъ любви, которую ты по Господу питаешь къ нашей мѣрности, и убѣдился, что твое писаніе исходитъ прямо отъ благолюбивой души, что уста твои не повалены краскою (румянами) лукавства, то я", говоритъ патриархъ,— „всѣ эти великія опоры разорвалъ, какъ теанъ наука, и всецѣло предалъ себя волѣ твоей царственности. Я хотѣлъ бы, и даже это было наиболѣе для меня многожеланнымъ, чтобы и могъ въ апостольскомъ облаченіи посмѣяться надъ волнами морскими и (лично) направиться къ твоей царственности, ходя по водамъ безопасно: надѣюсь, что это и сбудется въ скоромъ времени, хотя и не столь чудеснымъ образомъ, что тѣмъ

самымъ естественнымъ способомъ, какимъ мы обмѣли совершать путешествія, въ скоромъ времени я достигну къ тебѣ, чтобы насладиться твоимъ лицезрѣніемъ и сладкимъ твоимъ голосомъ... А до тѣхъ поръ — для настоящаго времени я посылаю тебѣ, на основаніи соборнаго разсмотрѣнія и совѣта, святѣйшаго митрополита Анкирскаго, во Христѣ возлюбленнаго брата и служителя нашей мѣрности, долженствующаго занимать мѣсто нашей мѣрности во всемъ, что касается патриаршаго престола¹. Слѣдуетъ похвала правдивнымъ качествамъ митрополита, и между ними отмѣчается его простота и безхитрое простоедушіе; по причинѣ того онъ легко можетъ быть обманутъ и введенъ въ заблужденіе, если бы самъ деспотъ Мануилъ не сталъ его просвѣщать и ему помогать противъ рукъ хищниковъ, стремящихся присвоить то, что имъ не принадлежитъ.

„Итакъ, вотъ мы уступили твоей волѣ и твоимъ видамъ, безъ сопротивленія отказавшись отъ собственныхъ желаній, но по причинѣ медлительности и отсрочки мы боимся, чтобы нашъ даръ не былъ отвергнутъ твоею царственностью, какъ утратившій свою цѣну вслѣдствіе замедленія, ибо намъ свойственно питать отвращеніе къ подаркамъ обѣщаннымъ въ скоромъ времени, но поздно отдаваемымъ“. Патриархъ говорятъ, что вина тутъ не его; по чья же? Пусть разберетъ это самъ Мануилъ. Во всякомъ случаѣ виновенъ тотъ, кто внушилъ мысль и распространилъ слухъ объ опасности морскаго пути. Въ этомъ и заключается причина замедленія въ прибытіи посланнаго. Въ концѣ патриархъ проситъ благосклоннаго приема для своего уполномоченнаго и высказываетъ свои благожеланія о долголѣтней жизни, о побѣдѣ надъ врагами, объ удаленіи злыхъ совѣтниковъ.

Изъ третьяго затѣмъ слѣдующаго документа мы узнаемъ, что засѣданіе патриаршаго собора или синода, на которомъ рѣшено было отправленіе на западъ Анкирскаго митрополита, Христофора, происходило въ Никее 6-го марта 1232 года (индикт. 5). По обычной формулѣ была составлена и выдана соборная грамота, передающая ему полномочія дѣйствовать въ качествѣ патриаршаго экзарха¹). Для насъ не ясно только то, къ какому именно періоду времени относятся медлительность и отсрочка, упомянутыя въ предыдущемъ до-

¹) Miklosich, Acta graeca, III, 65. Напечатано только введеніе съ указаніемъ времени собора и присутствовавшихъ на немъ лицъ, потому именно, что самое содержаніе не отличается отъ принятой въ такихъ случаяхъ формулы.

кументъ, въ посланіи патріарха; медлил ли патріархъ своимъ рѣшеніемъ до синода, или же и послѣ принятаго рѣшенія митрополитъ Анкирскій все-таки не тотчасъ отправился на западъ. Такъ или иначе, въ началѣ 1233 года онъ находился во владѣніяхъ Мануила. Къ его пребыванію на западѣ относятся слѣдующіе документы, извлекаемые нами изъ драгоценнаго Порфиріевскаго сборника, а также изъ другаго источника.

Прежде всего мы имѣемъ теперь второе посланіе деспота Мануила къ патріарху Герману, очевидно представляющее отвѣтъ на вышеприведенную грамоту патріарха ¹⁾. Первые слова посланія прямо отвѣчаютъ на то патетическое, эффектное восклицаніе, которое стоитъ въ началѣ предшествующаго документа: „Мы побѣждены“, писалъ патріархъ. „Хорошо быть такъ побѣжденнымъ“, отвѣчаетъ Комнинъ Мануилъ и, согласно съ господствующимъ литературнымъ вкусомъ времени, на разные лады, со всевозможными риторическими ухищреніями развиваетъ свою тему о превосходствѣ пораженія предъ побѣдою:

„Блаженное дѣло—быть хорошо побѣжденнымъ... Блаженъ и ты, всесвятѣйшій отецъ, хорошо отъ насъ побѣжденный и синсходящій къ нашему желанію, и не столько нашему, сколько естественному или даже скорѣе божественному. Ибо самое естество побуждаетъ врачей синсходить ипогда къ желаніямъ болящихъ, и самъ Богъ Слово, ради меня сдѣлавшійся убогимъ человѣкомъ, на столько уступалъ желаніямъ просящихъ, что, даже не будучи просимъ, вошелъ въ домъ сотника...

„Знай, что страннымъ образомъ я сплету тебѣ болѣе свѣтлый вѣнецъ теперь, когда ты счастливо приобрѣлъ это пораженіе, чѣмъ когда ты неудачно одерживалъ ту твою Кадмейскую побѣду: такъ я хочу назвать прежнюю твою решимость, неуступчивость и суровость... Теперь не будетъ Ефрема и Іуды, сей не будетъ пожирать онаго и оный—того, но будетъ одинъ народъ, народъ Іакова, икупъ восхваляющіе и благославляющіе Бога единими устами, имѣя впереди одного водителя хора (хореарха), своего великаго патріарха, который сочеталъ снова обѣихъ сестеръ: я разумѣю востокъ и западъ...

„Ты блаженъ, ибо на подобіе испытаннѣйшихъ борцовъ ты боролся искусно: притворяясь поверженнымъ и лежащимъ, ты побѣдилъ

¹⁾ Cod. Porphyg. 33 fol. 42 v. Καλῶς ἡττησάμεν μαχαριετόν. Въ кодексахъ документовъ не имѣетъ никакого заглавія.

и оказался по верхъ поборовшаго, а тѣ, которые казались лежащими поверхъ, очутились внизу... Прославляю такое твое поражение, прославляю такую нашу побѣду; а лучше на оборотъ: поздравляю твою святость съ свѣтлымъ торжествомъ, такъ какъ ты восторжествовала и надъ западомъ, котораго никто изъ занимавшихъ прежде тебя престолъ въ Никеѣ еще не могъ побѣдить. Поздравляю и насъ самихъ съ поражениемъ, явно подчиняющимъ насъ и тѣхъ, которые подъ нами, патриаршему превосходству. Теперь патриаршая слава уже не будетъ шепотомъ произноситься здѣсь и тамъ въ нашей державѣ, но будетъ вездѣ провозглашаться открытыми устами и радостнымъ языкомъ.

„Что будетъ отнынѣ впередъ? Что еще сотворю тебѣ, великій снѣтодавецъ вселепной? Открыты тебѣ пути твои, устранены преграды каменные; на конѣ ли или на колесницѣ совершай свой путь и по западу—скорый, какъ исполнѣ, радостно, какъ женихъ изъ чертога своего; все назирай, все озаряй, да никто и ничто не укроется теплоты твоея. Впрочемъ, что касается до того, то пусть другой болѣе украшенный и гладкій языкъ скажетъ должное болѣе громомъ гласнымъ образомъ. А мы, простые войны, не привыкли обтачивать свою рѣчь для преданія ей красоты, ограничиваемся сими безыскусственными и неизящными словами.

„Всесвятѣйшій митрополитъ Анкирскій, посланный твоею святостію въ наши западныя страны, чтобы занимать мѣсто твоей святости, прибылъ къ намъ здравъ и невредимъ, не подвергшись никакому огорченію, и припалъ нами охотно со всею подобающею честію. Онъ передалъ намъ твое благословеніе и освященный хлѣбъ (ἀγίασμα), который ты послалъ съ нимъ. Письмо самаго Анкирскаго митрополита можетъ подтвердить, что нами о немъ сказано“....

Въ концѣ Мануилъ Комнинъ Дука опять обращается къ риторическому прославленію совершившагося объединенія востока и запада. Впрочемъ, грамота его имѣетъ теперь такой видъ, какъ будто она составлена въ два приема, и какъ будто извѣстіе о прибытіи митрополита Анкирскаго представляетъ уже приписку. Что же касается до болѣе изощреннаго и гладкаго языка, который долженъ былъ отвѣчать патриарху отъ имени духовенства западной Греціи, то уже а priori можно было предполагать, что эта задача выпадетъ на долю знаменитаго тогда Керкирскаго епископа Георгія Вардана, уже разъ составившаго обширный, краснорѣчивый и громоносный отвѣтъ на патриаршую грамоту, полученную въ послѣдніе годы Тео-

дора и, правда, отличавшуюся совсѣмъ другимъ содержаніемъ и тономъ. По всѣмъ признакамъ, этотъ Георгій Варданъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Мануила; онъ получилъ отъ него милостивую грамоту, подтверждающую всѣ привилегіи Керкирской церкви, исполнялъ самыя деликатныя его дипломатическія порученія, ѣздилъ отъ него посломъ въ Италію. Цѣлый рядъ документовъ, напечатанныхъ въ знаменитыхъ Церковныхъ Анналахъ Баронія и ошибочно отнесенныхъ къ другому времени, понятенъ и имѣетъ смыслъ именно только тогда, когда мы будемъ относить ихъ къ рассматриваемой нами эпохѣ и къ извѣстнымъ намъ лицамъ. Таково и слѣдующее посланіе, въ латинскомъ переводѣ, но съ именемъ Георгія митрополита Керкирскаго, сообщенное въ девятнадцатомъ томѣ Церковныхъ Лѣтописей ¹⁾.

Прежде всего здѣсь говорится, что не задолго предъ тѣмъ епископы западныхъ странъ (греческихъ) собрались въ одно мѣсто по приглашенію своего государя киръ Мануила; но не столь важнымъ представляется нишущему это собраніе, сколько актъ, на немъ совершившійся; именно: на этомъ собраніи прочтено было посланіе патріарха къ деслоту Мануилу, въ которомъ шла рѣчь о всеобщемъ соборѣ (греческихъ епископовъ) ²⁾.

„Сошлись мы вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ для составленія священнаго собранія, исключая одного, другаго и третьяго, задержанныхъ уважительными причинами. И кто теперь могъ бы высказать нашу радость по поводу этого божественнаго и какъ бы съ неба нисходящаго гласа, соединяющаго вселенную со вселенною, то-есть, восточный и высшій кругъ съ симъ западнымъ и нисшимъ, нѣсколько понижаящимся съ прежней своей высоты, ибо подобаетъ болѣе древнему оставаться и болѣе почитаемымъ.

„Когда мы приняли сердцемъ патріаршее посланіе и все въ немъ содержащееся отъ начала до конца, то какой языкъ остался нѣмоствующимъ? Какія уста не отверзлись для гимновъ, полныхъ благодарности?

„Возведи, сватѣйшій господинъ, очи твои кругомъ, увиди всѣхъ сыновъ твоихъ. Вотъ они поднялись и пришли къ тебѣ, то-есть, къ твоему послушанію и повиновенію священному и законному. Ибо

¹⁾ *Baronii Annales ecclesiastici*, t. XIX ann. 1180 § 46.

²⁾ *Nov*, qui in hac occidentali regione pontificalem curam suscepimus.

если еще и не собрался (какъ выше сказано) въ какомъ-нибудь определенномъ мѣстѣ епископскій соборъ: нѣкоторыхъ и, по правдѣ, не многихъ еще не достаетъ; однако мы всѣ согласны и единопутны, и представляемъ какъ бы цѣльное сочетаніе многихъ отдѣльныхъ членовъ и являя одной цѣпи. Насъ одушевляетъ одна забота объ общемъ благѣ, одно желаніе, чтобы ты могъ всѣхъ насъ соединить подъ однимъ покровомъ и прикрыть одною ризою.

„Вотъ начало нашихъ отягощеній; вотъ наше первое постановленіе, основоположеніе лѣтствицы, по которой наше собраніе надѣется подняться къ тебѣ къ небу твоей святости. И мы надѣемся, что между нами, пресмыкающимися внизу, и вершиною будутъ восхожденія и нисхожденія ангеловъ; подъ ангелами нужно разумѣть посланія и вѣстниковъ, отправляемыхъ къ нашему государю и къ намъ твоею святостию. Итакъ, посылаемъ наше смиренное поклоненіе и, какъ твои непрестанные молитвенники, просимъ тебя и весь освященный соборъ, который при тебѣ находится, оказывать намъ братскую любовь, а также просимъ твоихъ молитвъ и благословеній“.

Слѣдующіе два документа, не имѣющіе никакого надписанія, относятся, очевидно, ко времени пребыванія Христофора Анкирскаго на Западѣ и даны отъ лица патріарха Германа.

„Не заградиши устенъ вола молотяща, гласитъ древнее Писаніе¹⁾; но воламъ молотящимъ должно приравнять и тѣхъ, которые работаютъ на духовномъ гумнѣ, то-есть, въ церкви, труженикомъ нашего іерархическаго служенія.

„Заграждать уста тѣмъ, которые заботятся о духовномъ земледѣліи и не допускать ихъ къ собиранію плодовъ—не хорошо и не благочестиво, ибо хотя Евангеліе не продажно, но одною и не безъ издержекъ; и кто, пасущій стадо, не пытается отъ млека его? Итакъ, жѣрность наша, уважая труды святѣйшаго митрополита Анкирскаго Галатской епархіи, которые онъ подъялъ на себя, именно исправленіе патріаршихъ правъ на западѣ вмѣстѣ съ эвзархатомъ и нашимъ мѣстоблюстительствомъ, признала справедливымъ для его издержекъ назначить доходъ безупречный и притомъ призванный церковью и узаконенный каноническими правилами (разумѣется вносимая по древнему обычаю въ пользу епископовъ *εὐλογία ἢ ἀλογία*), данъ отъ находящихся подъ ихъ властію монастырей, молитвенныхъ до-

¹⁾ Cod. Porphyg. 33. Fol. 43 v. Οὐ φεράσεις βόων ἀλοῦντα=Второзакон. 25.4. Въ русскомъ переводѣ: „не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ“.

мовъ, а также отъ пресвитеровъ, которая обыкновенно называется каноническимъ, τὸ κανονικόν). Мы опредѣляемъ, что святѣйшій митрополитъ Анкирскій, нашъ мѣстоблюститель и экзархъ, будетъ ее взимать для собственнаго домостроительства (экономіи) во все то время, пока онъ будетъ исполнять настоящее служеніе⁴.

Рядомъ стоящая другая патриаршая грамота имѣетъ въ виду возстановленіе патриаршихъ правъ по отношенію къ одному разряду монастырей, наиболѣе, конечно, богатыхъ ¹⁾.

Какъ сдѣлалось извѣстнымъ нашей мѣрности, въ державѣ благополучнѣйшаго господина и желаннаго дяди (θείου) державнѣйшаго моего самодержца, возлюбленнѣйшаго во Святомъ Духѣ сына нашей мѣрности, господина Мануила Дуки существуютъ различные монастыри, расположенные въ равныхъ мѣстахъ и называемые царскими (βασιλικά), и сообразно съ этимъ названіемъ свободные и неподлежные какой то бы ни было рукѣ епископской, направляемые которою они не могли бы уклоняться съ пути, ведущаго ко спасенію. Ибо казалось, что столь высокое наименованіе дѣлало невозможнымъ подчиненіе ихъ архіерейскому смиренію. Но до какой степени такое соображеніе не основательно, это сейчасъ будетъ видно. Каждому вѣдомо, что всякое строеніе, посвященное Богу, должно получить первое свое основаніе отъ іерархическаго полномочія, при чемъ водружается на мѣстѣ строенія снискательный крестъ, остающійся затѣмъ въ рукахъ ктиторовъ. Безъ архіерея не возможно устроить храма, и всякому ясно, что тотъ же (архіерей) долженъ сохранить духовную власть надъ вновь основанными (церквами и монастырями), и что ктиторами можетъ быть предоставлено одно поминаніе въ освященныхъ ими (архіереями) храмахъ и (право) быть улажаемыми за свои приношенія и новыя жертвы. Отсюда очевидно, что не можетъ быть никакого монастыря, находящагося внѣ епископскаго наблюденія, и что, слѣдовательно, и царскіе монастыри сначала были подчинены той власти архіерейской, которою былъ водруженъ крестъ на основаніи. Каждый изъ занимающихъ высшіе или же подчиненные престолы (епископскіе) имѣетъ право совершать, какъ прочія священнодѣйствія, такъ и утвержденіе храмовъ при первомъ ихъ основаніи—только въ своей области, а внѣ ея никто не можетъ безопасно давать ставропигію, кромѣ вселенскаго на то время патриарха: вмѣстѣ съ иными ему принадле-

¹⁾ Cod. Porphyg. 83. Fol. 43 v. Εἰσι μὲν ὡς ἀνηνέχθη τῆ ἡμῶν πατριότητι διάφορα μοναστήρια.

жить и это преимущество въ отношеніи ко всякому діоцезу. Итакъ, святѣйшему митрополиту Анкирскому, экзарху на западѣ патриаршихъ правъ и мѣстоблюстителю нашей мѣрности, нужно будетъ озаботиться при имѣющемъ быть собраніи тамошняго священнаго братства о томъ, чтобы разслѣдовать объ этихъ такъ-называемыхъ царскихъ монастыряхъ при участіи и присутствіи мѣстныхъ архіереевъ¹. Тѣ монастыри, которые, на основаніи точныхъ данныхъ окажутся основанными посредствомъ ставропигіи мѣстныхъ епископовъ, должны быть переданы имъ, а монастыри патриаршей ставропигіи—патріарху; къ числу послѣднихъ должны быть причислены и тѣ, которые окажутся сомнительными, то-есть, относительно конихъ не окажется положительныхъ указаній.

Но счастію, этотъ послѣдній документъ имѣетъ довольно опредѣленную дату, именно мѣсяць іюнь шестаго индикта, а это въ подлежащемъ нашему разчету циклѣ равняется іюню 1233 года. Если соборъ, предполагаемый въ грамотѣ Германа II, дѣйствительно состоялся, то приблизительно онъ могъ собраться въ началѣ августа того же 1233 года, такъ какъ на полученіе отвѣта въ Солуни изъ Никеи, то-есть, на путь туда и обратно, полагалось въ то небезопасное время все-таки не болѣе трехъ мѣсяцевъ¹). Что соборъ состоялся, объ этомъ мы опять узнаемъ изъ посланія митрополита Керкирскаго Георгія къ одному высокому духовному лицу, уполномоченному еще высшимъ, очевидно—къ тому же самому Христофору Анкирскому²).

„Богоподобный господинъ и крѣпчайшая защита нашего праваго слова“,—такъ гласитъ обращеніе въ началѣ письма, и затѣмъ слѣдуютъ обычные преувеличенныя и напыщенныя уподобленія, въ которыхъ имѣющій получить посланіе сравнивается со столбомъ огненнымъ, долженствующимъ руководить сыновъ пынѣшняго дня, и въ то же самое время съ облакомъ, освѣщающимъ ихъ. Георгій предоставляет однако другимъ говорить надлежащимъ образомъ о высокомъ значеніи его посланничества: „Пусть говорятъ объ этомъ болѣе гром-

¹) Это мы находимъ въ одномъ письмѣ Іоанна Навпактскаго къ патріарху въ Никей. Cod. Porphyg. 33 fol. 61 v.

²) Codex Porphyg. 33 fol. 71 recto. Письмо безъ заглавія, но изъ самаго содержанія его видно, что оно принадлежитъ епископу Керкирскому и адресовано духовному лицу, которое, очевидно, имѣло ближайшее отношеніе къ собору, на коемъ пишущій не могъ присутствовать по болѣзни. Начало письма въ подлинникѣ: Θεοσεβήτατα δέσποτα καὶ τοῦ κατ' ἡμᾶς ὀρθοῦ λόγου ἀστυκράτορα πρίβωλε.

кимъ голосомъ тѣ, коимъ ты даешь слово и конхъ удостоиваешь жизнедательнаго твоего лицезрѣнія; а я считаю себя блаженнымъ уже и тѣмъ, что, не бывши очевиднымъ свидѣтелемъ слышаннаго мною вдали, все-таки являюсь послушнымъ и не противоречу проповѣданію. Одно причиняетъ глубокую скорбь душѣ моей, именно то, что я не могъ прибыть на священный соборъ и еще лежу полумертвымъ; ибо болѣзни превзыдоша главу мою, и все тѣло мое объято недугомъ. Вторая причина печали—та, что о насъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи, и что мы сдѣлались предъ вами отверженныѣ кака. Но не должно презирать и малыхъ, ибо и Давидъ былъ малъ во братіи своей. Такъ и я получилъ въ Господнемъ домоправленіи, конечно, самый послѣдній удѣлъ и самый низшій изъ епископскихъ престоловъ, какъ на это указываетъ и самое названіе онаго. Ибо откуда Керкира получила свое наименованіе? По филологическому толкованію, которое ученый епископъ игриво развиваетъ на цѣлой страницѣ, слово Керкира образовалось изъ *xérxos* (хвостъ) и *οὐρά* (тоже хвостъ); то и другое означаетъ нѣчто заднее—либо хвостъ у животныхъ, либо арріегардъ въ войскѣ. Въ заключеніе пишущій высказываетъ надежду, что, можетъ быть, его святость посѣтитъ эти отдаленныя (*κατότερα*) области, и если еще застанетъ его въ живыхъ, то это будетъ для большаго величайшимъ счастіемъ: „Если же смерть моя послѣдуетъ ранѣе твоего желаннаго посѣщенія, то для меня будутъ благимъ напутствіемъ твои отвѣтныя рѣчи на мое настоящее писаніе, каковыя и соблаговоли мнѣ препроводить, удѣляя мнѣ несчастному по силѣ дарованной тебѣ власти дѣйствительнѣйшее разрѣшеніе, подобно тому, какъ думаю (ты даровалъ такое) и всей совокупности соборнаго во Христѣ братства. Отсутствуя) и вижу тебя какъ будто лицомъ къ лицу; припадаю къ главѣ, плечамъ, рукамъ твоимъ и колѣнамъ, хорошо зная, что почитать образъ значить перепосить благодарность на самый первообразъ“.

Наконецъ, мы имѣемъ письмо Іоанна Навпактскаго къ митрополиту Янинскому, въ которомъ идетъ рѣчь объ экзархѣ; Іоаннъ, въ то время, какъ мы знаемъ по другимъ даннымъ, уже оставившій управление епархіей и принявшій схиму, жалуется на экзарха и на оскорбленія, которыя тотъ наноситъ ему письменно, а затѣмъ все-таки проситъ у своего корреспондента заступничества предъ экзархомъ, такъ какъ послѣдній оказываетъ къ Янинскому особенное расположеніе и любовь ¹⁾.

¹⁾ Codex Porphyg. 38 fol. 72 v.

Самый важный результатъ сдѣланнаго нами сопоставленія документовъ, относящихся къ отправленію на западъ Христофора Анкирскаго, заключается для насъ именно въ томъ, что мы теперь лучше знаемъ цѣль его посольства и время его первоначальнаго пребыванія въ европейской Греціи. Переходя затѣмъ къ тому документу, объясненіе котораго составляло главную нашу задачу, мы уже не можемъ питать никакого сомнѣнія на счетъ того, когда и кѣмъ онъ написанъ. Пишущій заявляетъ, что онъ посланъ отъ святѣйшаго господина вселенскаго патріарха и отъ святаго и освященнаго собора, какъ намѣстникъ и экзархъ патріарха для всего запада, что онъ прибылъ въ страну такого господина и царя (= Господа и Царя?), который состоитъ вѣтемъ государя Загорскаго, то-есть, Болгарскаго; а выше были указаны родственныя отношенія Мануила Солунскаго и Эпирскаго къ Асѣню Болгарскому. Относительно хронологіи—хотя и остается неизвѣстнымъ, какъ долго мѣстоблюстителю патріарха Германа оставался во владѣніяхъ Мануила и вообще на западѣ, въ европейской Греціи, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что главнѣйшій актъ его дѣятельности—предсѣдательство на помѣстномъ соборѣ—относится къ 1233 году. Не позже этого года написанъ и нашъ документъ; по замеченію самаго пишущаго, онъ считалъ своею обязанностію сейчасъ же извѣстить царя Болгарскаго о своемъ прибытіи и долженъ былъ сдѣлать это тѣмъ скорѣе, что имѣлъ также и къ нему порученіе отъ патріарха; нѣкоторая отсрочка, правда, произошла, вслѣдствіе не совсемъ ясныхъ для насъ мірскихъ смятеній, но она не могла быть слишкомъ продолжительною. Весь документъ въ греческомъ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ мы помѣщаемъ въ концѣ нашего изслѣдованія, а здѣсь намъ слѣдуетъ отмѣтить главнѣйшія фактическія данныя, какія могутъ быть изъ него извлечены.

Во первыхъ, ясно, что ранѣе отправленія Христофора Анкирскаго на западъ въ Никеѣ происходили переговоры между царемъ Болгарскимъ, съ одной стороны, и Константинопольскимъ патріархомъ Германомъ—съ другой, и что переговоры эти увѣнчались успѣхомъ. Мѣстоблюститель и экзархъ уже привезъ съ собою благословеніе и благоволеніе царю Асѣню отъ имени патріарха и собора за то, что онъ явилъ себя подлиннымъ сыномъ вселенской православной церкви, и соборъ, конечно, разумѣется тотъ самый, который въ августѣ 1232 г. далъ нужныя полномочія Анкирскому митрополиту. Въ письмѣ экзарха говорится о наградѣ свыше, полученной царемъ Загорскимъ за свое благочестіе; она заключалась въ томъ, что Богъ возвысилъ, поввели-

члѣтъ и прославилъ его, однимъ словомъ—дѣлаются намеки на какіе-то особенные успѣхи царя Іоанна Асѣня, и для объясненія ихъ сама собою припоминается Клокотницкая битва, тѣмъ болѣе что благочестію противопоставляется злонравіе и ложь, низпровергающія престолы правителей, какъ это, мы знаемъ, было съ Теодоромъ Эпирскимъ. Однако, не все должно быть принимаемо буквально и слишкомъ точно; мы пошли бы слишкомъ далеко, если бы вывели отсюда такое заключеніе, что подвигъ и заслуга, то-есть, примиреніе Асѣня съ греческимъ патриархомъ, предшествовали наградѣ—именно Клокотницкой битвѣ 1230 года. Вѣроятно, эвзархъ, писавшій документъ, имѣлъ въ виду только внутреннюю связь между благочестіемъ Асѣня и его успѣхами, а не внѣшнюю послѣдовательность; притомъ важна была не столько сама Клокотницкая битва, сколько ея послѣдствія, предавшія въ руки Асѣня столько городовъ и земель и тѣмъ его возвеличившія. Не вѣроятно, чтобы поглощенный своими проектами о мирномъ приобрѣтеніи господства надъ латинами посредствомъ брачной сдѣлки, Асѣнь могъ начать или вести переговоры съ патриархомъ въ 1230 и 1231 годахъ; да и ранѣе того не замѣтно было въ немъ никакой склонности къ разрыву съ латинскимъ западомъ, кромѣ моментальнаго сближенія съ Теодоромъ Эпирскимъ; для него опять-таки не было нужды измѣнять своей старой политикѣ и сближаться съ греческимъ Никейскимъ императоромъ и его патриархомъ. Все, что мы могли бы представить въ пользу предположенной нами догадки, заключается въ слѣдующемъ единственномъ указаніи на сношенія патриарха Германа съ царемъ Болгарскимъ въ періодъ нѣсколько болѣе ранній, чѣмъ Клокотницкая битва. Въ послѣдніе годы правленія Теодора митрополитъ Навпактскій Іоаннъ, защищавшій его имперскія притязанія, упрекалъ патриарха Германа въ томъ, что, отказывая въ титулѣ царя владѣтелю Солуни, опъ въ своихъ грамотахъ такъ величаетъ сына Асана, властвующаго въ горахъ Гема ¹⁾). Однако, мы ничего не знаемъ ни о содержаніи этихъ грамотъ, ни о томъ, отвѣчалъ ли на нихъ царь Болгарскій. Кажется, слѣдуетъ остановиться на 1232 годѣ, какъ наиболѣе подходящемъ моментѣ для примирительныхъ сношеній Асѣня съ Никейскимъ царемъ и патриархомъ.

Послѣдствіемъ переговоровъ было уничтоженіе раздѣленія и восстановление единства. Раздѣленіе, которое счастливымъ образомъ было

¹⁾ Codex Porphyg. 33 fol. 61 v.

устранено, началось уже давно—при предшественникахъ Асѣна, и держалось до его времени, не смотря на нѣкоторыя попытки, которыя прежде дѣлались въ смыслѣ воссоединенія. Изъ этого, къ сожалѣнію, все-таки нельзя вывести никакого опредѣленнаго заключенія о характерѣ существовавшаго раздѣленія: касалось ли оно только іерархическихъ отношеній, подобно раздѣленію только что устраненному между собственно греческимъ востокомъ и западомъ, или же оно шло глубже—до самой низины православію. Не ясно, откуда авторъ документа считаетъ начало раздѣленія—со времени основанія самостоятельнаго Терновскаго архіепископства безъ предварительнаго на то согласія со стороны Константинопольскаго патриаршаго престола, или же со времени вступленія Болгарской церкви въ союзъ подчиненія съ Римскою; съ точки зрѣнія писавшаго не было нужды различать такіе два момента, и нашъ вопросъ въ его глазахъ не имѣлъ бы никакого практическаго значенія. Изъ документа слѣдуетъ только одно, что отъ начала разрыва до 1232 года ни разу не были восстановлены каноническія связи Болгарской церкви съ Константинопольскимъ патриархомъ; но изъ него нельзя почерпнуть новыхъ доказательствъ въ пользу того мнѣнія, которое мы, однако, поддерживаемъ на другихъ основаніяхъ, именно—что Болгарская церковь постоянно хранила въ полной неприкосновенности свою унию съ папскимъ престоломъ, основанную при царѣ Калоянѣ. Выраженія, которыя патриаршій эзархъ употребляетъ для обозначенія существовавшаго разрыва между Болгарскою церквію и патриархомъ, не представляютъ большаго различія отъ тѣхъ, какими онъ описываетъ раздоръ востока и запада греческихъ.

Во всякомъ случаѣ, въ 1232 году заключенъ былъ формальный договоръ, точно опредѣлявшій отношенія Болгарской церкви въ лицѣ ея представителя архіепископа Терновскаго къ Константинопольскому патриарху въ Никее, и этотъ договоръ долженъ былъ имѣть для царя Болгарскаго тѣмъ большую обязательность, что это былъ договоръ съ церковью. Если Богъ, призываемый въ посредники, какъ бы скрѣпляетъ договоры людскіе и наказываетъ за ихъ нарушеніе, то тѣмъ болѣе онъ поддержитъ крѣпость и силу договора, заключеннаго въ отношеніи къ нему самому и къ церкви: такъ разсуждаетъ авторъ посланія къ царю Болгарскому. На основанія этого договора можно было требовать, чтобы архіепископъ Терновскій, какъ и всякой другой митрополитъ, подвластный патриарху, послѣ избранія обычнымъ путемъ, то-есть, епископами своего діоцеза, получалъ свое рукоположеніе отъ

патриарха; слѣдовательно, за Терновскимъ епископомъ не было признано автономіи и автокефальности, подобной той, какою пользовался другой архіепископъ Болгарскій, то-есть, Орхидскій, кафедрa котораго, обыкновенно замѣщаемая Греками, находилась теперь даже во владѣніяхъ Асѣнии; Охридскій архіепископъ не только былъ избираемъ безъ содѣйствія патриарха епископами своей области при участіи императора, но тѣми же епископами былъ и посвящаемъ. Въ своемъ письмѣ 1233 года патриаршій уполномоченный рѣшительно и прямо протестуетъ противъ идеи, могущей представиться уму царя Болгарскаго, примѣнить тотъ же самый способъ и къ Терновскому іерарху. Ничего подобнаго не было предусмотрено, и такъ какъ въ данный моментъ времени Терновскій архіепископскій престолъ случайно сдѣлался вакантнымъ, то митрополитъ Анкирскій требуетъ обращенія къ патриарху. Впрочемъ, ради затрудненій, которыя могутъ заключаться въ политическихъ отношеніяхъ государей, а также въ виду благоприятнаго совпаденія одного обстоятельства съ другимъ — появленія на западѣ патриаршаго мѣстоблюстителя съ вакантною Терновскою кафедрой, предлагается въ данномъ частномъ случаѣ и другой способъ исполнить принятое обязательство, именно—прислать избраннаго къ патриаршему экзарху для рукоположенія и поставленія.

Этотъ частный случай былъ вызванъ отреченіемъ отъ своего престола прежде бывшаго Терновскаго архіепископа. Къ сожалѣнію, мы не узнаемъ ни имени его, ни поводовъ къ отреченію. Можно предполагать, что прежде бывший предводитель національной Болгарской церкви не одобрялъ новой церковной политики своего государя, не сочувствовалъ отиѣнѣ уни, не хотѣлъ подвергнуться нѣ-которому пониженію своего іерархическаго значенія, что по этому самому онъ и удалился на Аеонъ, гдѣ обыкновенно находили себѣ пріютъ лица въ его положеніи, даже именно отличавшіяся своимъ расположеніемъ къ Риму и латинской церкви: мы имѣемъ въ виду Охридскаго архіепископа Іакова, къ которому, нѣсколько позднѣе, учитель Акрополиты Влеммидъ писалъ свои посланія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца чрезъ Сына ¹⁾. Если предположить, что Терновскій архіепископъ, удалившійся на Аеонъ въ 1233 году, былъ тотъ самый, который не за долго предъ тѣмъ участвовалъ въ перенесеніи мощей св. Петки (Параскеви), то мы знаемъ

¹⁾ Голубинскій, Очеркъ православныхъ церквей, стр. 126.

его имя: въ сказаніи патриарха Евѳиміа онъ названъ Василиемъ ¹⁾; но не слѣдуетъ идти далѣе назадъ и думать, что это лице сверхъ того тождественно съ первымъ римскимъ ставленникомъ, хотя въ такомъ случаѣ поступокъ его былъ бы еще понятнѣе. Василий, возведенный папою Иннокентіемъ въ примасы, уже въ 1203 году считалъ за собою 18 лѣтъ пребыванія на епископской кафедрѣ ²⁾; а пятидесятилѣтнее архіерейство предполагаетъ уже слишкомъ преклонную старость. Припомнимъ, что сказаніе о Терновскомъ соборѣ 1211 года не упоминаетъ объ архіепископѣ или примасѣ и тѣмъ какъ будто намекаетъ на вакантность первепствующей болгарской кафедры въ томъ году. Однимъ словомъ, мы полагаемъ, что отрекшійся въ 1233 году Терновскій архіепископъ могъ называться Василиемъ, но все-таки не былъ тождественъ съ первымъ примасомъ этого имени, современникомъ Калояна. Источникъ, на которой до сихъ поръ не обращено было никакого вниманія, дастъ намъ еще одно лишнее имя для списка Терновскихъ іерарховъ; но къ сожалѣнію, источникъ этотъ столь мутный, что трудно имъ здѣсь воспользоваться. Мы разумѣемъ аэоно-ватопадское сказаніе, сообщенное пресвященнымъ Порфириемъ ³⁾.

По всѣмъ признакамъ, желаніе или же требованіе патриаршаго экзарха объ отпращеніи имѣвшаго быть избраннымъ Терновскаго архіепископа для посвященія либо къ патриарху, либо къ нему самому — не было уважено царемъ Болгарскимъ. Когда въ 1235 году дѣло шло о возведеніи архіепископа Іоакима въ санъ патриарха, то Іоакимъ уже является „прежде освященнымъ архіепископомъ“, (по выраженію Сиподика), и нѣтъ никакого намека на то, что освященіе совершилось при помощи патриарха Константинопольскаго. Наконецъ, мы полагаемъ, что возстановленіе согласія съ Греческимъ православнымъ патриархомъ имѣло для Болгарскаго царя, кромѣ дер-

¹⁾ Житіе преподобнаго Параскевіа... Октябрская мѣсяца 14-го дня, стр. 1034: „Царь Іоаннъ Асенъ ѣдетъ изъ града съ матерью царицею Еленою и съ своею царицею Анною и съ всѣми вельможи своими, съ ними же всесчастныи патриархъ Василіе со всѣми причтомъ церковнымъ“. Выраженіе „патриархъ“ не должно назъ при этомъ смущать; мы уже замѣтили, что такъ именно Болгары могли переводить латинскій титулъ примаса.

²⁾ *Theiner*, *Velega monum Hungar.* I, 20; *Иречекъ*, *Исторія Болгарь*, стр. 301.

³⁾ *Востокъ христіанскій*. Аэонъ, I, 46.

компаго, и непосредственное политическое значеніе. Соглашеніе съ патриархомъ было вѣстѣ съ тѣмъ соглашеніемъ съ императоромъ, союзъ церковный пролагалъ путь къ союзу политическому. Плоды переговоровъ, веденныхъ въ Никоѣ очень скоро обнаружилась — въ дѣйствіяхъ коалиціи, направленной противъ латинскаго господства въ Цариградѣ. О томъ, кто былъ душою этой коалиціи, мы уже говорили ранѣе.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Письмо Анкирского митрополита къ Иоанну Асѣню.

КЪ ЦАРЮ.

Всеблагороднѣйшій царь и духовный сынъ святѣйшаго господина моего и вселенскаго патриарха! Желаю твоей царственности здравія, веселія, спасенія отъ Бога и благопоспѣшенія. Желаю тебѣ того и святѣйшій господинъ мой вселенскій патриархъ, а также и весь святой и священннй соборъ; такъ какъ ты явился подлиннымъ символомъ святой вселенской и апостольской церкви, добрымъ образомъ соединилъ въ ней то, что прежде злымъ образомъ было разъединено, и благоустроилъ въ Загорѣ православноѣе дѣло, котораго не могъ (устроить) никто изъ твоихъ предшественниковъ. Ради того и Богъ вознеслъ тебя и прославилъ тебя, и далъ тебѣ воздаше достойное твоей вѣрн. Видишь, какіе плоды приносятъ корень благочестія. Видишь, какія зданія являютъ (даютъ воздвигать) основаніе правды! Видишь, къ какому величію приводитъ путь благочестія того, кто имъ шествуетъ! Итакъ, держись его и впредь неизмѣнно, иди по оному, укрѣпись на немъ и шествуи неуклонно! Такимъ образомъ ты проживешь долгое время, и приложатся тебѣ гѣта жизни; и разширятся дворы твои, и предѣлы на-

Πρὸς τὸν βασιλέα.

Πανσεβέστατε βασιλεῦ καὶ πνευματικῆ υἱὲ τοῦ ἀγιωτάτου μου δεσπότη καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου· εὐχομαί σου τῇ βασιλείᾳ ὑγείαν καὶ εὐθυρίαν καὶ σωτηρίαν ἀπὸ Θεοῦ καὶ εὐδωσιν. ταῦτα δέ σοι ἐπαύχεται καὶ ὁ ἀγιωτάτος μου δεσπότης ὁ οἰκουμενικὸς πατριάρχης καὶ ἅπανα ἡ ἀγία καὶ ἱερὰ σύνοδος· ὅτι τῆς ἀγίας καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας τέκνον ἐγένου γνήσιον, καὶ ἤνωσας καλῶς τὰ πρῶην διεστώτα κακῶς καὶ εὐδῶσας πρᾶγμα ὀρθοδοξότατον εἰς τὴν Ζαγοράν, ὅπερ οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἰσχυροῦ διὰ τοῦτο καὶ ὁ Θεὸς ἀνύψωσε καὶ ἐδόξασέ σε, καὶ ἀξίαν τῆς πίστεώς σου δέδωκέ σοι ἀνταμοιβήν. ὄρας τὴν τῆς εὐσεβείας ρίζαν, ὅποιους ἐπιτίθει τοὺς καρπούς· ὄρας τὸν τῆς δικαιοσύνης θεμέλιον, ὅποια δείκνυσι τὰ οἰκοδομήματα· βλέπεις τὴν τῆς ἀληθείας ὁδόν, εἰς αἶον φέρει τὸ μεγαλεῖον τὸν ταύτην ὀδεύοντα· ταύτης οὖν ἔχου καὶ ἐτι· ἀμεταθέτως, ταύτην ὀδεύε, ταύτην κράτει, ταύτην ἀπαρέκκλιτα βαίνε· καὶ τῷ τρόπῳ τούτῳ καὶ πολὺν ζήσεις χρόνον, καὶ προσταθήσεται σοι ἐτη ζωῆς, καὶ πλατυθήσονται αἱ ἐπιτύξεις σου, καὶ τὰ σχοινίσματα τῆς κληρονομίας σου αὐξηθήσεται· ὅσα γὰρ τὸ ψεῦδος καὶ ἡ κακοπραγία θρόνους δυναστῶν περιστρέφει, τοσοῦτον ἡ δικαιοσύνη καὶ ἡ εὐσέβεια ἰθὺς ὕψοι

слѣдія твоего унижатся. На сколько ложь и злодѣяніе низпровергаютъ престолы властителей, настолько правда и благочестіе содѣйствуютъ возвышенію народа, его прославленію и повеленію. Итакъ смотри, чтобы тебѣ не уклониться ни на право, ни на лѣво; но шествуй царственнѣйшимъ путемъ, который тебя прославилъ и еще болѣе прославить. Когда я прибылъ въ страну всевысочайшаго господина, царя и желаннаго зятя твоей царственности, я уже и самъ хотѣлъ писать и объявлять твоей царственности о моемъ прибытіи въ западную страну. Ибо не просто и не какъ случилось, произошло мое сюда прибытіе; въ священнодѣйствіихъ и во всякомъ церковномъ дѣлѣ власть моя не ограничивается какими-нибудь однимъ мѣстомъ или страной; напротивъ, я посланъ отъ святѣйшаго господина вселенскаго патріарха и отъ святаго и освященнаго собора для всего запада какъ намѣстникъ и экзархъ—производить и совершать все то, что принадлежитъ патріаршему престолу. Когда я встрѣтился съ блаженнѣйшимъ архіепископомъ Терновскимъ на Святой горѣ, я снова желалъ писать твоей царственности, но мирскія сматенія послужили мнѣ препятствіемъ. Ради того я не получилъ возможности объяснить твоей царственности все, что случилось съ тѣмъ архіепископомъ. Я заставлялъ его воротиться къ церкви своей; онъ же, совершивши поклонъ (метанію) и попросивъ о прощеніи, отвѣчалъ мнѣ, что (ему) казалось благословнымъ (извиненіемъ). Я, однако, не хотѣлъ новѣрять ему, пока не найду какъ-нибудь твоей царственности; но вотъ достигаетъ до нашей мѣрности и съ другой стороны слухъ, что сей архіепископъ отказался отъ архіерейства, и что Терновская церковь оказа-

ка и дозѣζει και μεγαλώνει. Ὡρα γοῦν μὴ ἐκκλίνης μήτε εἰς τὰ δεξιὰ, μήτε εἰς τὰ ἀριστερά· ἀλλὰ τὴν μέσσην ταύτην βαί[ι]νε και βασιλικωτάτην ὁδόν, ἣτις ἐδόξασέ σε και ἐπὶ πλέον δοξάσει σε. Ἰηθελον δὲ και αὐτός, ἐξ ἴτου τῆ τοῦ πανοψηλοτάτου δεσπότης και βασιλέως και περιποφῆτου γαμβροῦ τῆς βασιλείας σου χώρα ἐπεδήμησα, γράψαι και παραδηλώσαι τῆ βασιλείᾳ σου τὴν ἐμὴν ἐπὶ τοῖς δυτικοῖς μέρεσιν ἀφίξιν· οὐ γὰρ ἀπλῶς οὐδ' ὡς ἔτυχεν ἡ ἡμετέρα ἐγεγόνει κατέλευσις, ὥστε κἀν ταῖς ἱεροπραξίαις και ἄλλῃ πάσῃ ἐκκλησιαστικῇ αὐθεντία τόπῳ ἐνὶ τῇ χώρᾳ μιᾷ περιγράφεσθαι· ἀλλ' ἐν ἀπάσῃ τῇ δώσει τοποτηρητῆς και ἐξάρχος ἱκεστῆλην παρά τε τοῦ ἀγιωτάτου δεσπότης και οἰκουμενικοῦ πατριάρχου και τῆς ἱερᾶς και ἁγίας συνόδου, ἅπαντα κατὰ δύσιν διεξάγειν και ἐνεργεῖν, ὅποσα προσαρμόζει τῷ ἔθρονῳ τῷ πατριαρχικῷ. Ἐπεκόθουν οὖν, ἀφ' οὗ και τῷ μακαριστάτῳ ἀρχιεπισκόπῳ Τρινόβου ἐν τῷ Ἀγίῳ ὄρει ἐνέτυχον, γράψαι τῆ βασιλείᾳ σου· αἱ δὲ κοσμίαι συγχόσεις ἐμποδῶν μοι γεγόνασαι· και διὰ τοῦτο οὐκ ἴσχυσα παραδηλώσαι τῆ βασιλείᾳ σου ὅποσα τῷ τοιοῦτῳ ἀρχιεπισκόπῳ συνέτυχον και ἠνάγκασα αὐτὸν ἀπελθεῖν εἰς τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ, ὃ δὲ μετάνοιαν θεῖς και συγγνώμην αἰτήσας, ἀπεκρίνατό μοι τινα δοκούντα εὐλογα· ἐγὼ δὲ οὐκ ἐπίστευσα ταῦτα εἰ μὴ πως γράψω τῆ βασιλείᾳ σου φθάνει δ' ἐτέρωθεν ἀνενεχθῆναι τῆ ἡμῶν μετριότητι, ὅτι τὴν ἀρχιερωσύνην ὁ τοιοῦτος ἀρχιεπισκοπος παρητήσατο· και λοιπὸν ἐν χρείᾳ ποιμένος ἡ τοῦ Τρινόβου ἐκκλησία καθίστηκε, μελήσει δὲ πάντως ἕτερον προβληθῆναι ἀρχιερέα· εἰ οὖν ἐτοιμος (ἐτοιμος εἶ;) ἐν τῇ ἀνατολῇ στείλει τον χειροτονηθῆσόμενον κακεῖθεν δέξασθαι τὴν χειροτονίαν, χάρις Θεῷ και τῆ εὐσεβεί προαιρέσει τῆς βασιλείας σου· εἰ δ' ἴσως ἐμποδοσάτηματά τινα κοσμικὰ ἐν μέσῳ παραφύομενα τὸ τοιοῦτον ἀπείργουσιν ἐπιχειρημα, ἐκλεξάσθω ἡ βασιλεία σου ὃν θέλει, και ψηφισάτωσαν αὐτὸν οἱ ὑποτεταγμένοι ἀρχιερεῖς τῷ ἔθρονῳ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς

дась спротствующею безъ пастыря... Во всякомъ случаѣ нужно будетъ позаботиться о назначеніи другаго архіерея. Итакъ если ты готовъ послать на волею имѣющаго быть рукоположеннымъ и оттуда принять хиротонію, то благодареніе Богу и благочестивому шстроєнію твоей царственности. Если же какія-либо мірскія препятствія вырастаютъ по срединѣ и мѣшаютъ таковому предпріятію, то пусть царственность твоя избересть кого захочетъ и пусть подадутъ за него голоса архіерей, подчиненные престолу Терновской архієпископін, и пусть избранный будетъ такимъ образомъ посланъ ко мнѣ и приметъ отъ насъ хиротонію пристойно и канонически, какъ бы отъ патріаршей и божественной руки, и будетъ онъ рукоположенъ правильно и неспредосудженно... Итакъ пусть царственность твоя избересть одно изъ двухъ, а какой-либо другой планъ пусть не приходитъ ей на мысль, какъ напримѣръ—тотъ, что кѣмъ онъ избранъ, тѣмъ пусть и рукоположенъ будетъ; ни какое другое неблагоуриличное разсужденіе пусть не пыгается ослабить силу твоей вѣрн и повести къ нарушенію договора съ церковью, ибо нерхонная правда воздаетъ каждому воздаяніе, достойное дѣлъ содѣваемыхъ имъ. Если Богъ, принятый въ среднѣ, скрѣпляетъ договоры людскіе, такъ что уже становится невозможнымъ измѣнять ихъ, дабы не разгнѣвалось Божество, то какъ онъ не поддержитъ, какъ не укрѣпляетъ договора, заключеннаго въ отношеніи къ нему самому и къ церкви, какъ не даруетъ оному вѣрности? Такъ что если кто дерзнетъ на нарушеніе, то извѣстно, что тотчасъ послѣдуетъ суровое наказаніе, ибо страшно есть власть въ руки Бога живаго. Ради того увѣщевалъ царственность твою и советую яковъ образомъ не огор-

Тρινόβου, και οὕτω σταλήτω πρός με ὁ ψηφισθῆς, και δέξεται ἐξ ἡμῶν τὴν χειροτονίαν δεκτικῶς και κανονικῶς, ὡς ἐκ τῆς πατριαρχικῆς και θείας χειρός, και ἐσεῖται ὁ χειροτονηθῆσόμενος κανονικῶς και ἀπροκριματιστικῶς. Ἐν γούν τῶν δύο τούτων ἐκλεξάσθω ἡ βασιλεία σου, ἄλλος δέ τις μὴ ὑπέβλη τούτη σκοπὸς, ὡς εἰ γε παρ' ὧν ψηφισθῆσεται, και παρ' ἐκείων χειροτονηθῆσεται. μηδ' ἕτερός τις λογισμὸς ἀπρεπῆς τὸν τόνον τῆς πίστεως σου πειραδείη καταγαλάσαι, και τὰς πρός τὴν ἐκκλησίαν ἀθετῆσαι συνθήκας. ἐπεὶ και ἡ ἄνωθεν δίκη ἐνὶ ἐκάστῳ ἀξίαν τῶν πραττομένων τὴν ἀντιδοσιν ἀπονέμει και εἰ τὰς πρός ἀνθρώπους συνθήκας ἐπισφραγίζει Θεὸς ἐν μέσῳ παραληφθῆς, ὡς οὐκ ἐξὸν ταύτας ἀλλοιωθῆναι, ἵνα μὴ τὸ θεῖον ἐξοργισθῆ, ἀρα τὰς πρός αὐτὸν και τὴν ἐκκλησίαν γεγενημένας, πῶς οὐ κρατήσῃ; πῶς οὐ στηρίξει; πῶς οὐ τὸ ἰδραῖον ταύταις ἀποχαρισθῆσεται. ὥστε εἰ παράβασις τολμηρίη, γνώριμον ὡς και τὴν δίκην ἀποτομον ἔψεσθαι φοβερόν γάρ τὸ ἐμπροσθεῖν εἰς χεῖρας Θεοῦ ζῶντος. διὰ τοῦτο παρακαλῶ και συμβουλεύομαι τὴν βασιλείαν σου, μηδὸλως παραλυπῆσαι Θεὸν. ἀλλ' ἐν οἷς οὐκ ἔχεις κέρδος, μηδὲ ζημίαν φυχικὴν ὑποσταῖς. ὅτι οὐ μικρὸς ἐκ παραβασίας τοῖς ἀνθρώποις ἀπῆρτηται κίνδυνος. ταῦτα θαρρῶν ἔγραψα πρός τὴν εὐσεβῆ βασιλείαν σου, τὸ μὲν παρακαλῶν, τὸ δὲ και πατρικῶς νοθετῶν. και οἶδα ὡς αἱ ἡμέτεραι αἰνέσεις δεχθήσονται παρὰ τῆς βασιλείας σου. ὁ Θεὸς ἄνωθεν ἀντιμετρήσει ταύτη μακρόβιον ζωὴν και τῶν αἰτημάτων αὐτῆς ἀποκλήρωσιν.

чать Бога. Изъ-за того, въ чемъ тебѣ нѣтъ прибытка, не подвергай себя душевному вреду, ибо не малая опасность происходитъ для людей отъ нарушенія (обязательствъ). Все это я осмѣлился написать твоей благочестивой царственности, отчасти увѣщавая, отчасти отечески вразумляя; и я знаю, что наши увѣщанія будутъ приняты твоею царственностію. Богъ свыше пусть даруетъ ей долготѣльную жизнь и исполненіе ея желаній.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVIII.

1885.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Ематерининскаго кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	53
И. А. Лавровскій. Былъ ли святѣй Кириллъ Солунскій епископомъ.	161
М. С. Дриновъ. Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ	176
В. Г. Васильевскій. Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1236 году (<i>окончаніе</i>)	206

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ.	239
А. С. Будиловичъ. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса (<i>продолженіе</i>)	285
А. П. Соболевскій. Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. <i>И. П. Барсова</i> . 1885.	300
Н. П. Петровъ. Къ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. <i>Н. Ф. Сумцова</i> . 1884—1885.	307
Н. Д. Чечулинъ. Извѣстіе о походженіи С. С. Пишчевича. Издано <i>Н. А. Поповымъ</i> . 1883	327
Ю. М. Истоминъ. Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. <i>П. Д. Голохвастова</i> . 1883 (<i>окончаніе</i>)	338
М. П—чъ. <i>А. Штернъ</i> . Всеобщая исторія литературы. 1885.	361
И. А. Сырку. Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія	363
— Наша учебная литература (разборъ 21 книгъ)	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Объ изданіяхъ святѣйшаго синода ко дню тысячелѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меѳодія	97
— Императорское Русское Археологическое Общество въ 1884 г.	101
— Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1884 г.	107
— Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1884 г.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи	177

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го апрѣля).

ОБНОВЛЕНИЕ ВОЛГАРСКАГО ПАТРИАРШЕСТВА ПРИ ЦАРѢ ІОАННѢ АСѢНѢ II ВЪ 1235 ГОДУ¹⁾.

V.

Осенью 1233 года Никейскій императоръ Іоанъ Дука Вататци отправилъ свой флотъ подъ начальствомъ Андроника Палеолога къ Родосу, для дѣйствій противъ кесаря Льва Гавалы, который, опираясь на свой союзъ съ Венеціанцами острова Крита, стремился къ полной независимости и теперь открыто возмущился²⁾; самъ императоръ съ сухопутнымъ войскомъ расположился лагеремъ на Геллеспонтѣ близъ города Лампсака, недавно отвоеваннаго Греками у Франковъ. Императоръ латинскій Бриеннъ, двухлѣтняя бездѣятельность котораго въ Константинополѣ совсѣмъ не оправдывала возлагавшихся на него блестящихъ надеждъ и восторженной ему встрѣчи, задумалъ, наконецъ, воспользоваться благоприятнымъ случаемъ, заключавшимся въ удаленіи греческаго флота, самъ приплылъ къ Лампсаку и высадился здѣсь на берегъ, такъ какъ Вататци, при недостаточности силъ не могъ помѣшать ему. Однако, дальнѣйшія дѣйствія экс-короля Іерусалимскаго опять не заключали въ себѣ ничего особенно блестящаго. Франкамъ нельзя было далеко отходить

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Въ апрѣлѣ 1234 года подписанъ былъ Гавалою договоръ съ Венеціанцами (*Fontes regum Austriacarum*) III, 319 и сл. Ср. *Heyd, Gesch. des Levanthandels* I, 339), скрѣпившій его союзъ съ республикою, но непониманію и даже открытое возстаніе въ отношеніи къ законному его повелителю, Греческому императору, могли обнаружиться и ранѣе того.

отъ кораблей, потому что Вататци наблюдали за ними и, не смотря на незначительность своихъ силъ, постоянно ихъ тревожилъ. Италіянцы шли приморскимъ берегомъ, императоръ слѣдовалъ параллельно съ ними по горнымъ возвышенностямъ; около четырехъ мѣсяцевъ продолжалась такая довольно вялая кампанія; латинянамъ удалось овладѣть только однимъ болѣе значительнымъ пунктомъ, именно укрѣпленіемъ Пигами ¹⁾. Зимой военныя дѣйствія, по обычаю, прекратились; корабли Бриенна воротились къ Золотому рогу. Какъ видно, не важный успѣхъ доставилъ на этотъ разъ и радости столько же, сколько онъ стоилъ; онъ не поднялъ упавшей энергіи и ревности въ союзникахъ и помощникахъ Бриенна; наемники, которымъ плохо уплачивалось жалованье по недостатку денежныхъ средствъ, а другіе говорили—по скупости правителя, большею частью разошлись по домамъ; корабли венеціанскіе, пизанскіе и анконскіе или готовились уплыть во свояси, или уже сдѣлали это. Все это имѣли возможность наблюдать четыре монаха, прибывшіе въ Царьградъ въ мартѣ 1234 года послѣ переговоровъ въ Никеею о дѣлахъ уніи. Для нихъ было ясно крайне опасное положеніе столицы вслѣдствіе сближенія между греками и болгарами. Она была окружена врагами; по ихъ замѣчанію, Асѣнь, царь Болгарскій, угрожалъ ей съ сѣвера, Вататци—съ востока и юга, а Мануилъ Солунскій—съ запада ²⁾. Не смотря на то, что они вовсе не надѣялись чего-нибудь хорошаго отъ продолженія преній о квасномъ хлѣбѣ и объ исхожденіи Св. Духа, почтенные фременури (fratres mi-

¹⁾ Albrici Trium Fontium chron. *Perts* SS. XXIII, 933 (sub ann. 1233) Rex vero Johannes super Grecos terram acquirebat sed tepide, et quandam civitatem super eos occupaverat, que Gallice *Anispigulz* (=σις Πιγας) appellatur. Что военныя дѣйствія, упомянутыя въ этомъ успѣхѣ, относились къ осени, видно не только изъ того, что они разказываются у Алберика въ самомъ концѣ 1233 года, но также изъ Акрополиты (pag. 50), у котораго прямо говорится о наступленіи зимы.

²⁾ Praeterca terra Constantinopolis quasi destituta fuit omni praesidio. Dominus Ioannes imperator pauper erat. Naves Venetorum, Pisanorum, Anconitarum et aliarum nationum paratae fuerunt ad recedendum et quaedam vero jam recesserant. Considerantes ergo terram desolatam timuimus periculum, quia in medio inimicorum terra illa sita est. *Arsanus* rex Bachtrorum ab Aquilone, *Vatacius* ab Oriente et meridie, *Smanuel* (leg. Manuel) circumdat eam ob Occidente; et ideo proposuimus tractare de treughis inter imperatorem Constantinopolitanum et Vatacium usque ad annum. His causis impulsus redire ad terram Vatacii fuit omnibus voluntas. *Mansi*, Concilia XXIII, 293, 294 (домесеніе доминиканцевъ Гуго и Петра и миссіонаровъ Эймона и Радульса).

погос, минориты, францисканды) и доминиканцы согласились по желанію императора и бароновъ возвратиться въ загородный дворецъ Вататци въ окрестностяхъ Ннифеа (въ Лидіи), для того, чтобы предложить ему военное перемиріе на годъ и возобновить прерванную бесѣду о средствахъ примиренія между двумя церквами. По видимому, перемиріе было принято, такъ какъ до весны 1235 года не слышно о какихъ-нибудь военныхъ предпріятіяхъ близъ Дарданеллъ.

Свободнымъ временемъ воспользовались враги Латинской имперіи для скрѣпленія своего союза, для составленія общаго плана для своихъ дѣйствій. Именно къ 1234 году относятся переговоры о выдачѣ дочери Асѣня за мужа за сына Іоанна Вататци, Теодора; византійскій историкъ Георгій Акрополита вѣрно отмѣчаетъ хронологическій моментъ, связанный для него съ личными воспоминаніями, но быть можетъ, онъ ошибается, приписывая починъ переговоровъ Никейскому императору, а не царю Болгарскому; въ этомъ отношеніи показаніе Григоры, позднѣйшаго писателя, заслуживаетъ большаго довѣрія, такъ какъ оно подтверждается свидѣтельствомъ съ латинской стороны и лучше соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ. По словамъ Никифора Григоры, инициатива исходила отъ Іоанна Асѣня¹⁾. Виѣстѣ съ брачнымъ договоромъ заключенъ былъ наступательный союзъ противъ франковъ, имѣвшій цѣлю полное уничтоженіе латинскаго господства, изгнаніе латинянъ изъ Царегграда и раздѣлъ ихъ владѣній между союзниками; тотъ и другой договоръ были скрѣплены клятвою. Сверхъ того, въ это самое время былъ поднятъ вопросъ о признаніи самостоятельности Болгарской церкви, о возведеніи нововзбраннаго Терновскаго архіепископа въ санъ патріарха. Извѣстный славянскій сборникъ, содержащій въ себѣ синодикъ царя Бориса, заключаетъ также въ своемъ составѣ краткое сказаніе объ этомъ обповлеченіи Болгарскаго патріаршества. По настоятельному требованію Іоанна Асѣня, Вататци препроводилъ слѣдующую грамоту къ патріарху Герману и виѣстѣ съ тѣмъ къ прочимъ вселенскимъ патріархамъ: Аѳанасію Іерусалимскому, Симеону Антиохійскому и Николаю Александрійскому: „Самодержавное царство наше молить и убѣждаетъ

¹⁾ Niceph. Gregor. pag. 29—30. *Marin. Sanuti Torselli: Bulgars, Gesta Del per Francos*, II, 73: *Ex praemissis autem Exagororum Imperator quam plurimum provocatus, filiam suam in conjugem dedit Imperatori Graecorum partium Orientis. Danduli Chron.: Murator. XII, 350: Imperator del Zagora Ioanni Vatacio, qui se in Acolino (?) colligeret, scribit, ut secum parentelam faciat et Latinos à parte Orientali invadat, et ipse idem faciat à parte occidua...*

ваше святѣйшество не отказать намъ въ просьбѣ нашей — нарѣчь и даровать терповской церкви Вознесенія Христова, матери церквямъ Болгарскаго царства, равнаго вашей степени патріарха, утвердивъ это назначеніе вашимъ рукописаніемъ; поелику и самъ христілюбивый царь Болгарскій, братъ нашего царскаго величества и свать, жаеаетъ, чтобы даръ сей былъ совершенъ съ вашего и моего согласіа¹⁾. Получивъ это посланіе, восточные патріархи согласились на требованіе Вататци, и каждый изъ нихъ отвѣчалъ утвердительно чрезъ посланныхъ къ нимъ отъ Никейскаго императора. Въ томъ же самомъ смыслѣ отвѣчали они и Герману патріарху. „Герману вселенскому патріарху радоватся! Мы получили посланную тобою намъ грамоту и даемъ наше рукописаніе во свидѣтельство нашей къ тебѣ любви. Въ силу первенствующей власти вашего святѣйшества, мы не должны противорѣчить дѣламъ и рѣшеніямъ вашимъ²⁾. Замѣтимъ отъ себя, что нѣтъ серьезнаго основанія заподозривать подлинность содержанія сообщаемыхъ документовъ, что если не форма, то сущность ихъ вполне достовѣрна, и что во всякомъ случаѣ имена патріарховъ приведены совершенно вѣрно, а для позднѣйшаго изобрѣтателя это было бы дѣломъ крайне труднымъ по тогдашнимъ условіямъ. Имя Александрійскаго патріарха Николая нѣсколько разъ упоминается въ актахъ XIII столѣтія; къ данному моменту всего ближе подходит тотъ Николай, который въ 1223 году обратился къ папѣ Гонорію III съ жалобами на бѣдственное положеніе христіанъ въ Египтѣ и съ указаніями на легкость завоеванія Александріи съ моря³⁾. Аванасій Іерусалимскій хорошо извѣстенъ изъ Житія святаго Саввы Сербскаго, написаннаго Доментіаномъ; онъ нѣсколько разъ упоминается по поводу хожденія Сербскаго архіепископа и царевича ко Святимъ Мѣстамъ; между прочимъ онъ принималъ св. Савву и при вторичномъ его прибытіи въ Палестину, которое относится именно

¹⁾ Посланіе патріарха Николая напечатано у *Раймалда* въ *Annales ecclesiast.* t. XX, ann. 1223 § 9—10; перепечатано въ *Epistolae selectae saeculi XIII (Perts, Monum. German.)* pag. 162, 163. Имя обозначено тотчасъ послѣ обращенія къ папѣ: *Nicolaus eadem gratia Alexandrine sedis humilis patriarcha*. Сверхъ того и въ 1213 году на Александрійскомъ патріаршемъ престолѣ воссѣдалъ тоже Николай, къ нему писалъ папа Иннокентій III (см. *Pothast, Regesta Pontif.* № 4726; *Migne, Patrolog. lat.* CCXVI, 822). Наконецъ, и тотъ Александрійскій патріархъ, который въ 1267 году протестовалъ противъ низложенія Константинопольскаго патріарха Арсенія Михаиломъ Палеологомъ, назывался опять Николаемъ: *И. Е. Троицкій, Арсеній и Арсениты*, стр. 93, 174. Ср. *Le Quien, Oriens christ.* II, 486.

къ 1234—1235 годамъ ¹⁾. Кроме того, есть письма Георгія, митрополита Керкирскаго, подъ которыми необходимо разумѣть современнаго описываемыхъ нами событіямъ Георгія Вардана, адресованныя—одно къ Аванасію Іерусалимскому, а другое—къ Симеону Антиохійскому ²⁾. Изъ послѣдняго между прочимъ видно, что патріархъ Антиохійскій не имѣлъ возможности утвердить свою кафедру въ томъ самомъ городѣ, по которому именовался, такъ какъ тамъ еще господствовали франки, имѣвшіе своего патріарха; турки, владѣвшіе Іерусалимомъ, какъ извѣстно, были благосклоннѣе къ православнымъ. Наконецъ, въ отчетѣ католическихъ монаховъ о второй ихъ поѣздкѣ къ Никейскому императору упоминается о соборѣ, созванномъ въ началѣ 1234 года патріархомъ Германомъ, и о присутствіи на этомъ соборѣ только одного изъ прочихъ восточныхъ патріарховъ, именно Антиохійскаго ³⁾. За исключеніемъ этого послѣдняго, Никейскому императору къ прочимъ приходилось обращаться въ самомъ дѣлѣ черезъ посланцевъ, а все это, конечно, требовало времени.

По истеченіи перемирія между Латинскимъ императоромъ и царемъ Греческимъ, открылись военныя дѣйствія союзниковъ по ранѣе условленному плану. Весною 1235 года Вататци прибылъ въ Лампсакъ, переправился черезъ проливъ и осадилъ Галлиполь, принадлежавшій венеціанцамъ, которыми собственно и держался Іоаннъ де-Бриеннъ; успѣхъ достался послѣ правильной осады и дѣйствія стѣпобитныхъ машинъ, придвинутыхъ греками къ крѣпости. Сюда въ скоромъ времени прибылъ царь Болгарскій вмѣстѣ съ своею су-

¹⁾ Савва умеръ на возвратномъ пути изъ своего паломничества въ городѣ Терновѣ; при погребеніи его въ монастырѣ Сороба Мучениковъ участвовалъ патріархъ Іоакимъ (Доментіана, Жизнь святаго Саве, стр. 333, изд. Дамичча, 1865 г.); сверхъ того, извѣстенъ день его смерти, 12-го января, отмѣченный въ житіяхъ. Итакъ, если понимать слова Доментіана (современника и спутника Саввы) о присутствіи патріарха Іоакима, то возможенъ только 1236 годъ, такъ какъ до весны 1235 года Іоакимъ еще не былъ провозглашенъ патріархомъ, а въ 1237 году онъ умеръ (Ascorolit. pag. 61); между тѣмъ при жизни того же патріарха Іоакима совершилось и перенесеніе мощей Саввы изъ Тернова въ Сербію, а это было «по лѣтахъ изъяснѣнцѣхъ» считалъ отъ кончины (Жизнь, стр. 333, 341). Возможно однако, что Іоакимъ присутствовалъ при погребеніи Саввы просто въ санѣ архіепископа и названъ патріархомъ пролетически, но весьма извинительной неточности; тогда смерть Саввы можетъ быть отнесена и къ 1235 году. Ср. Голубинскаго, Краткій очеркъ православныхъ церквей, стр. 556.

²⁾ См. приложение.

³⁾ Mansi, Concilia XXIII, 314.

пругою, Маріей Венгерскою, а также и съ дочерью Еленою, нареченною невѣстою Феодора Вататци, одиннадцатилѣтняго царевича; его сопровождала многочисленная свита свѣтскихъ лицъ и духовныхъ; въ числѣ послѣднихъ были митрополиты, архіепископы, епископы, а также и монахи Аѳонской горы, входившей—по нѣкоторымъ даннымъ—въ составъ владѣній Асѣна. Оба царя имѣли свиданіе въ Галинполѣ и скрѣпили здѣсь свою дружбу. На противоположной азіатской сторонѣ пролива, именно въ Лампсакѣ, находилась греческая императрица Ирина съ своимъ сыномъ, и точно также многочисленное собраніе греческаго православнаго духовенства съ патриархомъ Германомъ во главѣ. Такъ какъ Асѣнъ почему-то не захотѣлъ переправляться черезъ Геллеспонтъ, то Вататци, взявъ супругу его и дочь Елену, переправился въ Лампсакъ, и здѣсь произошло торжественное бракосочетаніе; обрядъ былъ совершенъ самимъ Германомъ патриархомъ. Затѣмъ у Акрополиты мы читаемъ буквально слѣдующее: „Чтобы еще болѣе возблагодарить Болгарскаго правителя Асѣна за родство и дружбу, по императорскому и соборному опредѣленію, архіерей Терновскій, подчиненный Константинопольскому патриарху, сдѣланъ былъ автокефальнымъ и провозглашенъ патриархомъ“¹⁾. Уже давно обращено было вниманіе на мимоходомъ сдѣланное замѣчаніе Акрополиты о прежней зависимости Терновскаго архіепископа отъ Константинопольскаго патриарха; оно сопоставлялось съ другимъ представленіемъ, что до тѣхъ поръ Терновскій архіерей былъ подчиненъ Охридскому архіепископу, представленіемъ, также высказаннымъ уже въ греческихъ источникахъ, и оба предположенія одинаково считались ошибочными²⁾. Въ настоящее время мы должны признать замѣчаніе современнаго греческаго повѣствователя довольно справедливымъ и точнымъ, такъ какъ провозглашенію автокефальности предшествовалъ договоръ 1232 года, возстановившій связь болгарской іерархіи съ православнымъ патриархомъ; а что мысль о прежде существовавшемъ подчиненіи Терновской кафедрѣ въ отношеніи къ Охридской есть только невѣрная догадка, основанная на титулѣ Охридскаго архіепископа („всея Болгаріи“), это теперь ясно

¹⁾ Acropolit. ed. Bonn. pag. 55.

²⁾ Вырженія Акрополиты буквально повторены въ глгописныхъ замѣткахъ, сопровождающихъ сказаніе о взятіи Цареграда латинами, изданное Iosue. Muzleromъ (Byzantin. Analecten: *Sitzungsberichte der Wiener Akad. Histor. philolog. Classe* 1852, IX, 393). Съ Григоріемъ (pag. 30: τῷ τῶς ὑπὸ τῶν ἀρχιεπισκόπων τῆς κρήνης τῶν Ἰουστινιανῆς) идетъ повдизшій хронографъ Евреміа.

изъ посланія Христофора Анкирскаго: при обсужденіи вопроса о способѣ посланія новаго Терновскаго архіепископа никому и на умъ не приходила необходимость участія въ этомъ дѣлѣ Охридскаго архіепископа. Что касается обстановки, при которой совершился занимающій насъ церковный актъ провозглашенія патриарха Болгарскаго, то въкоторыя, хотя не совсѣмъ ясны подробности, сообщаются намъ въ сказаніи при Синоднѣ царя Бориса. „Собравшись на Понтьстѣмъ мори, два царя, Греческій и Болгарскій, и окружающіе ихъ іерархи съ духовенствомъ, избрали мужа благоговѣйнаго, святыми дѣлами и постничествомъ возсіявшаго, Іоакима, прежде освященнаго архіепископа Терновскаго, нарекли его патриархомъ не токмо словомъ, но и письменнымъ свидѣтельствомъ патриарха Германа и всѣхъ восточныхъ епископовъ, скрѣпившихъ это свидѣтельство подписями своими и приложившихъ печати; грамоту сію они вручили благочестивому царю и новопосвященному патриарху Іоакиму въ вѣчное поминаніе неотъемлемо“. Провозглашеніе, очевидно, совершилось въ присутствіи Болгарскаго царя, который не ѣздилъ въ Лампсакъ, но являлся ли на церемонію въ Каліополѣ (Галлиполѣ) патриархъ Германъ съ того берега — этого тоже не видно; оба собранія въ Лампсакѣ и на противоположащемъ полуостровѣ, раздѣленные только узкимъ проливомъ, сливаются въ представленіи нашего автора въ одно. Письменный актъ греческаго патриарха и подчиненныхъ ему восточныхъ епископовъ (не патриарховъ), тождественный съ соборнымъ опредѣленіемъ, упомянутымъ у греческаго историка (Акрополиты), къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ; авторъ сказанія объ обновленіи болгарскаго патриаршества, предпочелъ остановиться на подготовительныхъ мѣрахъ; стараясь выдвинуть впередъ согласіе прочихъ патриарховъ помимо Константинопольскаго, онъ не придавалъ особеннаго значенія юридической сторонѣ дѣла. Извѣстно, что очень скоро начались споры между греками и болгарами о дѣйствительномъ объемѣ правъ, уступленныхъ Терновскому патриарху. Тотъ же самый Константинопольскій патриархъ Германъ, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ провозглашеніи Іоакима, утверждалъ впоследствии, что съ патриаршимъ титуломъ онъ вовсе не соединялъ представленія совершенной автокефальности и полной самостоятельности, что въ свиткѣ (τόμος), дарованномъ въ 1235 году, объ этомъ не было рѣчи, а напротивъ предполагалось, что и впредь Болгарская церковь будетъ подсудна Константинопольской патриаршей кафедрѣ и будетъ ея данницею; Терновскій патриархъ по прежнему

остался обязаннымъ въ знакъ своего подчиненія не только возносить при совершеніи богослуженія имя почтившаго его патріарха, но и давать ему условленные дани и уроки. Въ словахъ патріарха Германа, какъ они намъ переданы, все-таки сквозить нѣкоторая двусмысленность и уклончивость, потому что дани и оброки, несомнѣнно выговоренные греками, могли имѣть совершенно другой смыслъ, чѣмъ указаніе на всегдашнюю подчиненность, смыслъ добровольной платы за полезную и желательную уступку, а подсудность Болгарской церкви Константинопольскому патріарху самимъ патріархомъ Германомъ приводилась въ связь съ другими крайне преувеличенными притязаніями этой патріаршей кафедрѣ на какое-то особенное высшее положеніе среди всѣхъ восточныхъ церквей соответствующей степени ¹⁾. Въ настоящее время весьма трудно добраться до поло-

¹⁾ Отрывокъ изъ какого-то сочиненія Германа, относящійся прямо къ данному вопросу, приведенъ въ грамотѣ позднѣйшаго патріарха Константинопольскаго *Каллиста* (отъ 1355 года), изданной въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по II-му отдѣленію* вмѣстѣ со старославянскимъ переводомъ значительной ея части (томъ VII, 155 и сл. 1858 г.), а также въ Сборникѣ *Миклошича* (*Acta Graeca mediae aevi* I, 438). Приводимъ этотъ отрывокъ въ русскомъ періодѣ: «имѣя въ виду мірскую общую пользу, я записалъ въ свиткѣ (*ἱστογραφῆσαι*), что удостоенному этой чести (патріаршества) архіерею Болгарскаго народа все-таки не будетъ дано совершенной самостоятельности (*τὸ αὐτοκράτωρ*), но подъ условіемъ даничества, то-есть, что онъ будетъ давать дани и уроки (*τέλη καὶ φόρος*) почтившему его патріарху, будетъ и возносить имя послѣдняго въ церкви, менолая это какъ свою къ нему повинность, подобно (*ὡς*) одному изъ подчиненныхъ Константинополю митрополитовъ, что онъ будетъ подлежать учетамъ и отчетамъ и будетъ потребовать къ суду, если будетъ обличенъ въ уклоненіи отъ даничества. Таково соглашеніе (обязательство) Болгарской церкви по отношенію къ Константинопольской; да и помимо того—если Константинопольскій престолъ возвысится, исправляетъ и утверждаетъ и скрѣпляетъ суды иныхъ патріарховъ, то-есть, Александрійскаго, Антиохійскаго и Иерусалимскаго, какъ это сказуютъ божественныя правила и свидѣлствуютъ самыя дѣянія, то тѣмъ болѣе этотъ престолъ будетъ господиномъ Болгарской церкви, отъ котораго (ея предстатель) былъ удостоенъ названія патріарха. Знайте прямо, что если бы не было нашего искреннаго отношенія и расположенія къ превьсокому царю Болгарскому во Святомъ Духѣ подлиннѣйшему сему нашей мѣрности, господиному *Асану*, и если бы (не было опасенія, какъ бы) онъ не огорчился по такой причинѣ, то мѣрность моя, какъ вселенскій патріархъ, по благодати Христовой имѣлъ бы право—на священномъ и великомъ соборѣ нашемъ подвергнуть мѣштанію и суду его поступки, какъ до сихъ поръ невѣдомыя, съ тѣмъ чтобы онъ либо обнаруживалъ свое исправленіе, либо получалъ каноническое осужденіе, какъ явлено отъ всѣхъ церквей, отъ которой, какъ много разъ было сказано выше, онъ по-

жительнаго вывода о томъ, на чьей сторонѣ было большее право... У насъ есть также указанія, что между новымъ Терновскимъ патриархомъ и Константинопольскимъ возникали съ самаго начала столкновения вслѣдствіе спора не о внутреннемъ объемѣ правъ, а о внѣшнихъ предѣлахъ компетенціи, что Терновскій патриархъ хотѣлъ присвоить себѣ какое-то право въ отношеніи къ Солунской митрополіи и даже фактически осуществилъ свои притязанія, рукоположивъ въ Солунѣ митрополитомъ какого-то Іоанна Протана, что наконецъ онъ, то-есть, патриархъ Терновскій, хотя не прямо, а посредственно стремился подчинить своему вліянію и аеонскіе монастыри. Дѣйствительное значеніе этихъ указаній остается для насъ довольно сомнительнымъ, такъ какъ самый источникъ, сообщающій ихъ, отличается, какъ мы сказали, смутнымъ характеромъ ¹⁾.

лучилъ въ удѣлъ званіе патриарха, и даже былъ лишенъ такого наименованія; но любовь и расположеніе къ этому царю склоняютъ насъ въ пользу того, чтобы все это оставить безъ послѣдствій (*ἀπολυπράγμωτα*), пока все само собою не получитъ исправленія отъ Терновскаго патриарха.

¹⁾ Извѣстъ въ виду весьма интереснаго отрывка изъ позднѣйшей греческой Аеонно-Ватопедской рукописи, сообщенной преосв. *Порфириемъ* въ «Первомъ путешествіи по Аеону», Востокъ Христіанскій, т. I, 46 и 47 стр. «Этотъ царь (то-есть, Асѣвъ II) старался учредить патриаршество въ своихъ мѣстахъ (въ Загорьѣ), и потому много понуждалъ къ тому церковь (Греческую) такъ, что не пересталъ давать ей подать, *ἐνδύσσιον*; и было оповѣщено быть мѣстному патриарху въ Загорьѣ. Первымъ патриархомъ тамъ поставленъ былъ *Григорій*, бывшій митрополитъ Филиппопольскій. Онъ рукоположилъ и митрополита въ Солунѣ вопреки канонамъ, и употребилъ все стараніе, чтобы и Иериссовскаго епископа сдѣлать митрополитомъ, желая отнять у поставленнаго имъ Солунскаго митрополита Михаила, по прозванію Протана, завѣдываніе сею епископіею. Но Солунскій вступился за свои права и явился къ царю (Асѣву) съ жалобою на своего патриарха. Къ тому-же и монахи, подвизающіеся на св. горѣ Аеонской, собрались въ числѣ 3,000, всѣ почетные и давно преусижившіе въ отшельничествѣ и въ подвигахъ духовныхъ, и не принимая ни патриарха (Загорскаго), ни рукоположеннаго имъ митрополита Солунскаго, не желая также, чтобы епископъ, или митрополитъ Иериссовскій рукополагаемъ былъ симъ патриархомъ, или Михаиломъ Протаномъ, отправились къ царю (Асѣву), который въ то время находился въ Калиполѣ по случаю бравосочетанія своей дочери Елены съ сыномъ приспомятаго царя кнзя Іоанна Дуки Ватаца, гдѣ присутствовалъ и патриархъ Константинопольскій кнзь *Мануилъ*, бывшій митрополитъ Евесскій, и по этому дѣлу просили суда, и сильно говорили обоимъ царямъ и Константинопольскому владыкѣ, какъ противъ патриарха Загорскаго, такъ и противъ упомянутаго Солунскаго, и представили кромѣ другихъ оправданій (*δίκαια*), однажды на всегда состоявшіяся приказы, съ привѣщенной къ нему

Когда въ Лампсаѣ и Галлиполѣ все было благополучнымъ образомъ приведено къ концу, добрая греческая императрица Ирина взяла съ собою двухъ дѣтей, то-есть, своего двѣнадцатилѣтняго сына Тео-

восковой печатью, приснопамятнаго между царями киръ Алексѣя Комнина. Сн монахи вполне оправдались. Ибо въ ономъ приказѣ сказано было, что епископъ Терисовскій не имѣетъ никакого права на Святой гора. Тогдашній Константинопольскій съ постоянно пребывающимъ при немъ соборъ архіереевъ произнесъ судъ, согласный съ содержаніемъ упомянутого царскаго приказа. Что-же касается до Загорскаго патріарха, то рѣшено было: отиудъ не вышиваться ему въ митрополию, не подсаждать его вѣдомству, и не совершать хиротоніи, и никакого церковнаго дѣянія не составлять. А тогдашній митрополитъ Фаладельейскій предлагалъ даже низложить патріарха Загорскаго. Но такъ какъ царь Асвнъ настоялъ, чтобы не низлагали его, то рѣшили низложить одного Солунскаго митрополита, какъ рукоположеннаго противъ канона и безъ согласія Константинопольскаго архіепископа: что и состоялось. Послѣ сего Константинопольскій, еще въ присутствіи обохъ царей, тотчасъ собралъ голоса и рукоположилъ въ Солунь святѣйшаго митрополита киръ Мануила Дисипата, который впоследствии сдѣлался исповѣдникомъ».

Къ сожалѣнію, развѣтъ этотъ страдаетъ явными погрѣшностями въ наименованіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ: *Григорія* совсѣмъ нѣтъ въ числѣ поименованныхъ въ Синодикѣ Терновскихъ патріарховъ, а *Мануилъ Харитопулъ*, патріархъ Константинопольскій, современникъ Асвни, умръ ранѣе учрежденіи въ Терновѣ патріархіи въ 1221 году (*Le Quien, Oriens christian. I, 278*), такъ что онъ ни какъ не могъ участвовать въ событіяхъ 1235 года; другой же *Мануилъ*, возведенный въ патріархи все-таки изъ придворныхъ пресвитеровъ, а не съ митрополиіи Эссеской, вступилъ на патріарскую Константинопольскую кафедру не ранѣе 1245 года (*Le Quien, I, pag. 280*); онъ упоминается у Амрополиты при описаніи событій 1250 года (ed. Bonn. pag. 107). Солунскій митрополитъ *Мануилъ Дисипатъ*—хорошо извѣстенъ, за то имя его предшественника *Михаила Протана* опять является чѣмъ-то загадочнымъ. У Лекена первый слѣдуетъ непосредственно за *Константиномъ Месопотамитомъ*, отказавшимся короновать Теодора Эпирскаго (1222 г.), но очень возможно, что тутъ былъ какой-нибудь промежутокъ, такъ какъ Мануилъ Опсара или Дисипатъ встрѣчается на страницахъ исторіи гораздо позже—въ 1267 и 1276 годахъ (*И. В. Троицкій, Арсеній и Арсениты, стр. 28, 174; Pashyn, ed. Bonn. pag. 102: Μανουήλ ὁ Θεσσαλονικεύς ὁ τοῦ πρώτου Ψαρῶς καὶ Διοβλάτου; ср. Acoropolit pag. 188: Οψαρῶν*). Въ этомъ промежуткѣ могутъ быть помѣщены невѣстныи Лекену *Исихита*, отъ котораго сохранилось одно каноническое рѣшеніе, относимое къ половинѣ XIII вѣка (*Ralli, Συνοδικὰ V, 142*), и *Николай*, къ которому адресовано одно письмо Юанна Навпактскаго (*Codex Porphyg. 33 fol. 52 v. и 53 г.: заглавіе—πρὸς τὸν Θεσσαλονίκη, имя означено въ концѣ письма): сей послѣдній всего скорѣе и могъ быть современникомъ возстановленія Терновскаго патріархата; а Михаилъ былъ бы здѣсь такимъ же анахронизмомъ какъ и патріархъ Мануилъ I, ибо Солунскій митрополитъ съ означеннымъ именемъ извѣстенъ только какъ предшествен-*

дора и обвѣчанную съ нѣмъ болгарскую принцессу и удалилась въ никейскія области; дочь Асѣня скоро привязалась къ своей воспитательницѣ еще болѣе, чѣмъ къ своему мужу, съ которымъ она дѣлила дѣтскія игры и вмѣстѣ училась. Царь Болгарскій, отпустивъ свою супругу, Марію Венгерскую, въ Терновъ, остался вмѣстѣ съ Іоанномъ Дукою, который находился въ Галлиполѣ; два императора соединили войска, какія у нихъ были подъ рукою—естественно предполагаютъ, что численное превосходство сухопутныхъ силъ было на сторонѣ болгаръ,—и затѣмъ открылись военныя дѣйствія противъ латинянъ, страннымъ образомъ все-таки сопровождавшіяся разореніемъ и опустошеніемъ земель, освобождаемыхъ отъ ихъ власти (Акрополита). Вопросъ о раздѣлѣ завоеваннаго былъ заранѣе рѣшенъ клятвеннымъ договоромъ; но Галлиполь, взятый до прибытія Асѣни одними греческими усиліями, а по видимому, и весь полуостровъ Галлипольскій (Херсонисъ), съ городомъ Мадитомъ (на югъ отъ Галлиполя) и другими, достались грекамъ отдѣльно сверхъ дѣлежа. На основаніи договора Іоаннъ Дука Ватацци протянулъ границу своихъ владѣній въ западномъ направленіи до рѣки Марицы, а въ восточномъ—до приморскаго города Гана и почти до Цурула (Чорлу), чрезвычайно важнаго стратегическаго пункта, остававшагося въ рукахъ франковъ, но уже наблюдаемаго и не выпускаемаго изъ глазъ ловкимъ и опытнымъ начальникомъ греческаго гарнизона въ Ганѣ; въ слѣдующемъ году этотъ городъ находится въ рукахъ греческихъ; такимъ образомъ Никейскій императоръ, держась приморскаго берега, подвигался отъ Галлиполя къ Босфору. Чтò именно получилъ другой союзникъ, царь Болгарскій Іоаннъ Асѣнь, мы точно не знаемъ: ему предоставлено было присоединить къ своимъ владѣніямъ „верхнія части тѣхъ же областей, лежавшія къ сѣверу“ (Акрополита); но здѣсь уже все почти сдѣлано было ранѣе; пространство на сѣверъ отъ Родопскихъ горъ до верхняго теченія Марицы (Охридская

ниязъ Константина Месопотамита (*Le Quien*, I, pag. 50). Изъ всего этого слѣдуетъ, что Аэно-Ватопедское сказаніе, несъ на себѣ слѣды повдигаго происхожденія (въ концѣ текста, у насъ не приведенномъ, есть прямая ссылка на сочиненіе Акрополита), не можетъ быть признано на столько достовернымъ, чтобы позволительно было имъ воспользоваться въ полномъ объемѣ; но по видимому, оно включаетъ въ себя все-таки дѣйствительную историческую основу; особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія наименованіе того епископа, который требовалъ изложенія Терновскаго патріарха: изъ словъ патріарха Германъ видно, что къ нему дѣйствительно могли обращаться съ такимъ требованіемъ.

область), а также Адрианопольская область, досталась Асѣню еще послѣ Клокотницкой побѣды; на примѣръ, Станимахъ былъ имъ укрѣпленъ въ 1231 году ¹⁾, а Филиппополь находился далѣе на сѣверъ отсюда, и слѣдовательно, окруженный со всѣхъ сторонъ болгарскими владѣніями, едва ли могъ продержаться до сего времени, то-есть, до 1235 года. Союзники имѣли въ виду Константинополь: но что было бы, еслибъ имъ въ самомъ дѣлѣ теперь же удалось овладѣть имъ? Греки, имѣли, кажется, гораздо болѣе на то шансовъ, такъ какъ помимо большей ловкости, они еще располагали флотомъ, котораго совсѣмъ не было у болгаръ; вопросъ, вѣроятно, былъ бы рѣшенъ на основаніи правъ перваго захвата—полнаго или частичнаго, но во всякомъ случаѣ не въ ущербъ никейцамъ.

Лѣтомъ 1235 года союзное сухопутное войско, при которомъ находились оба императора, подвинулось до самыхъ стѣнъ Цареграда, до сихъ поръ представлявшихъ наиболѣе надежную защиту обширной и богатой столицы. Свѣдѣнія о томъ, что здѣсь происходило, у насъ довольно скудны и отчасти противорѣчивы. Греческій историкъ (Георгій Акрополита) сообщаетъ намъ только, что союзники навели большой страхъ на латинянъ и вообще привели дѣла ихъ въ самое опасное положеніе, а затѣмъ—что такъ какъ осеннее время уже кончалось, и наступала зима, то императоръ Юаннъ и царь Асѣнь, простившись другъ съ другомъ, отправились во свояси ¹⁾. Въ декабрѣ того же года, папа Григорій IX, призывая на помощь Константинопольскому императору короля Венгерскаго Бѣлу, разказывалъ въ своемъ посланіи о томъ, какъ Вататци и Асѣнь, два схизматика, недавно заключившіе между собою союзъ нечестія, напали съ большимъ греческимъ ополченіемъ на землю благочестиваго императора Іоанна Бриенна ²⁾, взяли Галлиполь, гдѣ перерѣзали жестокимъ образомъ

¹⁾ Объ этомъ говоритъ надпись въ Станимахѣ времени Асѣня, списанная первоначально французомъ Люка (*Paul Lucas, Voyage dans la Grèce, Asie Mineure, Macedoine etc. Paris, 1710*), а въ новѣйшее время уничтоженная (по сообщенію г. Кочановскаго) греками изъ евангелима; въ послѣдній разъ она была напечатана въ прошломъ году въ *Периодическомъ списаніи* (1884, книга X, 40) въ статьѣ Ирека: „Иѣтни бългени“. «В лѣто 5710 снд. Δ. богомъ въздвигнемъ царь Асѣнь Влѣгаромъ и Грѣкомъ таме и прочимъ странаъ постави Алексѣ севаста и Бизда сем градъ». Надпись относится къ 1231 году.

²⁾ Acropolit. pag. 56.

³⁾ Nam sicut pro certo didicimus, Vatacins et Assanus schismatici, nuper inter se iniquitatis into federe, terram carissimi in Christo Filii nostri... Imperatoris Constantinopolitani illustris cum maxima Grecorum multitudine hostiliter invadentes.

всѣхъ обитателей, не давая пощады ни полу, ни возрасту ¹⁾, и какъ затѣмъ съ большими силами они осадили Константинополь, который, казалось, могли бы взять, если бы не помощь свыше ²⁾; у Латинскаго императора было-де не болѣе какъ 160 рыцарей, а греки выставили 48 военныхъ отдѣльныхъ отрядовъ (ротъ); тѣмъ не менѣе въ происшедшей битвѣ одержали верхъ франки, предводимые императоромъ; только три греческіе отряда успѣли спасти себя бѣгствомъ, изъ остальныхъ одна часть сдѣлалась добычею меча, другіе попали въ плѣнъ и заключены были въ цареградскихъ темницахъ ³⁾. Изъ папскаго сообщенія мы далѣе узнаемъ, что одновременно съ нападениемъ на сушѣ дѣйствовалъ и греческій флотъ; въ тотъ самый моментъ, какъ побѣдители, не успѣвшіе воротиться въ городъ, заняты были преслѣдованіемъ враговъ, появились въ виду Константинополя 24 неприятельскіе корабли, и даже пристали къ берегу, при чемъ высадившіеся на берегъ люди пытались произвести пожаръ, чтобы затѣмъ начать грабѣжъ города ⁴⁾; но Богъ предалъ ихъ въ руки константинопольскихъ гражданъ; всѣ суда были захвачены, и только немногіе изъ прибывшихъ на нихъ людей успѣли спасти себя бѣгствомъ въ близкія убужища ⁵⁾. Нѣсколько болѣе подробный, но въ главномъ чрезвычайно сходный разказъ оставилъ намъ объ этой греко-болгарской осадѣ Цареграда современный поэтъ-историкъ, епископъ города Туринъ во Фландріи, Филиппъ Мускъ или Мускось въ своей любопытной хроникѣ (т. 29030 и слѣд.). Онъ осуждаетъ прежде всего образъ дѣйствій Іоанна Бриенна, избраннаго въ императоры для того именно, чтобы попра-

¹⁾ Et sapientes *Galipolim* omnes habitatores ipsius crudeli gladio differentia sexus aut etatis non habita jugularunt.

²⁾ Et deinde in forti manu Constantinopolim obsidentes eam credebantur capere, nisi a Deo liberata fuisset desuper adjuvante.

³⁾ Nam idem Imperator centum et sexaginta militibus tantum sociatis, contra dictos Grecos cum quadraginta et octo aciebus procedentes ad bellum, certamen aggrediens adversus eos triumphum obtinuit, et ipsorum alios ensi devorandos exposuit, alios solis tribus aciebus fuge presidio liberatis carceri mancipavit.

⁴⁾ Quo necdum ab hujus modi reverso victoria XXIII naves hostium dictam Constantinopolim applicantes, ut eam caperent rapinis ac incendio devastarent.

⁵⁾ Constantinopolitanorum civium manibus dominus tradidit, sed aliquos ex hominibus in eis morantibus fuga velox intercipi et propinquum receptaculum non permisit....

Посланіе папы напечатано у *Тейнера*: *Vetera monumenta Hungariæ* № ССХLIX, I, pag. 140. Ср. *Poithast*, *Regest. Pontific.* № 1066 (отъ 16-о декабря 1235 года).

вить дѣла имперіи. Прошло нѣсколько годовъ, въ продолженіе которыхъ не было ни войны, ни мира; такимъ образомъ онъ потерялъ почти всю свою землю, за то уберечь свое золото и свои деньги; онъ распустилъ наемныхъ военныхъ людей, которые ушли либо къ себѣ на родину, либо въ другія мѣста.¹⁾ Между тѣмъ поднялись Вататци и царь Асѣнь, Михаилъ и куманы, а также и всякіе влахи; кромѣ Михаила, подъ которымъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть будущаго Эпирскаго деспота, неизвѣстно почему здѣсь упомянутаго вмѣсто Мануила, Мускесъ называетъ также и Θεοδωρα, находившагося—мы знаемъ—въ плѣну у Асѣня²⁾. Въ сотняхъ и тысячахъ они пришли осаждать короля Іоанна (Вриенна); не родилось человѣка, который былъ бы способенъ пересчитать враговъ и сообщить ихъ точное число. Когда король Іоаннъ узналъ объ этомъ, объ созванъ своихъ воиновъ, сколькихъ могъ; набралось не болѣе шестнадцати десятковъ рыцарей, при нихъ ихъ оруженосцы, а также отрядъ конныхъ сержантовъ, очень, правда, не многихъ, но за то вполне преданныхъ³⁾. У мѣстнаго греческаго населенія въ столицѣ оружіе было отобрано и роздано надежнымъ людямъ⁴⁾, принадлежавшимъ къ латинской колоніи,

¹⁾ Chronique rimée de Philippe Mousques, publié par *Reiffenberg*, Bruxelles, 1838, въ Collection des Chroniques Belges, II, 613; V, 29035:

Aler laissa les saudoiers
U en lor tières u allors.

Наше Мускесъ прямо говоритъ, что вслѣдствіе скупости Іоанна Вриенна, часть наемниковъ ушла во Влахію, то-есть, къ Іоанну Асѣню (v. 29245. II, 620, 621).

²⁾ V, 29040. Mais Vatace et li rois Ausens
Li Micalis et li Coumain,
Et li Blac ausi tou de plain
Et li Toldres, uns om noisans...

³⁾ II, 614; V, 29050.

Et quant il rois lehans le sot
De siens manda quan que il pot,
Si n'ot blous que VIIIxx cevaliers
Et cil orent leur esquiers.
Et si eut siorgans à ceval
Moult poi, mais il furent loial.

⁴⁾ Les armes de tous lor Gricos present
Et leur gens bien armer en fissent:
La piétalle remest dedens.

основанной съ давняго времени венеціанцами, а послѣ 1204 года, конечно, подкрѣпленной всякаго рода пришельцами, торговыми людьми, ремесленниками и прислугою, сопровождавшею бароновъ и латинское духовенство; образованъ былъ пѣшій военный отрядъ, долженствовавшій наблюдать надъ внутренними греческими кварталами. Со своимъ рыцарскимъ ополченіемъ, раздѣленнымъ на три отряда, король Іоаннъ вышелъ на встрѣчу врагамъ за городскія стѣны; у царя Болгарскаго Асѣна такихъ отрядовъ было сорокъ-пять¹⁾. Но три отряда одержали верхъ надъ сорока пятью; ни Гекторъ, ни Роландъ, ни Ожье, ни даже храбрый Іуда Маккавей не обнаруживали большаго мужества, чѣмъ король Іоаннъ въ этотъ день; изъ разбитыхъ непріятельскихъ ополченій спаслось тоже только три отряда, предводительствуемыхъ царями Асѣнемъ и Вататци²⁾. Такъ дѣло кончилось на сушѣ; между тѣмъ у грековъ былъ еще другой планъ и расчетъ. Они надѣялись на содѣйствіе своихъ соотечественниковъ внутри города, которымъ, казалось, легко было одолѣть оставленную для наблюденія за ними небольшую пѣшую силу. Въ то самое время, какъ происходила битва за сухопутными городскими стѣнами, болѣе 300 судовъ, хорошо сваряженныхъ, причалили къ берегу (на Мраморномъ морѣ), внизу приморскихъ стѣнъ, гдѣ они думали подать руку своимъ гречатамъ и турчатамъ, и затѣмъ либо овладѣть стѣнами, либо поджечь ихъ³⁾. Но латины, оставшіеся внутри города, видя, что дѣла ихъ господъ на сушѣ идутъ хорошо, сами бросились къ греческимъ кораблямъ, въ надеждѣ поживиться добычей — тутъ были люди всякаго сословія и ремесла, — и тѣмъ не менѣе они дѣйствовали столь успѣшно, что захватили много людей и много иму-

¹⁾ Et li rois fist lors de ses gens
29060. III bataille; s'en issi fors.
Et li rois Ausens, par effors,
XLV batailles fist.

²⁾ III seulement en escaperent
Q' Ausens et Vatace menèrent.

³⁾ Ibid., pag. 615, 29085:

Les nés qu'amenées avoient,
Plus de CCC et bien garnies,
Seroient lues aparillies;
A tout lor Griffons et lor Turs,
S'iroent par la mer as murs,
U pour le prendre u pour l'ardoir.

щества на греческихъ судахъ ¹⁾. Авторъ французской хроники видитъ въ томъ знакъ особеннаго Божьяго покровительства и помощи, что, предоставленный самому себѣ, городъ остался однако спокойнымъ и неподвижнымъ, тѣмъ болѣе что даже гарнизонъ замка при слухѣ о поражени Асѣни и о пожарѣ у приморскихъ стѣнъ вышелъ вонъ; сколько можно понять изъ его словъ, этотъ военный гарнизонъ направился, однако, именно къ приморскимъ стѣнамъ и здѣсь попались ему на встрѣчу обратившіеся въ бѣгство Греки; громадное число ихъ было отчасти убито, отчасти взято въ плѣнъ ²⁾. Однако, рифмованная хроника Мускеса, очевидно довольно точно передающая ходъ дѣла, ничего не говоритъ о захваченныхъ 24 судахъ, о чемъ упоминается въ папскомъ посланіи. О нихъ идетъ снова рѣчь въ Венеціанскихъ лѣтописяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ подробностями, выставляющими на первый планъ энергію и смѣлость не императора Іоанна Бриенна, а именно венеціанскихъ капитановъ ³⁾. Греческій императоръ Вататци (Уатас) осадилъ Константинополь и взялъ Галлиполь со всею прилежащею территоріей; когда объ этомъ узналъ дожъ Іаковъ Тьеполо, бывший прежде самъ подестою въ Константинополѣ, онъ велѣлъ вооружить 25 галеръ и отправилъ ихъ подъ начальствомъ двухъ капитановъ, Леонардо Квирино и Марко Гуссоли, на защиту сто-

¹⁾ Mais quant la piétalle dedens
Vit defors bien faire lorgens.
S'alèrent as nés gaégnier
29095. Gent i avoit de maint mestier...

²⁾ Chronique de Philippe Mousques II, 616:
29101. Quar la cités fut auques seule,
Car cil del castiel, de la flame
Quant nouvelle sorent et fame
Que desconfis venoit Ausens,
A çou qu'il ot od lui de gens,
Fors de son castiel s'en issi...
.
Les fuians encontre devant
S'en ocisent et prisent tant,
C'on n'en sot ne conte ne fin.

³⁾ Имѣются въ виду двѣ Венеціанскія хроники, одна на старо-французскомъ языкѣ, другая на латинскомъ, Мартиня Канале и Андрея Дандоло: 1) *La cronique des Veneciens de maistre Martin da Canal*: Archivio storico italiano t. VIII. 2) *Andreae Danduli Chronicon: Murator. Rerum italicarum scriptores*,—t. XII. Первая принадлежитъ концу XII столѣтія, вторая—XIV.

лицы; при попутномъ вѣтрѣ венеціанская флотилія достигла окрестностей Абидоса, гдѣ, по слухамъ, находился греческій флотъ, состоявшій изъ одной сотни хорошо снаряженныхъ судовъ; но венеціанскимъ капитанамъ пришлось довольно долго крейсировать въ проливѣ, прежде чѣмъ они встрѣтились со врагомъ ¹⁾. Нужно знать—говорятъ намъ,—что въ это время Греческій императоръ былъ въ союзѣ съ Гавалою, владѣтелемъ острова Родоса, который теперь находился на одномъ изъ судовъ греческой флотиліи и былъ ея главнымъ командиромъ; дѣлая довольно странное сопоставленіе, Венеціанская хроника замѣчаетъ далѣе, что такимъ образомъ они вдвоемъ составили громадное ополченіе на морѣ и на сушѣ, чтобы взять Канстантинополь ²⁾. Два храбрые капитана, Квирино и Гуссоли, завидѣвъ византійскія галеры, сейчасъ же устроились имъ на встрѣчу, капеланъ пропѣлъ Евангеліе, при чемъ всѣ усердно молились, затѣмъ, для подкрѣпленія силъ къ предстоящему дѣлу, дано было ѣсть и пить людямъ всадры; какъ жадные ястребы, бросились венеціанцы на греческую флотилію изъ ста судовъ, такъ что греки не выдержали, сейчасъ же потеряли духъ и обратились въ бѣгство, стараясь приблизиться къ берегу ³⁾. Императоръ Ватацци, находившійся на сушѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, когда увидѣлъ поражение своего флота и преслѣдованіе своихъ кораблей венеціанцами, всячески старался подать помощь; греки съ своей стороны употребляли всѣ усилія, чтобы пристать къ берегу тамъ, гдѣ собраны были сухопутныя греческія

¹⁾ *Da Canale, Cronaca Venet. Archivio stor. ital. VIII, 362.* Въ мѣсто Абидоса у *Dandolo* говорится объ островѣ *Tenedos*: *de Uenetis secedentes Tenedum perveniunt.*

²⁾ *Canale Cronaca Ven. Archivio st. VIII, 362.* Et sachies que Mesire Uatas avoit a celui point la compagnie de Mesire Gavala, li Sire de Rode; et il meemes estoit a celui point de sor une galie. *Dandolo Chron.* pag. 350: Et sumpta notitia, quod Graecorum stulus, cuius erat Armiraleus *Leo Gavala*, urbem obsidebat, illuc properat.

³⁾ *Canale, Cron. Venet. l. c. pag. 364.* Enei—s'adrecerent li nobles Chevetains encontre les *C galies* des Grees en *mil Avide*. Последнія слова не ясны; въ рукописи читается собственно *en mila vide* (примѣч. итальянскаго переводчика pag. 722); можно было бы думать о среднѣмъ Авидѣ—Абидосѣ, то-есть, Дарданельскаго пролива, но сраженіе происходило, какъ по всему кажется, въ виду сухопутнаго греческаго войска, осаждавшаго Царьградъ. Ср. *Dandolo Chron. l. c.*: у этого послѣдняго, впрочемъ, буквальный смыслъ такой, что флотъ греческій осаждалъ городъ, а за тѣмъ, когда ему стало угрожать нападеніе венеціанцевъ, онъ удалился къ востоку подъ защиту сухопутной арміи: *Sed Graeci de hoc praesessit in parte Orientali sub tuitione terrestriis eorum exercitus se retrahunt.*

силы, но какъ они ни старались, венеціанцы настигали ихъ; въ виду пятидесятитысячной арміи греческой (о болгарахъ здѣсь ничего не говорится) конной и пѣшей, всѣхъ ея стрѣлковъ и метательныхъ орудій захвачены были адмиральская галера Гавалы и 24 другихъ судовъ¹⁾. Съ торжествомъ вступили побѣдители въ гавань Золотого рога; самъ молодой императоръ Балдуинъ виѣстѣ съ венеціанскимъ почетомъ вышли имъ на встрѣчу; по истеченіи нѣкотораго времени оба капитана—Квирини и Гуссопи—воротились въ Венецію, и это случилось, по замѣчанію хроникки, все въ томъ же 1235 году.

Сопоставляя эти сообщенія, мы должны обратить вниманіе прежде всего на цифру 24, означающую число кораблей, взятыхъ—по грамотѣ нанской—константинопольскими мѣстными гражданами-латинами, по свидѣтельству Канале—венеціанскими капитанами, между тѣмъ какъ въ описаніи Мускеса, наиболѣе, по видимому, точномъ свѣдѣніи нѣтъ никакой цифры. Вѣроятно, что неточность заключается въ папской грамотѣ, но отсюда все-таки видно, что въ декабрѣ 1235 года до Рима дошли уже смутные слухи о взятіи кѣмъ бы то ни было 24 кораблей, подавшіе Григорію IX поводъ приписать этотъ успѣхъ все тому же императору Бриенну... Однако, изъ той же нанской грамоты мы узнаемъ, что пораженія, нанесенныя Асеню и Вататци, вовсе не имѣли рѣшительнаго значенія. Константинополю продолжала угрожать все-таки большая опасность; если понимать слова грамоты буквально, то союзники не только готовились повторить нападеніе съ большими силами, но даже и не снимали осады²⁾. Въ виду прямого свидѣтельства Акрополиты объ удаленіи греческаго и болгарскаго государей отъ стѣнъ Цареграда при началѣ зимы, приходится думать только о блокадѣ съ моря. Что она дѣйствительно продолжалась и въ 1236 году, объ этомъ свидѣлствуетъ сообщеніе Алберика о томъ, какъ въ этомъ именно году Жоффриу (Гауфридъ) Вилль-

¹⁾ Si ne remest pas por lui (Uatace) ne por l'aide de ses homes, que la galie dou Gavala, que son amirail estoit, ne fust prise; et des autres galies XXIV. Si avoient li Gres li aide de L mil homes, que a pie que a cheval, que as arbalrestres que as ars. Cp. Dandul. Chron. *Murator.* XII, 349. Graeci—sub tuitione terrestriis eorum exercitus se retrahunt, quos Ueneti aggredientes, peracto bello, XXIV galeis eorum captis, victores Constantinopolim accesserunt...

²⁾ Dicit vero Vatacius et Asanus, novi robur exercitus instaurantes, spem nihilominus de triumpho concepiunt, et de novo civitate Constantinopolitana obsessa, se ad debellandum eundem imperatorem iterato cum infinitis armatorum millibus accinxerunt.

гардуенъ, владѣтель Морейскій, желая помочь императору, пробился съ своими 120 судами чрезъ греческую флотилію въ 300 судовъ, и пѣвоторое число изъ нихъ (15) даже потопилъ ¹⁾.

Константинополь, однако, уцѣлѣлъ, до взятія его греками было еще довольно далеко. Одною изъ причинъ, остановившихъ успѣхи православной коалиціи, было охлажденіе къ ней Іоанна Асѣна, даже прямое, хотя кратковременное обращеніе къ прежней дружбѣ съ папою. Но пересказывать эти событія, въ общихъ чертахъ хорошо извѣстныхъ, не входило въ нашу задачу. Она состояла только въ томъ, чтобы объяснить смыслъ извѣстнаго событія, называемаго обновленіемъ болгарскаго патриаршества и обстановку, при которой оно совершилось.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О письмахъ Георгія, митрополита Керкирскаго, помѣщенныхъ въ Церковныхъ Лѣтописяхъ Баронія.

Въ девятнадцатомъ томѣ «*Annales ecclesiastici*» Баронія помѣщены слѣдующія письма Георгія Керкирскаго, заимствованныя изъ одного греческаго сборника, принадлежавшаго Фридриху, епископу Термульскому (въ южной Италіи), и переведенныя симъ послѣднимъ на латинскій языкъ:

1) Подъ 1176 годомъ § 21: Отъ Георгія, митрополита Керкирскаго, Богомъ вѣнчанному императору Фридриху, когда онъ требовалъ (отъ Георгія) сдачи крѣпости Керкирской. Георгій благодаритъ императора за то, что тотъ удостоилъ вспомнить о немъ и написалъ ему письмо, содержаніе котораго, такъ какъ онъ самъ не могъ понять его, ибо не зналъ по латыни,—объяснилъ ему ученый мужъ, судья и магистръ Тома. Въ письмѣ шла рѣчь о требованіи Керкиры Фридрихомъ: Георгій отклонялъ просьбу, доказывая, что пріобрѣтеніе Керкиры при обширности владѣній императора не имѣетъ для него большой важности. «Что касается до прошенія твоего относительно пріобрѣтенія Керкиры, то это есть нѣчто малое въ отношеніи къ твоему величію и нѣчто великое, поколику это относится ко мнѣ, какъ настоящему пастырю, готовому

¹⁾ Albrici Trium Fontium ad ann. 1236 (*Partz*, SS. XXIII, 938, 939): Et cum rex Iohannes indigeret adiutorio, iste Gaufridus cum 120 navibus seu vasis bellicis succursum prestitit obsessis; et cum adversarii 300 vasa haberent ipse per medium illorum Constantinopolim intravit et 15 vasa eorum contrivit; habebat 100 milites, 300 balistarios et 500 archarios: et ex quo rex Iohannes venerat ad partes illas, mittebat quolibet anno 22,000 perpres 87 ad conducendos auxilarios.

душу свою положить за овцы, а не наемнику». Затѣмъ пишущій просить императора не лишать своего расположенія «господина моего, сына и родственника твоей царственности Комненодуку Эммануила» (Мануила), ибо это благочестивый мужъ, внимательный и заботливый правитель своихъ областей и градовъ, всегда имѣетъ на языкъ христіанвѣйшее имя императора (Западнаго), подтверждаетъ дары и милости своихъ предковъ блаженной памяти императоровъ и не причиняетъ своимъ подданнымъ никакихъ тягостей.

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ византійскою исторіей XII вѣка и рѣчи бытъ не можетъ о томъ, чтобы относить такое письмо къ императору Фридриху Барбароссѣ и Мануилу Комнину Византійскому, какъ однако полагалъ Бароній. Попытка со стороны Барбароссы овладѣть островомъ Корфу совершенно не мыслима; для этого нужно было сначала утвердиться въ южной Италіи и сдѣлаться наследникомъ норманнской сицилійской короны. Никакихъ судей и магистровъ не было у Германскихъ королей и Римскихъ императоровъ до полученія въ наследство Сициліи и Неаполя. Ясное дѣло, что въ нашемъ документѣ идетъ рѣчь о Фридрихѣ II, хотя до сихъ поръ новѣйшіе изслѣдователи его царствованія (Ширрмахеръ, Винкельманъ) тоже ничего не знаютъ объ его планахъ приобрѣтенія Корфу.

2) Подъ тѣмъ же 1176 годомъ помѣщены два письма Георгія къ Мануилу Дукѣ Комнину, Богомъ хранимому царю. Въ первомъ (§ 23) Георгій пишетъ, что какъ только царь удался изъ его глазъ, его оставили и то малое тѣлесное здоровье, которымъ онъ пользовался въ его присутствіи (сравненіе съ апостолами, одна тѣль которыхъ врачевала болѣзнь). Георгій съ благоговѣннѣмъ перечитываетъ письма царя о случившихся съ нимъ неприємностяхъ и догадывается, какое сильное огорченіе тотъ долженъ испытывать: если пастухъ, пристаиваемый къ стаду овецъ, огорчается, когда волкъ или левъ или какой зѣбрь нападетъ на стадо и часть его похититъ, то чтѣ долженъ чувствовать любящій свою землю государь, когда в а р в а р с к о е злоумышленіе и заговоръ разразятся нашествіемъ и разрушеніемъ, ведущимъ за собою всякое зло, когда враги похваляются, что они возобладали протнвъ насъ и огняли значительную часть нашихъ владѣній, насытили души свои и достигли, чего требовало ихъ не насытное желаніе? Но слѣдуетъ переносить великодушно, чтѣ случилось, ибо побѣда измѣнчива, и Богъ не оставитъ сына своего не отомщеннымъ предъ злыми с о с ѣ д я м и. Пишущій увѣдомляетъ, что отнositельно з а м к а (castrum) Беркнрскаго, вѣтреннаго его понеченію, онъ привялъ всѣ оборонительныя военныя мѣры. Извѣстій изъ Италіи пока нѣтъ, потому что торговля сношенія прерваны; пришелъ, впрочемъ, одинъ корабль изъ Юридизы съ паломниками. Къ первой недѣлѣ Великаго поста падѣется что-нибудь узнать и сообщить достойное вниманія. Въ концѣ отвѣта на запросъ объ отпущенія на волю какихъ-то не свободныхъ людей, откуда видно, что Георгій пересталъ теперь дѣлать то, чтѣ дѣлалъ въ началѣ царствованія Мануила (значить, писано не въ началѣ правленія).

И для этого документа единственное возможное приуроченіе есть ирочи Мануила Солунско-Эпирскаго, потому что въ славное для Византіи правленіе Мануила I (1143—1180 г.) совсѣмъ не было такого момента, когда онъ былъ бы

вынужденъ жаловаться одному изъ своихъ епископовъ на потерю значительной части своихъ владѣній.

3) Другое письмо Мануилу (подъ тѣмъ же 1176 г., §§ 24—26) изъявляетъ восторгъ и радость по поводу одной правительственной мѣры, принятой Комниномъ въ отношеніи къ острову Корфу (Корквръ): онъ отдалъ островъ въ управленіе сестрѣ своей Комнинѣ; этимъ онъ доказалъ величайшую свою заботливость о благѣ подданныхъ и т. д.

Никогда императоръ XII вѣка Мануилъ Комнинъ не отдавалъ какого-нибудь острова въ управленіе своей сестрѣ; это возможно развѣ только при Мануилѣ Энпирскомъ, сестра котораго была за феодальнымъ владѣльцемъ острововъ Кефалліи и Занта, за графомъ Маттео, считавшимся вѣрнымъ его союзникомъ. См. выше въ главѣ III.

4) Подъ 1178 годомъ помѣщено опять письмо къ императору Фридриху (§ 13), начинающееся напыщеннымъ прославленіемъ его могущества: на всѣхъ своихъ противниковъ онъ наводитъ страхъ, подобно льву, однимъ своимъ рычаніемъ, напротивъ всѣхъ добровольно подчиняющихся его власти принимаетъ милостиво. Затѣмъ нишурій рекомендуетъ себя, какъ сиренаго епископа Керкирской церкви, посланнаго родственникомъ и сыномъ его царственности—*Мануиломъ Комниномъ*, именно къ нему: это главная цѣль посольства; впрочемъ, если у посла хватитъ силъ, то онъ долженъ будетъ также направить свой путь къ папѣ. Противные вѣтры, застигнушіе посла на пути изъ Корфу въ Бриндизи, заставили его не мало пострадать на морѣ; только съ большимъ трудомъ и опасностію онъ высадился въ Отранто 15-го октября; вслѣдъ затѣмъ его постигла тяжкая болѣзнь, и это, въ соединеніи съ суровою зимою, до сихъ поръ мѣшало ему пуститься въ путь, чтобы справить свое посольство; онъ надѣется, что съ первымъ наступленіемъ весны будетъ имѣть возможность предстать предъ лице императора.

Такъ какъ Фридрихъ I не былъ владѣтелемъ южной Италіи, а съ осени 1178 года завѣдомо находился въ Германіи, то ближайшей путь къ нему никакъ не лежалъ чрезъ Отранто и Римъ. Сверхъ того о пребываніи Керкирскаго епископа Георгія въ южно-италианскомъ городѣ Отранто и объ его тамъ преніяхъ съ фратомниуріями (миноритами) существуютъ и другія извѣстія; есть даже два трактата, написанныхъ Георгіемъ во время своей болѣзни. Само собою разумѣется, все это тѣмъ менѣе можетъ относиться ко времени Барбаруссы, что и минориты (францисканцы) тогда не существовали.

5) Того же года § 14. Письмо къ патріарху Феуполю, то-есть, Великой Антиохіи, господину *Симеону*. Во время своей тяжелой болѣзни, посетившей его вдали отъ родины въ одномъ изъ городовъ Италіи и воспрепятствовавшей ему отправиться въ Римъ, Георгій получилъ, при встрѣчѣ съ прибывшимъ издали монахомъ Христофоромъ, извѣстія о здравіи Симеона и былъ тѣмъ обрадованъ; но въ то же время онъ и опечалился, услышавъ, что темные и злые прописки людей иначе мыслящихъ и слѣдующихъ инымъ догматамъ (католиковъ) были для него причиною большихъ огорченій, и что до сихъ поръ онъ не имѣлъ возможности утвердить свой свѣтильникъ на настоящемъ его фундаментѣ, то-есть, въ собственной епархіи (*lumine, pondum in propriae ecclesiae fundamento firmato*).

Въ спискахъ Антиохійскихъ патриарховъ Симеонъ, конечно, встрѣчается п nochъ 1178 годоу, но только на основаніи именно Баронія, отнесшаго къ такому году посланіе Георгія Керкирскаго. См. еписк. Порфиріа. Списокъ Антиохійскихъ патриарховъ, въ Трудахъ Кіевской духовной академіи июль 1874, стр. 76; мартъ 1875, стр. 96; мартъ 1876, стр. 84. Современникомъ Мануила Комнина I, былъ собственно извѣстный комментаторъ Номоканона, Феодоръ Валсамонъ (до 1195 г.), а послѣ него въ арабскомъ спискѣ Ассемани поименованы Иоакимъ, Дороей, Симеонъ (Le Quien, Oriens christian. II, 762). Съ другой стороны мы знаемъ, что Симеонъ патриархъ Антиохійскій упомянутъ въ сказаніи объ основаніи Терновскаго патриаршества въ 1235 году.

6) Годъ 1178, §§ 15 и 16. Письмо возлюбленному сыну духовному и мудрѣйшему императорскому потарію, господину Иоанну Отрантскому. Здѣсь говорится о шестимѣсячномъ пребываніи Георгія въ южной Италиі; съ 17-го Ноября, когда онъ былъ принятъ въ домъ Иоанна, онъ пролежалъ больнымъ, пользуясь уходомъ его домашнихъ; данныхъ ему порученій пишущій не въ состояніи былъ исполнить, а когда оправился и рѣшился пуститься въ предположенный путь въ городъ Римъ, то пришло письмо отъ государя, повелѣвающее безъ замедленія воротиться назадъ къ своей частѣ; пишущій жалѣетъ, что ему не пришлось видѣть императора.

Въ 1178 году въ Отранто не могло быть никакихъ императорскихъ нотаріевъ, такъ какъ городъ принадлежалъ тогда королямъ Норманнскимъ или Сицилійскимъ.

7) и 8) Годъ 1179, §§ 10, 11 и 12. Два письма къ настоятелю монастыря Казолы (Casulorum) Нектарію. (Монастырь Казолы находится въ южной Италиі близъ Отранто). Нектарій, какъ видно изъ этихъ писемъ, принадлежалъ къ мѣстному греческому населенію, сохранявшему свой языкъ и привязанность къ православной греческой вѣрѣ и nochъ чуждымъ владычествомъ; онъ бывалъ въ Римъ и велъ тамъ диспуты съ католиками въ присутствіи самаго Римскаго первосвященника. Георгій желаетъ поддерживать съ нимъ знакомство и дружбу, проситъ, чтобъ онъ ему писалъ, посылаетъ привѣтствія Иоанну Отрантскому; во второмъ письмѣ напоминаетъ свое первую съ нимъ встрѣчу въ Константинополѣ, когда Нектарій сопровождалъ Пелагія, а онъ самъ, Георгій, уполномоченъ былъ Аеннскимъ митрополитомъ заступать его мѣсто.

Удивительно, что имя Пелагія, извѣстнаго легата папы Никокентія III, нисколько не остановило Баронія и не заставило дать письмамъ Георгія лучшее приуроченіе.

9) Годъ 1180, § 24—23. Посланіе къ вселенскому патриарху, которое отнесено нами къ 1233 году и приведено было въ текстъ.

10) Тотъ же годъ, § 30. Судьба города Отранто II и колаю—по поводу смерти настоятеля монастыря Казолы, Нектарія; отдѣленный отъ него моремъ и занятый многими мірскими заботами, Георгій не имѣлъ возможности дать послѣднее цѣлованіе и сказать послѣднее «прости» этому столпу православія, славы Италиі и украшенію Рима. Въ семь послѣднемъ городѣ происходитъ тотъ диспутъ, въ которомъ Нектарій показалъ силу своей рѣчи и явился въ отноше-

вія къ противникамъ страшнѣе, какъ огонь пожирающій. Когда Георгій держитъ въ рукахъ его сочиненія, писанныя на двухъ языкахъ, по гречески и по латини, то ему кажется, что онъ находится съ Духомъ Святымъ, изучается происхожденію Духа Святаго отъ отца, каково бы оно ни было (*quasamque illa sit*), не смѣшиваетъ тропности лицъ и осуждаетъ мнѣнія противниковъ избобрѣтающихъ новыя пути. Пишущій надѣется, что Николай, который былъ питомцемъ Нектарія, съ дѣтства жилъ вмѣстѣ съ нимъ, не будетъ удивленъ глубиною и продолжительностію печали пишущаго о такой потерѣ.

11) Годъ 1188, § 80. Письмо Іерусалимскому патріарху Афанасію съ отиѣтомъ патріарха—не включаетъ въ себя никакого фактическаго содержанія. Бароній отнесъ письмо къ 1188 году, а не ранѣе, только потому, что до взятія Іерусалима Саладиномъ онъ не могъ предполагать тамъ православнаго патріарха на ряду съ латинскимъ; но въ данное время все-таки никакого Афанасія тамъ нѣтъ другихъ источниковъ намъ не извѣстно (см. *Le Quien, Oriens christ. III, 504*). Какъ уже было у насъ замѣчено, Афанасій Іерусалимскій упоминается въ Синодикѣ царя Бориса и много разъ въ исторіи двухъ папъ лавничествъ св. Саввы Сербскаго во святую землю. Даяничичъ, Живот Светога Симеуна и Светога Саве (у Биограду, 1865), стр. 266, 271, 303, 325 и др.

Такимъ образомъ, путемъ почти однихъ только отрицательныхъ доказательствъ все-таки съ яввою несомнѣвностію устанавливается тотъ фактъ, что письма Георгія Керкирскаго, изданныя въ переводѣ Бароніемъ, не могутъ относиться ко времени Фридриха Барбаруссы и Мануила I, Византійскаго императора; а послѣ этого не остается другаго выбора, какъ царствованія, съ одной стороны, Фридриха II, а съ другой—Мануила Комнина Солунскаго и Эпирскаго. Тѣ письма, въ которыхъ говорится о Мануилѣ Комнинодушѣ, какъ о государѣ, должны быть помѣщены на пространствѣ десяти годовъ отъ 1230 до 1240 или 1241; остальныя также могутъ быть относимы только не къ очень отсюда далекому времени. Что касается времени пребыванія Георгія въ южной Италіи, то оно можетъ быть еще точнѣе опредѣлено посредствомъ сооставленія съ другими данными, почерпнутыми изъ иныхъ источниковъ; такъ какъ вопросъ касается довольно любопытныхъ, но до сихъ поръ оставляемыхъ безъ вниманія или же неизвѣстныхъ для изслѣдователей современій Греческихъ государей съ Фридрихомъ Гогенштауфеномъ—то конечно, не излишними будутъ и дальнѣйшія наши разысканія.

Въ сочиненіяхъ Алліція *De ecclesiae Occidentalis atque orientalis perpetua consensione* (Coloniae Agrippinae, 1648) и *Diatriba de Georgiis et eorum scriptis* (при Парижскомъ изданіи хроникъ Георгія Акрополиты) и др.—нѣсколько разъ говорится о Георгіѣ митрополитѣ Керкирскомъ, приводятся отрывки изъ его сочиненій; при этомъ ученый хіосскій грекъ-написецъ, которому поручено было заглаживаніе Ватиканскою бібліотекою, вслѣдъ за Бароніемъ постоянно относитъ время жизни своего Георгія къ XII вѣку, отождествляя его съ авторомъ писемъ въ Церковныхъ Анналахъ; здѣсь даже двоякѣ повторяется та же самая ошибка: приподнятая Алліціемъ выдержка изъ писаній Георгія митрополита рѣшительно не могутъ относиться

къ XII вѣку. Вотъ что мы узнаемъ отъ Алліція (De Georgiis I. с. 339, 340; De perpetua consensione pag. 663). Онъ самъ читалъ въ Барберинской бібліотекѣ нѣсколько сочиненій Георгія противъ латвіянъ; одно изъ нихъ, какъ гласило греческое заглавіе, было написано авторомъ во время бѣгства, когда онъ лежалъ въ монастырѣ Казольскомъ (τῶν Κασούλων) и вынужденъ былъ въ отвѣтъ вопросамъ такъ-называемыхъ «фрато-минуріевъ» (Fratres minores, францисканцы) относительно существованія чистилищнаго огня, а другое—касалось вопроса объ опрѣсновахъ, и въ немъ между прочимъ преимущество кваснаго хлѣба доказывалось найденною будто бы въ сокровищце-хранительницѣ константинопольскаго императорскаго двора частицею того хлѣба, отъ котораго Христосъ на вечерѣ далъ своимъ ученикамъ. Кодексъ, который содержалъ эти два трактата, былъ очень древній, пергаментный, разорванный, дурно переплетенный, исполненный ошибокъ; онъ былъ написанъ рукою какого-то Іоанна Неретинскаго—anno Domini MСХХХVI (а въ Diatriba de Georgiis—1036), который, то-есть, Іоаннъ—самъ принисалъ четверостишіе, мало для насъ интересное, а затѣмъ слѣдующую замѣтку: ἐγράφη τὸ παρὸν βιβλίον διὰ χειρὸς Ἰωάννου Νερετηνοῦ μηνὶ Ἰουνίῳ εἰς τὰς 17 ἡμέρας παρασκευῆ ἔσρα θ' ἴσται σϋμδ' (въ Diatr. сфмд') τῆς 1ῆς. 8. Scriptus est hic liber manu Ioannis Nereteni mensis Iunii die decimo tertio, Parasceue hora nona Anno VI MDXLIIV indictione nona. Если вычесть отсюда (иже 6644, а не изъ 6544, какъ ошибочно напечатано въ латинскомъ переводѣ записи) 5508 годовъ до Р. Х., то получится 1136 годъ по Р. Х., замѣчаетъ Алліцій, а черезъ четыре года послѣ этого началъ царствовать Мануилъ (на самомъ дѣлѣ только съ 1143), такъ что сборникъ, ибронито, писанъ еще при жизни Георгія. Удивительнымъ образомъ Алліцій позабылъ о томъ, что ни въ XI, ни въ XII вѣкѣ не существовало нищенствующаго ордена миноритовъ, учрежденнаго только при Инокентіѣ III. Сверхъ того, ни 1036, ни 1186 годъ не былъ девятымъ годомъ индикта, а равнымъ образомъ 13-е июня не приходилось тогда въ пятницу; оба эти условія указываютъ на 6744(=1236) годъ, когда уже существовали минориты, и нѣтъ сомнѣнія, что въ принискѣ Іоанна Неретина вмѣсто сϋмд' или сфмд' нужно читать: сфмд' (=6744): очень простая и довольно обычная ошибка, объясняемая сходствомъ начертанія соответствующихъ буквенныхъ цифирныхъ знаковъ. Итакъ, въ юнѣ 1236 года какою-то нисдемъ въ южной Италіи, на что указываетъ его прозваніе—Neretum у Овидія, Neretini названіе жителей у Плинія, Neritonium въ среднихъ вѣкахъ, теперь Nardo на юго-западной сторонѣ Апуліи при Тарентинскомъ заливѣ противъ Отранто (о греческомъ монастырѣ и иконостасѣ въ Нардо—Rodotà, Del rito greco in Italia, I, 388—390), были уже переписаны сочиненія, появившіяся, очевидно, въ очень недавнее время, такъ какъ раньше втораго десятилѣтія XIII столѣтія минориты не могли быть чьими бы то ни было соавторами, а одинъ изъ трактатовъ прямо написанъ по ихъ вызову. Даже не вникая въ подробности, легко сообразить, что авторъ этихъ трактатовъ, Георгій митрополитъ Керкирскій, очевидно тождественъ съ Георгіемъ—тоже митрополитомъ Керкирскимъ, писавшимъ извѣстныя намъ письма. Алліцій былъ, конечно, правъ, принимая эту тождественность, но онъ не правъ былъ въ томъ, что помѣщалъ своего тождественнаго съ Бароніевымъ Георгія въ XII вѣкѣ.

Позднѣйшіе и новѣйшіе ученые (Oudin, Commentar. de scriptor. Eccles.

antiqu. П 1713; Mustoxidi, delle cose Corgiceni I, 424) приходятъ къ мысли о двухъ Георгіяхъ Керкирскихъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ XII вѣкѣ и писалъ письма къ Фридриху Барбароссѣ, а другой велъ диспуты съ мноритами и писалъ противъ нихъ богословскіе трактаты; но такими образомъ, не смѣя отступитъ отъ авторитета Бароніа, эти ученые нисколько не приблизились къ правильному рѣшенію именно по вопросу о письмахъ. По нашему, вопросъ разрѣшается просто тѣмъ, что никакого Георгія Керкирскаго, современнаго Барбароссѣ и Мануилу I Комнину, мы не знаемъ, а есть только одинъ Георгій митрополитъ въ Корфу, писавшій и дѣйствовавшій въ первой половинѣ XIII вѣка, то-есть, Георгій Варлаамъ, возведенный на означенную кафедру въ 1219 году (см. въ предыдущей книжкѣ Журнала М. Н. Пр., стр. 8). Одинъ изъ указываемыхъ Адляціемъ трактатовъ написалъ во время изгнанія, когда авторъ лежалъ больной въ монастырѣ Казолы, какъ это прямо объяснено въ заглавіи (ἀρχὴ ἐπιστηματικῶν πρὸς ἄκερ ἡρετήθην κατὰκείμενος ἀσθενῶς ἐν τῇ ἀγίᾳ μονῇ τῶν Κασούλων κατὰ τῶν λεγομένων φρατομινουρίων). Соотвѣтственно тому изъ писемъ мы узнаемъ о дружественныхъ отношеніяхъ ихъ автора къ Нектарію, настоятелю этого самаго монастыря. Сверхъ того, нужно припомнить, что обитель св. Николая въ Казолахъ находилась подлѣ Отранто; это былъ одинъ изъ тѣхъ монастырей, гдѣ держался греческій обрядъ и греческій богослужебный, а также и разговорный—языкъ со времени Византійскаго государства до позднѣйшихъ: въ старинномъ сочиненіи (прошлаго вѣка) Родотѣ, посвященномъ исторіи восточнаго обряда и василіанскихъ монастырей въ южной Италіи, есть свѣдѣнія объ ученой школѣ въ немъ процвѣтавшей (Rodotà, Dei rito Greco in Italia II, 120 п сл.). Когда Георгій Керкирскій говоритъ въ своихъ письмахъ о томъ, какъ онъ проболѣлъ почти всю зиму въ Отранто, то тутъ разумѣется та самая болѣзнь, которая заставила его пролежать нѣсколько времени въ монастырѣ св. Николая. Однимъ словомъ, если нельзя допустить существованія двухъ Керкирскихъ митрополитовъ, называвшихся Георгіями, занимавшихъ кафедру въ одно и то же время, то тождественность автора писемъ Бароніевыхъ съ авторомъ трактатовъ не подлежитъ сомнѣнію. Отсюда вытекаетъ слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ іюнѣ 1236 года трактаты Георгія уже переписывались въ сосѣднемъ монастырѣ Перетянскомъ (Шардо), то сочиненіе ихъ должно относиться къ одному изъ ближайшихъ годовъ считая съ 1230, когда Мануилъ, отправившій Георгія своимъ посломъ къ папѣ и Фридриху II, наследовалъ въ управленіи Оеодору Эпирскому. Съ весны 1235 года до осени 1236 Фридрихъ II находился вдали отъ Италіи, въ нѣмецкихъ земляхъ, и потому не вѣроятно, чтобъ именно весною 1236 года Георгій могъ собраться изъ Отранто на свиданіе съ нимъ; какъ видно изъ письма подл. № 4, Георгій разчитывалъ представиться императору въ Италію, даже ближе Рима, а прибывъ осенью 1236 года, онъ давно бы зналъ объ удаленіи Фридриха изъ Италіи. 1233 годъ долженъ быть также исключенъ, потому что въ этомъ году лѣтомъ Георгій присутствовалъ на собраніи греческихъ епископовъ по поводу отправления патріархомъ Германомъ митрополита Анкирскаго въ качествѣ экзарха на западъ, а затѣмъ—во время помѣстнаго собора—лежалъ больной у себя дома (см. въ предыдущей книжкѣ Журнала М. Н. Пр., стр. 47). Всего вѣроятнѣе, что посольство относится къ 1231 г., когда еще не образовалось коалиціи противъ латинявъ съ Болгарскими Асѣ-

немъ во главѣ, въ которую принужденъ былъ вступить и Мануилъ. Мы могли бы предположить, что папская грамота Мануилу, данная весной 1232 года, была отвѣтомъ на тѣ предложенія, которыми долженъ былъ сдѣлать Георгій лично, но вслѣдствіе известной причины могъ передать только чрезъ другихъ (чрезъ Нектаріи Казульскаго). Осенью 1231 года императоръ Фридрихъ находился въ Равеннѣ, весной 1232—въ Равеннѣ, Венеціи, въ Аквилѣ, а съ іюня—въ Мелфи, въ южной Италиі (Boehmer-Ficker, *Regesta imperii*, V, подъ соответствующими годами). Въ 1232 году Мануилъ находился въ самыхъ оживленныхъ сообщеніяхъ съ православнымъ Никейскимъ патриархомъ и царемъ Іоанномъ Дукою; было бы совершенно не нужнымъ двукратъ и лицезрѣнъ, еслибъ онъ въ то же самое время сталъ заискивать у папы и Западнаго императора. Кромѣ 1231 года, возможно, впрочемъ, допустить существованіе такихъ сношеній въ 1234, такъ какъ все-таки не видно, чтобы Мануилъ былъ ревностнымъ и совершенно искреннимъ участникомъ известнаго намъ союза, направленаго противъ латинянъ; онъ не былъ на свиданіи въ Галлиполѣ и не упоминается въ исторіи осады Константинополя. Осенью этого года Фридрихъ II находился въ южной Италиі и здѣсь же оставался весною 1235 до отъѣзда въ Германію. Итакъ, приходится остановиться на такомъ заключеніи, что прибытіе Георгія Керкирскаго въ Отранто, его тамъ дѣисутвы съ миноритами и отправленіе письма (№ 4) къ Фридриху II относится къ осени и зимѣ 1231, либо 1234 года, а обратный отъѣздъ къ апрѣлю мѣсяцу 1232 или 1235 годовъ.

Очень важно было бы узнать, къ какому времени относится письмо подъ № 1, изъ котораго мы узнаемъ о планахъ Фридриха II на приобретеніе острова Корфу: объ этихъ замыслахъ ничего не знаютъ ни Ширрмахеръ (*Schirgmacher, Kaiser Friedrich der Zweite*. 4 Bde. Göttingen, 1859—1865), ни Винкельманнъ (*Winkelmann, Geschichte Kaiser Friedrich des Zweiten*, 2 Bde. 1863—1865), такъ какъ письма Георгія Керкирскаго въ своемъ отношеніи къ изучаемой ими эпохѣ оставались для нихъ неизвѣстными. Можно предположить, что Георгій получилъ предложеніе въ этомъ смыслѣ еще въ Отранто—въ видѣ отвѣта на свое письменное обращеніе къ императору. Во время своего перѣзда изъ Италиі въ Палестину для совершенія своего крестоваго похода въ 1228 году (въ іюнь), Фридрихъ остановился и на островѣ Корфу, но всего нѣсколько часовъ (*Huillard-Bréholles, Historia diplomatice Frederici III*, 489), такъ что времени для переговоровъ тогда не было; притомъ Мануилъ тогда еще не былъ государемъ Эпирскимъ: грамота, подтверждающая право и привилегіи митрополіи керкирской дана имъ въ началѣ своего правленія, въ 1230 году (*Muscatidi, Hellinonimon* p. 208. *Porf, Geschichte Griechenl.* p. 268). Но кто такой могъ быть магистръ и судья (*magister et iudex*) Тома, послужившій Георгію переводчикомъ и по видимому, въ качествѣ императорскаго уполномоченнаго? Хотя мы и не имѣемъ греческаго подлинника письма Георгія, но и латинскій ихъ переводъ довольно ясно даетъ намъ понять, что тутъ рѣчь идетъ о такъ-называемыхъ *magistri iusticiarii*, а это были высшіе судебные и административные чины въ норманнскомъ государствѣ. Ихъ было трое: 1) надворный главный судья, *magister iusticiarius curiae, Grosshofjusticiar*, 2) главный или великій судья Апуліи и Terra di Lavoro, 3) главный судья острова Сициліи (см. *Ficker, Forsch. zur Reichs- und Rechtsgesch. Italiens* 1,

352 и сл.); впрочемъ первыя два званія при Фридрихѣ II, около 1231 года, полагаютъ, были соединены въ одно (Ficker, l. c. I, 534). Въ 1221 главнымъ судьей, *magister iustitiarius*, въ Апуліи и Terra di Lavoro былъ сдѣланъ Thomas de Aquino, comes Acerraum (Russard. Chron. Pertz, SS. XIX, 340), личность, занимавшая видное мѣсто въ кругу главныхъ приближенныхъ совѣтниковъ Фридриха, одинъ изъ регентовъ королевства во время отъѣздовъ Фридриха изъ Италіи (тогда къ титулу его присоединяется выраженіе *capitaneus*); въ 1235 году онъ еще разъ является съ титуломъ великаго или главнаго судьи (Russard. p. 373: Thomas de Aquino Acerraum comes magister iustitiarius). Въ Рождество 1231 года великій судья графъ Тома былъ у императора въ Равеннѣ, но уже въ январѣ воротился отъ него, назначенный правителемъ королевства (*capitaneus regni*: Boehmer-Ficker, *Regesta imper.* V, 382 № 1919; ср. *Forschungen zur Deutschen Gesch.* XII, 556). Что касается до нотарія Іоанна Отрантскаго, упоминаемаго въ письмахъ № 6, 7, 8, то не слѣдуетъ думать, что его мы должны отыскивать именно въ числѣ чиновниковъ города Отранто; напротивъ, прозваніе указываетъ только на происхожденіе изъ этого города, а въ законодательствѣ Фридриха для южной Италіи даже прямо воспрещалось назначеніе чиновниковъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ. Когда Георгій остановился въ его домѣ, нотарій Іоаннъ не находился въ Отранто. Мы можемъ съ полнымъ правомъ отождествлять его съ тѣмъ нотаріемъ императорской канцеляріи, который начинаетъ подписывать документы съ 1227 года (Huillard-Bréholles, *Histor. diplomat. Freder.* III, 15 ярявч. III, 199: *Ego Iohannes imperialis aule notarius*); въ 1239 году, оставаясь въ томъ же званіи, онъ уже играетъ первенствующую роль въ императорской куріи, а въ 1240 году Іоаннъ Отрантскій, съ титуломъ магистра, исполняетъ должность надворнаго великаго судьи, принимая прошенія на имя императора (Winkelmann, *Acta imperii inedita seculi XIII.* Innsbrück, 1880, pag. 734, 737, 738, 739) Наконецъ, въ документахъ времени Фридриха II можетъ быть отысканъ и тотъ судья города Отранто, Николай, который былъ ученикомъ Нектарія игумена монастыря Казольскаго и, слѣдовательно, принадлежалъ подобно Іоанну къ мѣстному греческому населенію (это присутствіе грековъ въ составѣ областного и центрального управленія въ южно-италіанскомъ королевствѣ Фридриха — фактъ весьма знаменательный): въ 1231 году Николай изъ Джераче въ Калабріи (Nicolaus de Girachio) былъ простымъ финансовымъ чиновникомъ въ Апуліи (*rationalis in Apulia*), а въ 1239 году онъ уже является судьей области Отрантской (Winkelmann, *Acta inedit. sec. XIII.* 624, 641, 642: *Nicolaus de Girachio iustitiario terre Vdroni et ceter*): Георгій писалъ къ нему съ Керкиры уже послѣ своей поѣздки въ южную Италію, когда тотъ сдѣлался болѣе важнымъ лицомъ, но познакомиться съ нимъ могъ ранѣе, еще въ прежнемъ его званіи. Нѣтъ никакого основанія разсуждать о тождествѣ судьи отрантскаго Николая съ епископомъ Отрантскимъ Николаемъ, который жилъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія, самъ написалъ нѣсколько сочиненій противъ латинянъ и служилъ переводчикомъ во время состязаній между греками и латинами въ присутствіи кардинала Бенедикта (не Пелатія), легата папы Николентія III (см. отрывокъ изъ его сочиненія у Алліція *De perpetua consens.* pag. 704 въ началѣ; Бенедиктъ былъ назначенъ легатомъ въ 1205 году: Potthast, *Regest.* № 2498—

2499): все, что въ этомъ смыслѣ говорится у Аляція и Мустоксиди (Delle cose Corciresi p. 425), совершенно неправильно и при томъ излишне. Въ сочиненіяхъ Николая Отрантскаго, точно также встрѣчается сказаніе о находкѣ частицъ хлѣба, употребленнаго Христомъ при тайной вечерѣ, въ сокровищехранилищѣ царскихъ палатъ византійскихъ. По замѣчанію Аляція (pag. 705), Николай Отрантскій въ своихъ сочиненіяхъ много заимствовалъ у Георгія Керкирскаго: само собою разумѣется, что мы должны понимать это на оборотъ, что Георгій въ своемъ сочиненіи противъ латинянъ много заимствовалъ у Николая, старшаго своего современника. Сверхъ того, по указанію Аляція, вслѣдствіе небрежности писцевъ Георгію часто приписывается то, что принадлежитъ Николаю. Очень вѣроятно, что и тотъ отрывокъ, въ которомъ говорится о Символѣ вѣры, начертанномъ на серебряномъ щитѣ императоромъ Львомъ III, приписанный самимъ Аляціемъ Георгію (De regretta consens. pag. 581) принадлежитъ скорѣе Николаю: авторъ говоритъ, что онъ самъ своими глазами видѣлъ это надписаніе — конечно, безъ флюкье — въ Римѣ у мощей апостола Павла; но мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ во время своего посольства Георгій Керкирскій не достигъ Рима. Георгій въ своемъ письмѣ къ игумену Нектарію говоритъ о своемъ съ нимъ знакомствѣ въ Константинополѣ, куда Нектарій сопровождалъ господина Пелагія (cum dominus Pelagius te secum traheret), а ишущій явился въ качествѣ уполномоченнаго отъ вѣнскаго епископа, подъ которымъ долженъ разумѣться Михаэль Акоминатъ, чѣмъ и оправдывается его наименованіе „свѣтильникомъ міра“ (at ego legatione fungebatur pro Athenarum episcopo, orbis scilicet lumine, eius vlces sustinens): не имѣя намѣренія останавливаться здѣсь на первоначальной біографіи Георгія, мы отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что до 1213 года, къ которому относится отправленіе легата Пелагія на востокъ (Raynald. Annales sub ann. 1213, § 6; Pott-hast, Regesta Pontif. № 4803—4804; Acropolit. ed. Bonn. pag. 32), Георгій еще не былъ митрополитомъ, чѣмъ уничтожается возможность различныхъ напрасныхъ догадокъ. Наконецъ, что касается писемъ Георгія къ Мануилу Комнину, то одно изъ нихъ, указывающее на потерю этимъ государемъ значительной части его владѣній, очевидно, ипсано въ 1237 году или не много позже, послѣ того какъ Мануилъ потерялъ собственно эприрскія свои земли, но еще сохранилъ за собою солунскія и ессалійскія владѣнія: Керкира, укрѣпленная вѣрнымъ прежнему государю епископомъ, держалась, очевидно, долѣе, чѣмъ Драчь и другіе города.

II.

О синодлѣ царя Бориса.

Возвращаясь къ Синодику царя Бориса главнымъ образомъ ради того, чтобы и съ своей стороны выразить желаніе видѣть полное изданіе всей рукописи, заключающей въ себѣ этотъ важный памятникъ болгарской письменности. Изъ статьи Т. Д. Флоринскаго, помѣщенной въ Юбилейномъ Сборникѣ профессора Ламаискаго („Къ вопросу о Богомиллахъ“), мы узнаемъ, что рукопись, бывшая въ рукахъ Палаузова, находится теперь въ народной бібліотекѣ въ Софіи. Составъ ея проф. Флоринскій описываетъ слѣдующимъ обра-

зомъ: „Она представляет довольно объемистый сборникъ, заключающій въ себѣ разныя молитвословія и чины священнодѣйствій, совершаемыхъ высшими іерархами церкви—патріархами и митрополитами. Такъ мы находимъ здѣсь чинъ апокриматствованія въ недѣлю православія, молитвы на поставленіе кесаря, чинъ обряда умовенія ногъ, молитвы на праздникъ пятидесятницы и т. д.“. Къ сожалѣнію, профессоръ Флоринскій не имѣлъ возможности переписать памятникъ цѣлкомъ и даже дать полное описаніе рукописи; но онъ остановилъ свое вниманіе на тѣхъ листахъ ея, которыми содержатся апокриматствованія лжеученіямъ богомиловъ. До 13-го листа идетъ перечень разныхъ восточныхъ ересей, проклинаемыхъ православною церковью, и здѣсь сборникъ, вѣроятно, представляетъ буквальный переводъ съ греческаго, а съ 13-го листа начинаются заблужденія богомиловъ — съ поименованіемъ именно болгарскихъ представителей этого толка.

Для насъ все-таки остается неизвѣстнъ, къ чему собственно и непосредственно принимало сказаніе о Терновскомъ соборѣ 1211 года, и что въ этомъ сказаніи разумѣлось „подъ православными соборами“, къ которымъ оно было вписано.

III.

1. Письмо Мануила деспота Эпирскаго къ патріарху.

Πρὸς τὸν πατριάρχην.

Καλῶς ἡττάσθαι μακαριστόν, εἰ δὲ καὶ τὸ μὴ τέλους ἄχρι τῆ οἰκείᾳ πει-
 σμονῇ συνεκθνήσκειν ἔστιν οὐ τῶν ἐπαινουμένων. μακάριος ἄρα καὶ οὐ κατέ-
 ρων πάτερ παναγιώτατε, καλῶς παρ' ἡμῶν ἡττώμενος καὶ τῷ ἡμετέρῳ συγ-
 κατανεύσας θελήματι, μᾶλλον δὲ οὐδὲ τῷ ἡμετέρῳ, ἀλλὰ τῷ φυσικῷ, ναὶ δὲ
 καὶ τῷ θεῷ. καὶ φύσις γὰρ αὐτῆ τοὺς ἰατροὺς ποτε τοῖς τῶν νοσοῦντων
 θελήμασιν ἀγεί συγκατιέναι, καὶ ὁ δι' ἐμὲ πτωχεύσας Θεὸς Λόγος το-
 σοῦτον τοῖς τῶν δεομένων ὑπεχώρει θελήμασιν, ὥστε καὶ μὴ ζητοῦντος
 τοῦ ἑκατοντάρχου ἐκείνου ἐλλθεῖν τὸν θεάνθρωπον εἰς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ ἐφ'
 ᾧ τὸν δοῦλον τούτου ἰάσασθαι, ἀλλ' ἐκεῖνος ἔλεγεν· ἐγὼ ἐλλθὼν θεραπεύσω
 αὐτόν. ὅρως, κορυφαία παντὸς ἀγαθῶ, ὡς οὐχ ἡμέτερον ἀπλῶς ἐξεπέραναι
 θέλημα, ἀλλὰ καὶ πρὸς τί ἐντρυνίσας ὀφειλημένον ἐποίησας. λέγεις δὲ, ὅτι
 παρ' ἡμῶν ἡττήθης, ἀνθρώπων γενναϊότατος· τοῦ μυστηρίου βαβαί, ἧ γὰρ
 δυνατὸς ἐστὶ Παῦμα Παυμάτων, εἰ νενίκησαι ὁ δυσκαταγώνιστος καὶ τρόπαιον
 ἡμεῖς κατὰ τῆς σῆς ἀνδρείας ἐστήσαμεν, ἀλλ' ἴσθι, ὅτι λαμπρότερον σεαυτῷ
 παραδόξως ἀναπλεξῶ τὸν στέφανον νῦν μᾶλλον, ὅταν τὴν ἡτταν ταύτην εὐτέ-
 γως ἐκληρώσω, ἧ ὅτε τὴν Καδμείαν ἐκείνην δυσκλήρως νίκηην νενίκηκας.
 οὐτ[ω] γὰρ ἐγὼ καλεῖν ἐθέλω τὸ προλαβὼν ἐκεῖνο δύσζηλον καὶ τὸ περὶ
 τὰ πράγματα σκληρόγνωμον καὶ ἀντίτυπον. οὐκέτι γοῦν Ἐφραιμ καὶ
 Ἰούδας, οὐδὲ καταφάγεται οὗτος ἐκεῖνον καὶ ἐκεῖνος τοῦτον, ἀλλ' εἰς λαὸς
 ὁ ἐξ Ἰακώβ, αἰνοῦντες ὁμοστόμως καὶ εὐλογοῦντες τὸν Θεὸν ὑπὸ χορευάρχῃ

τῷ μεγάλῳ πατριάρχῃ, τῷ παρ' ἡμῖν Ἰακώβ, τῷ ἐν τοῖς ἐπιτηδεύμασι τῶν χειρῶν αὐτοῦ ἄγοντι καὶ ποικίλλοντι τὴν παρατεθειμένην τούτῳ ποίμνην παρὰ Θεοῦ, καὶ τὰς δύο ἀδελφὰς νυμφευσαμένῃ, τὴν ἀνατολὴν φημι καὶ τὴν δύσιν, εἰ καὶ προχρονίως μὲν ἐκείνην, ἀντιχρονίως δὲ τὰ ἡμέτερα. μακάριος εἶ σὺ· κατὰ γὰρ τοὺς τῶν παλαιστῶν δοκιματάτους ἐπιστημονικῶς ἠγωνίσω, καὶ δοκῶν πίπτειν νενίκηκας καὶ τοὺς ὑπερκειμένους ὑπέθου καὶ ὑπόστρωμα τούτους ποιεῖς σεαυτῷ. εὐγέ σοι τοίνυν τῆς τοιαύτης ἤττης, εὐγε ἡμῖν τῆς νίκης, μᾶλλον δὲ τὸ ἀνάπαλιν· εὐγε γὰρ τῇ σῇ ἀγιότητι τῆς πανυπερλάμπροο νίκης, ἐπεὶ νενίκηκας ἰδοὺ καὶ τὴν δύσιν, ἣν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ καθιδρονθέντων ἐν τῇ Νικαίᾳ νενίκηκεν, εὐγε καὶ ἡμῖν τῆς ἤττης ἀπαρακαλύπτως ὑποβαλούσης ἡμᾶς τε αὐτοὺς καὶ τὰ ὑφ' ἡμᾶς τῇ πατριαρχικῇ μεταρσιότητι. οὐκέτι γὰρ ὡδὲ καὶ ἐκεῖ τὸ πατριαρχικὸν ὑποτονθομοσῆζεται κλέος ἐν τῇ ἐφ' ἡμᾶς ἐπικρατείᾳ, ἀλλ' ὑποπλάτει στόματι καὶ γλώσσῃ εὐφήμῳ δεδοξασμένα περὶ αὐτοῦ λαληθήσεται. τί τοῦτο, ἀνδρῶν μεγάθυμο καὶ ἀήττητε, οὕτως ἠττάσθαι μεμάθηκας; οὕτως ἀλίσκει παρ' ἡμῶν ὁ δυσάλωτος; μακάριος εἶ· τὸ γὰρ τοῦ Χριστοῦ μου πραύθυμον ὡς ἄγχιστρον ἐκ τῶν ἐῶν σκοπέλων ἐν τῇ δυτικῇ καθυποχαλάσας θαλάττῃ ζωγρίαν ἀνήνεγκας μοριάδας ἀνθρώπων, οὐκουν ἀριθμητῶν, ἄριστον ἀρίστως ἠτοιμασμένον αὐτῷ καὶ πανδαισίαν τῇ ἑαυτοῦ τραπέζῃ ἀρμόδιον. εὐλογητὸς ὢν αὐτὸς ὁ συνάπτων τὰ νέα τοῖς παλαιοῖς. καὶ πάλαι μὲν γὰρ Παῦλος ὁ τὸν Χριστὸν ὄλον ἐν ἑαυτῷ περιφέρων συνασθίνει τοῖς ἀσθενοῦσι καὶ ὑπὲρ τῶν σκανδαλιζομένων ἐκυροῦτο καὶ πάντ' ἐποίει καὶ πάντ' ἔπασχεν, ἵνα πάντας καίπερ ἀπειθοῦντας κερδήσῃ· νῦν δὲ σὺ Παῦλος νέος ὑπὸ Θεοῦ ἀνεγγήγερσαι καὶ ζήλω ζηλιεὶς κατ' ἐκείνον τὴν ἐκκλησίαν Χριστοῦ, καὶ ὑπὲρ πασῶν τῶν χριστιανικῶν ἐκτῆκει ψυχῶν, μεριμνῶν οὖν καὶ τυρβάζων καὶ περὶ τοῦ καθ' ἡμᾶς ἐνταῦθα κλίματος, καίπερ μὴ τραχηλιάζοντος εἰς τὸ κατασκηνοῦσαί σου τὴν δόξαν ἐν τῇ γῇ ἡμῶν, εὖρες ὄπερ ἐζήτεις. κἄν γὰρ ἡ τῶν ἡμερῶν ἀκραγία προεκώλυέ σου τὸ πρόθυμον, ἀλλὰ θυροκρουστοῦντι συχνὰ δι' εὐχῆς, ὄψέ ποτ' ἀνοίγει Θεὸς καὶ τὴν καλοῦ ἐφομαλίζει ὁδὸν καὶ αἶρει τοὺς λίθους ἀπ' αὐτῆς καὶ εὐθεῖαν ποιεῖται αὐτήν. τί γοῦν ἔσται ἀπὸ τοῦ νῦν; τί σοι ἄλλο ποιήσω, ὦ μέγας τῆς οἰκουμένης φωσφόρε; ἠνοίγησάν σοι αἱ ὁδοί, τὰ τῶν λίθων προσκρούσματα μετετέθησαν,—τοῦ λοιποῦ ἵππευε κἄν τῇ δύσει καὶ διφρηλάτει, ταχὺς ὡς γίγας, καλὸς ὡς νυμφίος ἐκ παστοῦ αὐτοῦ, πάντα περισκόπει, καταφώτιζε ξύμπαντα, μηδεὶς ἢ μηδὲν ἀποκρυπτέσθω τὴν θέρμην σου. τὰ μὲν δὴ περὶ τῶν τοιούτων ἑτέρα τις κομψευομένη γλῶσσα καὶ γλαφορὰ καὶ καλλιπλοκεῖν εὐφωῶς τὰ τοιαῦτα γινώσκουσα διαλαλήτω τρανώτερον. ἡμεῖς δὲ στρατιῶται ὄντες, τὴν γλῶσσαν ἀποίχιλοι καὶ πρὸς κάλλος ξέειν τοὺς λόγους μὴ ἐξασκήσαντες, ἐνταῦθα κἄν ἀτέχνως καὶ ἀκαλλῶς τὸν περὶ τούτου λόγον συγκλείομεν. ὁ δὲ γε παναγιώτατος μητροπολίτης Ἀγκύρας ὁ

παρὰ τῆς σῆς ἀγιότητος πεμφθεις εἰς τὰ καθ' ἡμᾶς ἐσπέρια, ὥστε τὸν τῆς ἀγιότητος σου τόπον ἀποπληρῶσαι καὶ καταφωτίσαι τὰ ἐπὶ πολὺ τῆς πατριαρχικῆς διανοίας μὴ ἀπολαύσαντα, διεσώθη ἕως καὶ εἰς ἡμᾶς ὑγιῶς, πάσης ἀνίας ὑπέρτερος, καὶ ὑπεδέχθη ἀσμένως παρ' ἡμῶν καὶ μετὰ τιμῆς τῆς ἀξίας, αὐτὸς δὲ πάλιν μετέδωκεν ἡμῖν τῆς σῆς εὐλογίας καὶ τοῦ ἀγιασμοῦ, ὃν δι' αὐτοῦ πρὸς ἡμᾶς ἡ σὴ ἀγιότης ἐξέπεμψεν. ὁμως καὶ τὸ τοῦ Ἀγκύρας γράμμα δύναται βεβαιῶσαι τὰ περὶ τούτου τ[ῆ] σφ̄ μεγαλείῳ. δοξάζεται οὖν ὁ Θεός, εὐλογεῖται καὶ τὸ τῆς σῆς ἀγιότητος ὄνομα, ὅτι διείλες τὸ μεσότηγον τ[ο]ῦ φ[ρα]γ[μ]οῦ, ὅτι συνῆψας τὰ δύο εἰς ἓν, ὅτι οὐχ ἕτερορεπῶς καὶ περὶ μέρος, ἀλλ' ἐξί[σης] καταφωτίζεις τὰ ἑῷα καὶ τὰ ἐσπέρια. ἐπὶ τούτοις πίστιν ἔχομεν εἰς τὸν Θεόν, ὅπως εὐμενισθήσ[ται] καὶ ἡμῖν τοῦ λοιποῦ τὸ φοβερὸν ὄμμα, τὸ ἐπιβλέπον ἐπὶ τὴν γῆν καὶ ποιοῦν αὐτὴν τρέμειν, καὶ ἔσται ἡμῖν οὐ μόνον ἡ ἄνωθεν εἰρήνη καὶ τὸ τῶν ψυχῶν ἀσφαλές, ἀλλὰ καὶ τῶν ἐγκοσμίων ἀπολαύσομεν ἀγαθῶν, γάλα τε ἀμέλζομεν τῶν ἐκμυζοσάντων ἡμᾶς καὶ πλοῦτον φαγόμεθα τῶν ἐκπιεσμάτων ἡμῶν, ἔτι δὲ καὶ τὰ ὠραία τῆς ἐρημωθείσης γῆς ἡμῶν κτανθήσεται, καὶ πληρωθήσονται αἱ ἄλωναί ἡμῶν καὶ ὑπερεχυθήσονται οἱ ληνοί, καὶ παλαιὰ παλαιῶν φαγόμεθα, καὶ αἶνεσις Κυρίου λαλήσει τὸ στόμα ἡμῶν. τοιοῦτος ἐγὼ προφροναστῆς καὶ τοῦ μέλλοντος πρόμαντις, πιστεῖ προτεκμαιρόμενος τὰ εἰσύτερον. ἀλλ' ἐπισφραγίζει ταῦτα Θεός, ὁ ἀρχηγὸς καὶ τελειωτῆς παντὸς ἔργου ἀγαθοῦ. αἱ ἄγναι εὐχαὶ τῆς μεγαλειότητός σου εἶεν περιφρουροῦσαι ἡμᾶς, ψυχῇ τε καὶ σῶματι ἐστηριγμένους τῇ εἰς Χριστὸν πίστει καὶ προκόπτοντας ἐν παντὶ ἔργῳ ἀγαθῷ.

2. Патриаршая грамота о назначеніи патриаршимъ каѣсторіекомъ Анкероваго митрополита и о предоставленіи ему доходовъ съ монастырей.

Ὁὐ φημίσεις βουὴν ἀλοῶντα, τὸ γράμμα παραγγέλλει τὸ παλαιόν. παραβλητέον δὲ βουοῖν ἀλοῶσι τοὺς περὶ τὰς ἄλωνα ἀναστρεφομένους, τὰς ἐκκλησίας, τῆς καθ' ἡμᾶς ἱεραρχικῆς ἐργολάβας φιλοπονίας, οἷς τῶν δραγμάτων ἐπιβαίνειν ἐφεῖται τῆς μυστικῆς γεωργίας, τῶν ἀνθρωπίνων λέγω ψυχῶν, τῷ τοῦ παντὸς δημιουργῷ καρποφορουμένων καὶ συντριβῆς χρηζουσῶν, ἴν' ἀχυρῶδους πάσης ἐκκαθαρθεῖεν ἐπιμιξίας λογισμῶν, εἰ γε δὴ καὶ ἔργων σακρότητος, καὶ τῶν ἄνω ἀποθηκῶν εὐρεθεῖεν ἐπάξιοι. τοὺς γοῦν περὶ τὴν πνευματικὴν ἐκπονημένους γεηπονίαν φημοῦν παρ' αὐτὴν καὶ ταῦτα τῶν καρπῶν τὴν συχομιδὴν, οὐ καλὸν οὐδὲ ὄσιον. κἄν γάρ τὸ εὐαγγέλιον ἄμισθον, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ἀδάπανον. τίς δὲ καὶ ποιμαίνων ποιμνην ἐκ τοῦ γάλακτος αὐτῆς οὐκ ἐσθίει; εἰ δὲ καὶ ἡμεῖς ὑμῖν τὰ πνευματικὰ ἐσπεύσαμεν, μέγα, εἰ ἡμεῖς ἡμῖν τὰ σωματικὰ θερίσομεν; ὁ θεοπέσιος Παῦλος ἔστιν οἷς ἐντρικ-

τικώτερον προσφερόμενος φθέγγεται. ταῦτά τοι καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν τοὺς κόπους δοσωπούμενη τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Ἀγκύρας τῆς Γαλατῶν ἐπαρχίας, ἀγαπητοῦ κατὰ Κύριον ἀδελφοῦ αὐτῆς καὶ συλλειτουργοῦ, οἷς κατὰ Θεὸν ὑπέλαβεν ἑαυτὸν, τὴν ἐπαρχίαν τῶν κατὰ δύοσι πατριαρχικῶν δικαίων μετὰ τῆς ἡμετέρας τοποτηρησίας ἀναδεξάμενος, ἐδικαίωσεν αὐτῷ εἰς δαπάνην πορισμὸν ἀδιάβλητον καὶ τοῦτ' αὐτὸ κεικανοισμένον καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ ἐπεγνωσμένον, ὃς ἐστὶν ἡ κατὰ τύπον ἀρχαῖον τοῖς ἐπισκόποις ἀπονενομημένη λογία ἢ εὐλογία πρὸς τῶν ὑπ' αὐτοὺς μοναστηρίων, εὐκτηρίων οἰκῶν καὶ πρεσβυτέρων, ἣν καὶ κανονικὸν ὀνομάζουσιν εἰώθασιν. καὶ ταύτην διοριζόμεθα ἀποφέρεισθαι τὸν ἱερωτάτον Ἀγκύρας τοποτηρητὴν καὶ ἐπαρχον εἰς οἰκείαν οἰκονομίαν, ἐφ' ὅσον ἂν χρόνον διέπῃ τὸ παρὸν διακόνημα. παρεγγυώμεθα δὲ καὶ πᾶσι τοῖς ὀφειλέταις τοῦ δόματος μετ' ἰλαρότητος χαίροντας τοῦτο παρέχειν, ἐν τῷ λογίζεσθαι, ὡς οὐ μᾶλλον διδώσιν ἢ λαμβάνουσιν, σμικρῶν ψηγμάτων ὅλως θησαυροὺς ἀντωνούμενοι, καὶ τούτους ἀδαπανήτους. εἶχε τῷ μηνί καὶ δι' οἰκείων χειρῶν ὑπογραφὴν τοῦ πατριάρχου.

3. Другая грамота патриарха Германа о восстановлении власти патриарха надъ такъ-называемыми царскими монастырями во владѣніяхъ Эпирскаго деспота.

Εἰσὶ μὲν, ὡς ἀνηνέχθη τῇ ἡμῶν μετριότητι, διάφορα μοναστήρια τῆς τοῦ πανευτοχεστάτου δεσπότητος καὶ περιποθήτου θεοῦ τοῦ κρατίστου μου αὐτοκράτορος καὶ ἐν Ἀγίῳ πνεύματι ἀγαπητοῦ υἱοῦ τῆς ἡμῶν μετριότητος τοῦ Κομνηνοῦ κῦρ Μανουὴλ τοῦ Δούκα ἐπικρατείας, ἐτέρωσε ἕτερον διακειμένα καὶ οὕτω βασιλικά κικλησκόμενα, παρὰ δὲ τὴν τοιαύτην κλησιν καὶ πάσης ἀφηνιάζοντα χειρὸς ἐπισκοπικῆς, ὑφ' ἧςπερ ἂν ἰθυόμενα τῆς πρὸς σωτηρίαν φερούσης οὐ παρεκκλίνοιν. μηδὲ γὰρ ἀνεχτὸν ἡγεῖσθαι τάχα ἱερατικῇ ταπεινοφροσύνῃ καθυποκλῖναι τὸ ὑψηλὸν τοῦ ὀνόματος. τὸ δὲ, ὅπως σκῆψις οὐκ εὐπρεπῆς, [αὐ]τίκα δὴ καὶ φανήσεται. ἡγνότητι γὰρ οὐδενὶ τῶν ἀπάντων πᾶσαν οἰκοδομίαν ἀφιερωμέν[ην] Θεῷ ἐξ ἱεραρχικῆς τελειότητος λαμβ[ά]νειν τὴν πρώτην τοῦ θεμελίου καταβολὴν, τοῦ σωτηρίου σταυροῦ τῷ τόπῳ προσπηγνυμένου, ὃν οἱ κτήτορες ἐκεῖθεν ἔχουσι χομισάμενοι, κἂν ἰδιῶται τὴν τύχην ὡσι, καὶ ἄρχοντες, κἂν οἱ τὸ διάδημα περικείμενοι. οὐ δὲ χωρὶς ἱερὸν συστήναι ἀδύνατον, παντί που δῆλον, ὅτι περ ἐκεῖνος καὶ τὴν πνευματικὴν ἐξουσίαν τῶν δομηθέντων ἀποίσεται, περιλειπομένου τοῖς κτήτορσιν ἐτέρου μὲν οὐδενός, ἐν οἷς καθάπαξ ἀφιερῶσιν ἐνταῦθα Θεῷ, πλὴν ὅτι τῆς μηνῆς μόνης καὶ τοῦ διὰ τὴν προσαγωγὴν καὶ τὴν ἐπίδοσιν μαχαρίζεσθαι τῶν γὰρ ἀντιδόσεων ἐς τὸ μέλλον εὐρωώτερον ἀπολαύσουσιν. ἀποδειγμένον τοίνυν διὰ μετρίων σαφέστατα τοῦ μὴ δύνασθαι ἀνεπισκόπητον εἶναι μηδὲν τῶν παρ' οὐτινοσοῦν τῶν ἀπάντων ἐς δεῦρο καινοθεντων ἢ με-

τέπειτα ναισαυθισμένων μοναστηρίων ἐπί σταυροπηγίους δηλαδή ἀρχιερατικοῖς, κακείνο πάντως συναποδέδεικται, ὅτι καὶ τὰ βασιλικὰ μοναστήρια ὑπὸ ἀρχιερατικὴν αὐθεντίαν ἐτάχθησαν ἀπαρχῆς, ἥτις σταυροπήγιον τοῖς θεμελίως προκατεβάλλετο. ἱεροπρακτεῖ δὲ τὰ τε ἄλλα καὶ δὴ καὶ τὴν τῶν ναῶν ἐκ πρώτης βάσεως ἴδρυσιν ἕκαστος μὲν τῶν τε τοὺς ὑψηλοὺς καὶ τῶν τοὺς ὑποβιβηκότας ἐπεχόντων θρόνους τῆ ἑαυτοῦ ἐνορίας, παρ' ἐνορίαν δὲ τῶν ἀπάντων οὐδεὶς ποτε σταυροπήγιον ἀκινδύνως εὐρεθήσεται παρασχομένος, χωρὶς τοῦ κατὰ καιροῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, ᾧ δηλονότι μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τοῦτο τὸ προνόμιον ἐπί πάσης ἐφείται τῆς διοικήσεως. μελήσει τοίνυν τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Ἀγκύρας, ἐξάρχῳ τῶν κατὰ δύοιν πατριαρχικῶν δικαίων καὶ τοποτηρητῇ τῆς ἡμῶν μετριότητος, ἀγαπητῷ κατὰ Κύριον ἀδελφῷ καὶ σολειτουργῷ, ἐπὶ συνελύσει καὶ τῆς ἐκεῖσε ἱερᾶς ἀδελφότητος, ἀνερευνησάμενοι τὰ περὶ τῶν ὡς εἴρηται βασιλικῶν λεγομένων μοναστηρίων, παρουσιαζόντων πρὸς τὴν ἐξέτασιν καὶ τῶν τὰς ἐνορίας ἔχόντων ἀρχιερέων, ἐν αἷς τὰ τοιαῦτα ἴδρυνται μοναστήρια. καὶ εἰ μὲν σταυροτοπήγια περιώζοντο ἀδιάβλητα, δι' αὐτῶν, εἰ δ' οὐκ, ἀλλὰ δι' ὧν ἂν ἐτέρων εὐπορήσῃ δικαιωμάτων ἀπὸ τε τῶν ἐκκλησιῶν ἀπὸ τε τῶν μοναστηρίων προἰσχομένων, εὐρεῖν τὴν ἀλήθειαν, ἐκ τούτων ἕκαστον τῆ πνευματικῇ αὐθεντίᾳ καθοποτάξει εἴτε τοῦ ἐγγωρίου ἀρχιερέως, εἴτε μὴν καὶ τῆς ἡμῶν μετριότητος, ᾧ τινι δηλονότι μέρει καὶ διαφέρον ἐκ τῶν ἐγγράφων ἀποδείξεων εἴτου παραστάσεων εὐρεθήσεται. ἐνθα δὲ ἴσως μήτις σταυροπήγιον εὔρηται καὶ δικαιωμάτων ἐγγράφων ἀπορία προσίσταται, διὰ τῆς πρὸ τοῦ συγχυτικοῦ καιροῦ χρονιωτέρας νομῆς ἀπαργάπτως μαρτυρουμένης ἢ νικῶσα τῷ πλεονεκτουμένῳ μέρει ἀποδοθήσεται, καὶ ὑπὸ τὴν τούτου ἀνάκρισιν ἕκτοτε κείσεται τὸ ἀμφίβολον μοναστήριον ἐν τοῖς ψυχικοῖς σφάλμασιν, ἐκείθεν καὶ τὴν τῆς ἡγουμενείας σφραγίδα δεχόμενον καὶ πᾶσαν ἄλλην διακυβέρνησιν ἐπισκοπικὴν, διατράνωσ δὲ καὶ τὴν ἀναφορὰν ἐν ταῖς ἱεραῖς ἀγισταῖαις καὶ ταῖς καθεκάστην ἐθθιναῖς καὶ ἐσπεριναῖς ὑμνωδίαις ποιούμενον. εἶχε τῷ μηνὶ ἰουνίῳ ἰνδ. ς' διὰ τιμίων γραμμάτων τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς.